

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Ерохин Владимир Сергеевич

**Нормативно-коммуникационное измерение идентификации личности:
социально-философский анализ**

Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук

Научный консультант
доктор философских наук,
профессор Невважай И.Д.

Саратов

2026

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Нормативность, идентификация, личность: соотношение понятий.....	26
§1. Проблема личностной идентификации: сущность и подходы к решению ...	26
§2. Понятие нормативности: сущность и подходы к описанию	66
§ 3. Идентификация нормативности и нормативность идентификации личности	103
Глава 2. Нормативность личности и коммуникация	123
§1. Коммуникация и социальная нормативность: от понятия к практике	123
§2. Персональная идентификация в системе «Я - Другой»: проблема нормативности и общения.....	165
Глава 3. Нормативность в практическом бытии личности.....	193
§1. Социальные практики и персональная идентификация: нормативное измерение	193
§2. Нормативность и практики гендерной идентификации.....	228
§3. Коммуникативная и нормативная природа политической идентичности и идентификации личности	264
Заключение	302
Список литературы	312

Введение

Актуальность темы исследования. Проблема персональной идентичности и идентификации, ее нормативное и коммуникационное измерение изучается в различных гуманитарных и социальных науках: философии, социологии, психологии, языкознании и правоведении. Во второй половине XX века произошел огромный прорыв в области техники и технологии. Быстрыми темпами развивается техногенная среда общества, в частности компьютерные технологии и средства коммуникации. Все большую актуальность приобретает оказываемое развитие кибер- и виртуального пространства и связанной с ним нормативности, позволяющей регламентировать, определить персону принципиально новым способом. В современном обществе значительно видоизменяются устоявшиеся стереотипы самосоотнесения с образцами и регламентирования существования личности в обществе и мире в целом. Человеческая индивидуальность, реализуясь как конкретный уровень проявления социума, легко подвергается изменениям. Более того, следует говорить о персоне как о результате конструирования, реализуемом как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Значимыми видятся глобализационные изменения современного социума, определяющие возможность унификации норм и универсализации ценностей бытия человека.

Проблемным представляется тот факт, что ставшие традиционными способы и модели персональной и коллективной идентификации в современном постиндустриальном и цифровом обществе утрачивают свою эффективность, что требует поиска новых механизмов реализации данного процесса. Происходящий отказ от традиционных ценностей культуры в целом определяет необходимость переосмысления базовых принципов персонального и коллективного существования человека, поэтому идея субстанциализма и фундаментализма может быть переосмыслена в пользу анализа практик персонального существования.

Актуальность данного исследования определяется совокупностью нерешенных вопросов, так или иначе связанных с правом народов на самоопределение, нарушение или непредоставление которого способно повлечь международные вооруженные конфликты, а также необходимостью решения миграционной проблемы, обусловленной с возможностью наступления совокупности негативных последствий на государственном, макросоциальном и межличностном уровнях в виде различного рода конфликтов и дезинтеграции целых социальных групп в систему связей и отношений.

Для российского общества поставленная проблема связана, как показано в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809, с необходимостью сохранения традиционных ценностей как нравственных ориентиров, основания мировоззрения народа, а также способа сохранения, защиты и укрепления суверенитета России. Проблематика детерминирована процессом глобализации, в рамках которого особенным представляется столкновение идеологических оснований и их ресурсов по нормативному навязыванию коллективных и персональных форм идентичности.

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в качестве проблемного обозначается наличие активного деструктивного внешнего воздействия на российские ценности с целью негативного воздействия на индивидуальное и коллективное сознание, а также «вестернизация» отечественной культуры, способные приводить к ряду смежных государственных и национальных проблем. Необходимой представляется выработка мер по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Значимость изучения нормативного измерения персональной идентичности и идентификации может быть связана с поиском критерия приемлемости и допустимости существующих форм и практик персональной идентификации, что дает возможность влиять на способы социальной интеракции и, как следствие, регламентации общественных связей и отношений. В результате, могут быть сформированы и использованы различные методы политики идентичности,

призванные создать и сохранить образ «своего» как правильного, социально и культурно значимого. Частным случаем актуальности нормативного измерения персональной идентификации следует считать анализ существующих систем гендерной иерархии для формирования четких гендерных ориентиров как основания решения актуальных социальных и государственных проблем.

Важным представляется положение о том, что современные достижения биоинженерии и медицинской трансформации телесности породили дискуссии о трансформации гендера и соответствующих практик идентификации. Однако актуальными представляются исследования, посвященные правовым, психологическим и этическим аспектам преобразований в данной области. Так, частным случаем является доминирование универалистского подхода к этическому измерению гендерных связей и отношений, в то время как принцип комплиментарности к данному предмету научного изучения практически не разрабатывается.

Ценным мыслится изучение политических практик персональной идентификации. Причиной тому служит ряд факторов, связанных с глобализационными процессами, включенностью все большего числа людей в сферу политической деятельности, появлению новых (в том числе цифровых) форм взаимодействия с государством.

Актуальность изучения коммуникативного измерения персональной идентичности и идентификации состоит в поиске одного из важнейших критериев человеческих принципов существования, общих норм совместного существования персон. Значение коммуникации в современном обществе заключается в выявлении полноценного, единого, интерсубъективного основания взаимодействия между различными социальными субъектами и персонами, которые так или иначе достигли личностной идентификации. Сохраняется возможность диалогической формы отношений между персонами как субъектами общественных отношений на основании принципов равенства сохранения личного достоинства человека. Анализ социальных практик дает возможность изучить трансформации персональной идентичности,

соответствующие историческому и культурному состоянию. Получаемые знания позволяют реализовать в различных формах и способах процесс достижения персональной идентификации и изучать ее трансформации.

Объект и предмет исследования. *Объектом* данного исследования является процесс формирования личностного бытия. *Предметом* исследования выступают практики самоопределения личности в нормативном и коммуникационном измерении.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о сущности персональной идентичности рассматривается в различных фундаментальных и прикладных исследованиях. В истории философии вопрос о природе личности и ее идентичности ставился в различные эпохи. В рамках античного мировоззрения понятие личности, предполагающее развитую субъективность, уникальность и свободу человека, еще не возникает, однако, начиная с идей Протагора и Сократа, появляется тенденция к признанию значимости самостоятельной личности. Понятие «личность» впервые становится предметом изучения философии в средневековой христианской мысли, в рамках которой формировалось теоцентрическое понимание данного понятия, а человек мыслился как персона, созданная по образу и подобию Бога. Так, А. Августин высказывал идею о становлении человека как личности посредством преодоления себялюбия через любовь к Богу, а также становления моральной личности с помощью благодати.

Эпоха Возрождения характеризуется антропоцентризмом, выражающим примат индивидуализма, раскрепощенности личности и реализации ее творческих способностей. Человек трактовался как высшая ступень бытия, что сказывается на целостном его восприятии. Он еще не полноценная личность, но высоко организованное животное, лишенное статуса образа и подобия бога. В новоевропейской философии под влиянием декартовской концепции личность отождествлялась с сознанием. Лейбницианская идея совести как важного свойства личности, локковское тождество личности с самосознанием, берклианская синонимичность с духом, кантианское нравственное понимание

персоны – вот лишь неполный перечень вариантов решения проблемы человека и его личности в новоевропейской мысли. Данное понятие утвердилось в качестве одной из ключевых философских категорий.

В дальнейшем, в рамках гуманизма нового и новейшего времени, признавалось право человека на свободу (например, экзистенциализм), развитие и проявление творческих способностей. В философии существования признается проектная природа человека, включающая в себя идею о самостоятельном, свободном творении личностью самой себя. Реализуются идеалы индивидуализма и возвышенности личности. Представители персонализма трактуют личность как инстанцию, не сводимую ни к природе, ни к обществу, признают за ней высшую ценность, в то время как вся реальность трактуется в качестве производной от творческой активности абсолюта. В русской религиозной философии персоне трактовалась через призму соборности, коллективизма и религиозной духовности.

Понятие идентичности берет свое начало в трудах Дж. Локка, изложившего классическое решение проблемы самоидентичности человека и личности: оно состоит в том, чтобы понять, каким образом может сохраняться во времени то, что мы могли бы назвать персональной идентичностью. Проблема персональной идентичности решалась в рамках различных концепций, среди которых имеет смысл выделить персонализм, экзистенциализм, а также ряд других. Среди прочих ценной является семиотическая концепция, в контексте которой решение проблемы самоидентичности трактуется через отображение внешнего референта и выделение знаков идентичности. Центральным оказывается отделение свойств от вещей в форме актуализации знаков с последующей категоризацией вещи¹. Персональная идентификация, таким образом, становится системой знаков, на основании которых субъект относит себя к конкретному воображаемому сообществу.

¹ Бразговская Е.Е. Семиотика идентичности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 108–115; Лукьянова Н.А. Семиотическая сборка субъекта в социальном конструировании // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. С. 155–167.

В рамках современной философской традиции проблема идентичности и идентификации решается через анализ частных, прикладных аспектов самоидентичности личности. Высказывается принципиальная идея о субстанциальной сущности персоны с указанием на наличие сущностных свойств отдельного субъекта. Так, Е.Дж. Боровски² определяет сущность процесса идентичности, указывая на наличие у персоны субстанциальных свойств. Д. Парфит³ анализирует содержание персональной идентичности с психологической точки зрения. В.С. Буяновым⁴ изучаются политологические формы идентификации и идентичности. Существует ряд других исследований, в которых по-разному трактуются проблемы персональной идентичности и идентификации. Так, В.И. Пузько⁵ указывает на важность процесса самопонимания в процессе конструирования персонального бытия. Однако все представленные точки зрения не позволяют учитывать динамику становления персональной идентичности личности.

Изучение понятия «норма» реализуется в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Отмечается многоаспектность данного понятия. Существенными оказываются расхождения в содержании трактовок понятия «норма» и ее связь не только с социальной природой человека, но, в первую очередь, с естественным принципом меры. Возникает столкновение представленных значений, что затрудняет понимание сущности нормы как регулятора общественных отношений и выражения сущности человека. В науке сложилось фундаментальное направление нормологии, центральным принципом которой следует считать идею о нормативной детерминации мышления и поведения человека. Так, М.В. Моррис, И.-И. Хонг, К.-И. Чиу и З. Лиу⁶ высказали утверждение о связи между нормами как социальными образцами и

² Borowski E.J. Identity and personal identity // *Mind. New Series*. Vol. 85. No. 340. P. 481–502.

³ Parfit D. Personal identity // *The Philosophical Review*. Vol. 80. No. 1. P. 3–27.

⁴ Буянов В.С. Идентичность современной России: проблемы формирования // *Вопросы политологии*. 2012. № 2 (6). С. 80–81.

⁵ Пузько В.И. Принцип самопонимания в конституировании личностного бытия в условиях мультикультурности и транскulturности // *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 2010. №3. С. 16–21.

⁶ Morris M.W., Hong Y.-y., Chiu C.-y., Liu Z. Normology: Integrating insights about social norms to understand cultural dynamics // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2015. Vol. 129. P. 1–13.

поведением как человека, так и целой социальной группы. Т.Дж. Терри и М.А. Хогг⁷ предложили идею о высокой ценности усвоения групповых норм для повышения идентификации с конкретной группой. Ряд других исследователей, среди которых Г.Р. Патерсон и Т.Дж. Дишион, трактуют нормативность как форму принуждения, запрещающую различные формы антисоциального поведения, а также психологическую склонность человека к насилию⁸.

Среди отечественных мыслителей значимым представителем направления нормологии следует считать В.Д. Плахова⁹, который исходит из онтологического понимания нормы как феномена, который содержит в себе информацию об организации и поведении субъекта. Мыслитель адаптирует представленное понимание к общественной действительности, указывая на возможность нормативного описания персонального и коллективного существования. Отметим таких специалистов в области теории норм, как Л.Г. Ефанова¹⁰, Е.В. Попова¹¹, К.Ю. Добрин¹² и ряд других. Учеными утверждается положение о норме как характеристике средней величины случайных событий или явлений. Такой подход представляется неэффективным, поскольку не дает возможности различить в полной мере естественные законы и социальные нормы. И.Д. Невважаем¹³ развивается семиотическая концепция норм, предлагается анализ феноменологической традиции и заявляется необходимость анализа норм с точки зрения соотношения знака и значения в их структуре. Кроме того, норма трактуется ученым как выражение конструктивной природы человека.

⁷ Terry T.J., Hogg M.A. Group norms and the attitude-behavior relationship: a role for group identification // *Personality and social psychology bulletin*. 1996. No 2. P. 776–793.

⁸ Patterson G.R. *A Social Learning Approach*. Vol. 3. *Coercive Family Process*. – Eugene, OR: Castalia Publishing Company, 1982. 368 p.; Dishion T.J., Patterson G.R. *The Development and Ecology of Antisocial Behavior: Linking Etiology, Prevention, and Treatment* // *Developmental Psychopathology*. Volume Three: Risk, Disorder, and Adaptation / edited by D. Cicchetti, D. J. Cohen. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2016. P. 503–541.

⁹ Плахов В.Д. *Социальные нормы: философский анализ общей теории*. М.: Мысль, 1985. 253 с.

¹⁰ Ефанова Л.Г. Норма как философская и семантическая категория // *Вестник науки Сибири*. 2015. № 1 (16). С. 70–78.

¹¹ Попова Е.В. Содержание понятия «норма»: основные смыслы // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 38 (329). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 108–112.

¹² Добрин К.Ю. Социальная норма в традиционном и современном обществе // *Вестник Поволжской академии государственной службы*. 2011. №1 (26). С. 116–121.

¹³ Невважай И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической теории права // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017. №6 (335). С. 68–86.

Е.В. Попова, Н.Ю. Завьялова и А.Н. Руденко¹⁴ определяют содержание и особенности социальных норм. А.А. Карагордин¹⁵ изучает прикладные вопросы нормативности в юридической лингвистике. В.В. Оглезнев и И.П. Тарасов¹⁶ анализируют нормативные свойства юридических понятий. Все представленные научные труды содержат в себе решение прикладных вопросов, связанных с юридической или лингвистической сферой. Вместе с тем недостаточно широко изученным остается вопрос о содержании социальной нормативности и ее связи с персональной идентификацией.

Проблемность коммуникационного процесса связывается с рядом аспектов, главным среди которых имеет смысл считать противопоставление внешнего (технического) и внутреннего (человекообразного). Значимым видится разведение понятий «общение» и «коммуникация», что приводит к многообразию трактовок коммуникационного процесса. Вопрос о сущности коммуникации разрабатывался рядом отечественных и зарубежных исследователей. Так, К.-О. Апель¹⁷ предлагает интеграционное понимание коммуникации, утверждает наличие первоначального множества контекста, совокупности значений как основания взаимного понимания субъектов коммуникации. Н. Луман¹⁸ анализирует сущность коммуникации с точки зрения аутопоэзиса и сводит ее содержание к единству сообщения, информации и понимания. Ю. Хабермас¹⁹ предложил понимание коммуникативного действия как основания согласования, координации intersubъективных форм взаимодействия социальных субъектов на основании рациональной интерпретации. М. Маклюэн²⁰ обосновал расширительное понимание коммуникации как культурных, социальных технических форм освоения мира.

¹⁴ Завьялова Н.Ю., Руденко А.Н. К вопросу о понятии социальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 213–216.

¹⁵ Карагордин А.А. К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 469–480.

¹⁶ Оглезнев В.В., Тарасов И.П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. №4 (12). С. 101–110.

¹⁷ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с.

¹⁸ Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.

¹⁹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. 380 с.

²⁰ Маклюэн Г.М. Понимание медиа. Внешнее расширение человека. М., 2007. 464 с.

Анализ фундаментальных концепций коммуникативного процесса позволил ряду отечественных мыслителей сформировать коммуникативный подход, в рамках которого принципиальным является положение об изучении социальных феноменов и процессов через призму возможности трансляции информации. Формирование и развитие данного подхода реализуется в коммуникативной теории права Л.И. Петражицкого²¹, научном творчестве современных представителей Петербургской школы философии права (например, – А.В. Полякова²²), а также ряда других видных ученых, среди которых особое место занимает С.В. Тихонова²³. Коммуникация в рамках научных достижений ученых трактуется как основание взаимного понимания субъектов правового процесса. Признается положение о необходимости добровольного возложения на себя обязанностей, сообщаемых правам Другого, как ответа на ожидания по поводу собственных прав.

Кроме того, С.В. Тихонова и Д.С. Артамонов²⁴ демонстрируют применимость авторского коммуникативного подхода к анализу ряда социальных феноменов и институтов цифровой среды. Так, социальные медиа трактуются исследователями в качестве арен, дающих возможность структурировать процессы производства исторического знания. Такие арены интерпретируются в качестве среды, в которой циркулируют различные аксиологические нарративы, позволяющие конструировать различные (в том числе политические) коллективные идентичности.

Особое значение представляет концепция понимания коммуникации, предложенная А.Ю. Антоновским²⁵. Автор предложил расширительное понимание данного феномена как общения, предполагающего трансляцию

²¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1909.

²² Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дисс... д-ра юрид. наук / А.В. Поляков. СПб., 2002. 94 с.

²³ Тихонова С.В. Идеи истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 2. С. 25–47; Тихонова С.В. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху: дис... д-ра. юрид. наук. Саратов., 2024. 433 с.

²⁴ Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Цифровая мифология медиапамяти // Наука, технологии, ценности в неустойчивом мире. М., 2024. С. 754–757.

²⁵ Антоновский А.Ю. Коммуникация как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47. №1. С. 5–24.

любой информации (в том числе в животной среде, в системе ЭВМ и прочих). Сущность коммуникации анализировалась также Н.С. Мудрагеем²⁶, Л.Е. Моториной²⁷, И.В. Гаузером²⁸ и рядом других отечественных исследователей. Учеными утверждается наличие поверхностного и экзистенциального уровней коммуникационного процесса, определяется его связь с развитием средств трансляции знаний. Эволюционный принцип развития коммуникации описывается А.В. Назарчуком²⁹. Роль коммуникации в процессе социализации уточняется З.Н. Хабибулиной³⁰. Кроме того, интересной представляется концепция понимания коммуникации, предложенная О.В. Костиной³¹, в рамках которой данный феномен трактуется как смыслообразующий фактор человеческого бытия, дающий возможность выявить и проявить самость персонального и коллективного бытия.

В научной литературе отмечаются различия между общением и коммуникацией³², а также различия в передаче данных в среде животных и социальных условиях³³. Однако, имеет место большое количество разнородных и порой содержательно противоречивых подходов к определению сущности коммуникации, что затрудняет ее понимание. И хотя существуют публикации на эту тему, к примеру, А.А. Муханалиевой³⁴, тем не менее слабо рассмотрены положения о связи социальной нормативности и коммуникации.

Практическое применение понимания сущности нормы и коммуникации усматривается в intersubъективных связях и отношениях. Проблемной является

²⁶ Мудрагей Н.С. Коммуникация как мера человечности // *Философия науки и техники*. 2012. Т. 17. №1. С. 143–155.

²⁷ Моторина Л.Е. Феномен коммуникации в жизни современного человека // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2011. №3-1. С. 6–10.

²⁸ Гаузер И.В. Коммуникация в рамках социологической и культурологической парадигм // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2017. Т. 6. №1. С. 146–151.

²⁹ Назарчук А.В. Эволюция понятия коммуникация в социальной мысли XX века // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия, 2012. №1. С. 48–49.

³⁰ Хабибуллина З.Н. Роль коммуникации в социализации личности // *Бюллетень науки и практики* 2018. Т. 4. №11. С. 537–541.

³¹ Костина О.В. *Онтология коммуникации* / О.В. Костина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 152 с.

³² Агальцев А.М. Общение и коммуникация // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2008. Сер. Вып. 4. С. 319–325.

³³ Иваницкий В.В. Коммуникация у животных: теория и факты // *Русский орнитологический журнал* 2009. Т. 18. Экспресс-выпуск 470. С. 407–425.

³⁴ Муханалиева А.А. Нормативное коммуникативное поведение // *Lingua mobilis*. 2012. №4 (37). С. 68–72.

конструктивистская трактовка интерсубъективности в феноменологической концепции «Я – Другой» (Э. Гуссерль и некоторые другие мыслители), суть которой определяется выделением активного синтеза и способностью субъекта навязывать собственные нормативные основания воспринимаемому субъекту. Все это приводит к затруднениям в коммуникативном процессе, что требует отдельного анализа для минимизации негативных последствий подобных реалий.

Так, отечественные исследователи, например, И. Полещук³⁵ или В.М. Половникова³⁶, анализируют содержание пассивного синтеза в трудах Э. Левинаса, понимая под ним способность персоны к усвоению внесубъектных оснований бытия персоны. Д.И. Дубровский³⁷ предметом своего изучения сделал конструктивизм Э. Гуссерля и его центральную идею активного синтеза как способности личности к формированию общей картины мира и организации alter ego через аналогическую аппрезентацию исходя из сферы субъективности его. Обе точки зрения ограничены в своем содержании, поэтому значимым представляется изучение единства пассивного и активного синтеза как основания нормативности и коммуникации персональной идентичности и идентификации.

Понятие «практика» является предметом философского и прикладного изучения в различных прикладных областях. Содержательно отметим затруднения в понимании значения данного понятия, поскольку ученые, занимающиеся его анализом, сводят сущность практики к дисциплинарным отраслям знания. Изучением сущности практик занимались зарубежные классики философской мысли, среди которых непременно следует отметить К. Маркса и его трудовую концепцию практики, а также П. Бурдьё³⁸ с его деятельностной концепцией. Среди отечественных мыслителей сущность

³⁵ Полещук И. Понятие интерсубъективной темпоральности в философии Левинаса // Левинас Э. Путь к Другому. Сборник статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб., 2006. С. 2–36.

³⁶ Половникова В.М. Я и Другой: концепции М. Бубера и Э. Левинаса // Эпистемы-2: матер. межвуз. семинара: альманах / сост. и общ. ред. Н.В. Бряник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 92–96.

³⁷ Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» // Вопросы философии. 2008. №1. С. 19–28.

³⁸ Шматко Н.А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 552–553.

практик является предметом изучения в работах Н.М. Плотниковой³⁹, А.А. Дьякова⁴⁰, В.И. Родионовой⁴¹ и ряда других ученых. Авторами исследуется трудовая (в трудах А.А. Дьякова), деятельностная (у В.И. Родионовой) концепции практик, а также обозначается узкоспециальное их применение (в работах Н.М. Плотниковой). Вопрос о сущности социальных практик стал центральным в трудах Ю.М. Резника⁴² и С.С. Шугальского⁴³, в которых потенциал данного понятия исследуется в контексте повседневности. Однако недостаточно изученным остается вопрос о нормативной природе социальных практик.

Проблемное поле гендерных практик персональной идентификации может быть связано с их историческими и современными трансформациями, что требует выявления соответствующих оснований. Кроме того, значимым следует считать возможность и необходимость сохранения традиционных форм гендерных практик для поддержания социальных, культурных, исторических и иных ценностей.

Актуальные вопросы гендерных практик решались в трудах Г.Г. Силласте, В.Л. Нестеровой и С.Т. Баранова⁴⁴, Х. Хартман⁴⁵, С.В. Мелкова и А.В. Кудриновой⁴⁶ и ряда других отечественных и зарубежных авторов. В различных исследованиях изучаются психологические, социальные и экономические основания гендерной идентичности, однако практически не рассматриваются вопросы, связанные с нормативным измерением гендерной самоидентичности и практик ее достижения. Значимым представляется

³⁹ Плотникова Н.М. Социальные практики как средство профессионального воспитания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. №4. С. 17–21.

⁴⁰ Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 8–12.

⁴¹ Родионова В.И. Деятельностный подход и понятие «социальные практики» в современной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №6 (44): в 2 ч. Ч. 1. С. 170–173.

⁴² Резник Ю.М. Человек и его социальные практики // Интелрос. 2008. №4/6. С. 84–102.

⁴³ Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание Понимание. Умение. 2012. №2. С. 277–278.

⁴⁴ Нестерова В.Л., Баранов С.Т. К вопросу о динамике гендерных стереотипов в современном постиндустриальном обществе // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 61–69.

⁴⁵ Hartman H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. No. 1. P. 137–169.

⁴⁶ Мелков С.В., Кудрина А.В. Эволюция представлений о гендере и гендерной идентичности в психоанализе от истоков до 1990-х годов // Развитие личности. 2015. №2. С. 96–119.

изучение практик гендерной идентификации с точки зрения их двойственной нормативной природы, позволяющей трансформировать индивидуальные и социальные способы существования персоны.

Вопрос о политической идентичности и идентификации определяется необходимостью выявления соответствующих признаков субъекта. Проблемной является множественность трактовок политического и ряда смежных концептов, среди которых выделим «цивилизационную», «гражданскую», «партийную», «государственную», «национальную», «этническую» идентичность, «политику идентичности» и др. Существует ряд научных публикаций, посвященных содержанию политической идентичности и идентификации. К ним можно отнести работы И.С. Семеновича⁴⁷, Т.А. Корниенко⁴⁸, А.А. Алаудинова⁴⁹ и других ученых. Отдельно изучаются формальная и содержательная стороны политической персональной идентичности. Проблематике содержания гражданской идентичности и идентификации посвящены, в частности, работы Д.В. Монастырского⁵⁰, Т. Водолажской⁵¹, В.Н. Ефименко⁵². В рамках указанных исследований изучается связь политической, гражданской, национальной и этнической персональной и коллективной идентичности и идентификации. Вместе с тем слабо разработанной представляется проблема коммуникативной и нормативной природы политической и гражданской идентичности и идентификации.

Цель и задачи исследования. Целью работы является социально-философский анализ нормативной и коммуникативной природы персональной идентификации личности.

Реализация данной цели требует решения следующих задач:

⁴⁷ Семенович И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2. С. 5–24.

⁴⁸ Корниенко Т.А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. №2 (16). С. 61–69.

⁴⁹ Алаудинов А.А. Роль политических институтов и практик в формировании общенациональной политической идентичности в России // Теория и практика общественного развития. 2014. №20. С. 114–116.

⁵⁰ Монастырский Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий юга России. 2017. Том 23. №1. С. 181–188.

⁵¹ Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. №5-6 (43 – 44). С. 140–142.

⁵² Ефименко В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 250–254.

1. Дать сравнительный анализ существующих подходов к содержанию персональной идентификации личности, выделить их общую черту.
2. Определить содержание понятия «социальная нормативность», выявить принцип ее эволюционного развития.
3. Соотнести понятия «персональная идентификация» и «социальная нормативность».
4. Проанализировать содержание понятия «коммуникация» как социального феномена, провести соотношение понятий «социальная нормативность» и «коммуникация».
5. Выявить нормативные основания intersubъективных отношений.
6. Определить нормативную природу социальных практик, проанализировать тенденции трансформации социальных практик персональной идентификации.
7. Исследовать нормативную природу гендерных практик персональной идентификации.
8. Проанализировать нормативную и коммуникационную природу политических практик персональной идентификации.

Методологическая и теоретическая база исследования. При проведении диссертационного исследования применялось несколько групп общенаучных и специальных методов, выбор которых детерминирован необходимостью реализации поставленных в работе задач. Так, в процессе изучения существующих подходов к определению содержания персональной идентификации применялись общелогические методы: анализ, дающий возможность выявить содержание каждого из подходов, сравнительный метод, позволяющий выявить их общие черты и различия, а также критический метод, дающий возможность выявить преимущества и недостатки данных подходов.

Социально-философский подход как методология исследования применяется для анализа значимых для диссертации понятий. Методологической основой изучения содержания понятия «норма», а также его соотношения с понятием «персональная идентификация» стал нормативистский

подход, дополненный элементами экзистенциального и конструктивистского анализа. Первый, реализуемый в явной форме в идеях Г. Кельзена, традиционно критикуется за избыточный формализм в понимании юридических норм. Конструктивистский и экзистенциальный подходы своим недостатком имеют избыточный субъективизм в трактовке персонального бытия. Предпринятый в диссертационном исследовании синтез данных подходов позволяет нивелировать их недостатки, высказать идею о норме как выражении конститутивной природы человека, его способности формировать практики персональной идентификации, высказать положение о самостоятельности эндогенной нормативности и ее несводимости к экзогенному инварианту, а также нивелировать конфликт между соответствующими нормативными основаниями персонального бытия. Теоретическим основанием изучения соотношения понятий «норма» и «персональная идентичность» составили труды Т.Дж. Терри М.А. Хогг, В.Д. Плахова, И.Д. Невважая и ряда других зарубежных и отечественных ученых. Основанием анализа нормативных оснований intersубъективных отношений являются социально-феноменологические концепции Э. Гуссерля, А. Райнаха и Б. Вандельфельса, Э. Левинаса.

Предложенная нами методология, включающая в себя преимущества нормативистского, конструктивистского и экзистенциального подходов, может применяться для анализа различных практик персональной идентификации (цифровых, профессиональных, этноконфессиональных, эстетических, производственных и ряда других). Выбор гендерных и политических практик и их анализ в рамках диссертационного исследования определяется их актуальностью на уровне проводимой в России государственной политики идентичности и политики памяти, целью которых является сохранение традиционных ценностных ориентиров. Кроме того, изучение данных практик персональной идентификации позволяет в наиболее яркой, выпуклой форме продемонстрировать эффективность предложенного научного метода.

При анализе концепта «коммуникация» применялся логический метод, дающий возможность выявить существенные свойства данного процесса, а

также элементы компаративистского анализа, позволяющего отделить содержание коммуникативного процесса от иных форм трансляции информации. Теоретическим основанием изучения коммуникационного процесса следует считать труды Н. Лумана, Ю. Хабермаса, М. Маклюэна.

В процессе анализа сущности практик использовался логический метод, теоретическим основанием послужили труды К. Маркса и П. Бурдьё, а также ряда отечественных исследователей, посвященные рассматриваемой научной проблеме.

Анализ гендерных и политических практик персональной идентификации осуществлялся на основании критического подхода, а также принципа философской дополнительности.

Научная новизна диссертационного исследования.

1. Впервые осуществлен сравнительный анализ субстанциального, реляционного, конструктивистского, социального интеракционизма как подходов к определению содержания персональной идентификации.

2. Проанализировано содержание понятия «социальная нормативность», впервые сформулирован эволюционный принцип ее изменения.

3. Определено соотношение понятий «персональная идентификация» и «социальная нормативность», обосновано введение и использование понятий «экзогенная нормативность» и «эндогенная нормативность», а также несводимость (самостоятельность) эндогенной нормативности к ее экзогенной форме.

4. Проанализировано содержание понятия «коммуникация», определена двуединая нормативная природа коммуникационного процесса, а также его высокий эвристический потенциал для анализа нормативной природы практик персональной идентификации.

5. Впервые нормативные основания intersubъективных отношений определяются через единство активного и пассивного синтезов, содержащих в себе ресурсы экзогенной и эндогенной нормативности.

6. Показано, что нормативная природа социальных практик персональной идентификации выражается в единстве экзогенных и эндогенных норм. Это позволяет личности адаптировать персонально значимые модели поведения к актуальным условиям социального бытия, то есть согласовывать их с внешними требованиями общественной системы.

7. Впервые продемонстрировано, что нормативная природа гендерных практик персональной идентификации трактуется как единство экзогенных и эндогенных нормативных оснований бытия личности. Первое выражает совокупность нормативно закрепленных оснований гендерной стабильности общества, второе отражает способность персоны к самовыражению в системе гендерных статусов и ролей.

8. Впервые показано, что нормативная природа политических практик персональной идентификации состоит в единстве трансляции формально закрепленных статусов и ролей персоны в политическом сообществе через воображаемые сообщества с их эмоциональным переживанием персоной. Коммуникационная природа политической идентификации личности реализуется в форме взаимного влияния политических субъектов и личности как участника политического процесса.

Положения, выносимые на защиту.

1. В ряде классических подходов к решению проблемы личностной идентификации (субстанциализм, релятивизм, конструктивизм, социальный интеракционизм) центральным является вопрос о содержании понятия «самость», выражающего совокупность признаков, с которыми отождествляет себя личность. Различие между существующими подходами к рассматриваемой проблеме выражается в том, какие предлагаются решения вопроса о соотношении предзаданных и формируемых признаков самости личности. В диссертации обосновывается положение о детерминации нормативными основаниями бытия личности процесса достижения ее персональной идентичности. Самость интерпретируется как то, что конституируется в процессе жизни.

2. Понятие «социальная нормативность» интерпретируется как выражение конструктивной природы человека, средство формирования представления о социально и индивидуально допустимых, приемлемых и положительно оцениваемых моделях поведения человека в социальной действительности. Она трактуется как возможность достижения компромисса, конвенции между коллективным и индивидуальным социальным субъектом, позволяющая обеим сторонам общественного процесса реализовать свои требования и возможности. Социальная нормативность может быть понята как минимальное условие бытия человека в обществе, задающее способы бытия человека как существа общественного. Эволюционный принцип развития социальной нормативности состоит в переходе ее от аскриптивности к дескриптивности, но при сохранении минимально необходимых аскриптивных ее элементов.

3. Соотношение нормативности и персональной идентификации решается через выделение экзогенной и эндогенной нормативности в социальном бытии персоны. Эндогенная нормативность мыслится как совокупность (система) персонально конституируемых норм и набор характерных для этой системы свойств, что способствует самореализации персоны. Экзогенная нормативность понимается как репрезентация установок и способов поведения в группе, которые оцениваются как допустимые и приемлемые. Это выражает коллективные требования к общественному бытию персоны. Ценность самореализации персоны и значимость стремления к безопасности и стабильности общества позволяет говорить о несводимости (а значит – самостоятельности) эндогенной нормативности к ее экзогенному инварианту. Предложенные понятия содержат указание на потенциальный конфликт между эндо- и экзогенными нормативными основаниями бытия личности, однако позволяют указать на возможность согласования персональных интересов и общественных требований в процессе формирования персональной идентичности человека.

4. Возможность достижения компромисса между коллективным и индивидуальным, а также достижение человеком персональной идентичности

предполагает необходимость коммуникации, которая в рамках коммуникационного подхода трактуется как внешнее проявление процесса общения, выраженное в социально приемлемых, эффективных, рационально отобранных способах и формах передачи информации и обмена ею между субъектами социального взаимодействия. Коммуникация трактуется как информационно-инструментальное взаимодействие, позволяющее создавать нормативные основания социальной интеракции агентов и обмен информации между ними. Такая трактовка позволяет объяснить двуединый процесс реализации нормогенеза с одной стороны и интериоризацию личностью имеющихся норм, создание ею эндогенной нормативности для формирования персонально значимых свойств – с другой. Двуединая нормативная природа коммуникационного процесса реализуется в единстве экзогенных и эндогенных его оснований. Первое связано с регламентацией внешних форм трансляции информации, второе – с возможностью самовыражения персоны и ее способностью к обмену информацией. Становится возможным социальное соглашение, цель которого – достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами.

5. Персональная идентификация в системе «Я – Другой» реализуется на основании единства пассивного и активного синтеза нормативных оснований бытия отдельных субъектов. Активный синтез связывается с экзогенной нормативностью, предполагающей навязывание требований к персональной идентичности и нивелирующей личностное начало. Полагается подчиненность персоны внешним правилам существования. Пассивный синтез, выраженный в эндогенной нормативности, позволяет увидеть в Другом равного субъекта, способного определить собственное положение в общественной системе. Появляется возможность сохранения общих принципов совместного существования личностей как субъектов intersубъективных отношений, их коммуникации. Единство описанных нормативных оснований дает возможность достигнуть устойчивости процесса идентификации личности, а также избежать множества издержек столкновения интересов социальных субъектов.

6. Понятие «социальная практика» выражает деятельность человека, направленную на трансформацию окружающей действительности, адаптацию преобразовательных действий человека к повседневности, социальному контексту. Содержание данного понятия включает в себя необходимость соединения экзогенной и эндогенной нормативности, детерминирующих формы и методы достижения персональной идентичности. При этом реализуется возможность согласования поведения персоны, основанного на эндогенной нормативности, с экзогенными требованиями социальной системы. Существующие тенденции трансформации социальных практик персональной идентификации (стандартизация, массовизация, виртуализация и симулякрзация) содержат в себе элементы доминирования внешней нормативности над внутренней, что в некоторых случаях становится основанием заимствования субъектом принципов организации практик персональной идентификации извне, без создания собственных аналогов и способов самовыражения.

7. Процесс формирования гендерной идентичности основан на закреплении социальных, экономических и психологических ценностей, в соответствии с которыми персона получает возможность вступить в систему семейно-брачных связей и отношений. Нормативная природа гендерной идентификации личности выражает единство экзогенной и эндогенной нормативности. Первая выражается в совокупности внешне детерминированных требований к социально ценному поведению персоны, что приводит к оптимизации процесса принятия значимых решений и обеспечению стабильности гендерной стороны общественной системы. Эндогенные нормативные основания персональной гендерной идентификации способствуют самовыражению личности в системе гендерных статусов и ролей. На их основании становится возможным выбор личностью приемлемых моделей поведения, которые в полной мере позволяют ей выразить персональные интенции. Практическая реализация выведенного эволюционного принципа трансформации нормативного основания практик персональной идентификации

позволяет сделать вывод о способности личности к преодолению описанных тенденций трансформации социальных практик, а также к смещению доминирования внутренних норм персональной идентификации над внешними, что приводит к изменениям в статусно-ролевой гендерной самоидентификации персоны.

8. Под политической идентификацией персоны следует понимать процесс ее соотнесения с политически значимыми воображаемыми сообществами (институтами) и вовлечения в соответствующую интеракцию. Политическая идентификация личности представляет собой единство достижения коллективного образа политического бытия и субъективного самосоотнесения персоны с ним. Она имеет нормативную природу, одна часть которой формируется в процессе проводимой в государстве политики идентичности и детерминирует достижение персоной формально закрепленных статусов и ролей в политическом сообществе. Другая составляющая нормативной природы политической персональной идентификации реализуется в форме эмоционального переживания личностью своей принадлежности к социально-политической группе, основанного на создании ценностного смысла группового членства. Персональная политическая идентичность имеет двуединую коммуникативную природу, которая представляет собой результат пассивного восприятия персоной регламентирующего влияния политико-правовых норм и выражение вовлеченности личности в сферу публичной политики как активного актора и ее способности влиять на формирование политически значимых решений.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в глубоком и систематизированном понимании социальной нормативности и коммуникации как социального феномена в процессе достижения личностью персональной идентификации в системе современного общества.

Материалы и результаты диссертации расширяют и углубляют философский научно-категориальный аппарат. Содержание и выводы

исследования могут найти применение в общетеоретических и специальных курсах философии. Результаты диссертационного исследования могут стать теоретической и методологической основой для дальнейших прикладных исследований и принятия политических решений в области формирования государственной и национальной политики идентичности, политических стратегий коммуникации, современной международной политики, разрешения межнациональных конфликтов, проблем демографии, структурирования семейных отношений и в ряде других областей. Перспективным представляется применение предложенного метода к исследованию формирования личностной идентичности в цифровой среде. Представленная нами методология имеет высокий эвристический потенциал для анализа особенностей процесса цифровизации, дифференцирования субъектов коммуникации в цифровой среде, а также ряда сопутствующих научно значимых и прикладных проблем. Возможно использование основных идей диссертационного исследования в курсах по социальной философии, философии культуры, а также в спецкурсе «концепции и парадигмы социальной философии». Основные идеи диссертации могут быть использованы при составлении учебных и учебно-методических пособий по философии и культурологии.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования.

Основные положения и результаты исследования, а также выводы, содержащиеся в диссертации, были представлены на научных конференциях, среди них: международные научные конференции: «Мир человека: нормативное измерение – 4» (Саратов, 2015), «Мир человека: нормативное измерение – 5» (Саратов, 2017), «Мир человека: нормативное измерение – 6» (Саратов, 2019), «Мир человека: нормативное измерение – 7.0» (Саратов, 2021), «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Саратов, 2020); 2.0 международная научно-практическая конференция «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Саратов, 2020); международная конференция «Бренное и вечное: мифологии и

социальные технологии цифровой цивилизации – 2021» (Великий Новгород, 2021); 3.0 международная научно-практическая конференция «Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Саратов, 2022); Третий Международный Конгресс Русского общества истории и философии науки «После позитивизма» (Саратов, 2022); международные научные конференции «Мир человека: нормативное измерение – 8.0. Анормальное» (Саратов, 2023), «Мир человека: нормативное измерение – 9. Anormal: pro et contra» (Саратов, 2025); 4.0 международная научно-практическая конференция «Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Москва, 2023), «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2024. Парадоксальность морали и моральные парадоксы: проблемы и решения» (Санкт-Петербург, 2024), «Цивилизационная и культурная идентичность: многообразие измерений» (Самара, 2024); I Всероссийская конференция «Социокультурная идентичность и историческая динамика» (Новосибирск, ИФПР СО РАН, 2025), V Всероссийская научная конференция с международным участием «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород, 2025).

Основное содержание работы отражено в 38 публикациях автора общим объемом около 20 печатных листов, из них 20 статей в журналах из Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Диссертация обсуждалась на кафедре философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Структура работы определяется логикой исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав (восьми параграфов), заключения и списка литературы.

Глава 1. Нормативность, идентификация, личность: соотношение понятий

§1. Проблема личностной идентификации: сущность и подходы к решению⁵³

Вопрос о тождестве (идентичности) как предмете исследования является одним из наиболее сложных в рамках философского поиска. Отождествление мыслится некоторыми современными исследователями как способ познания мира, познавательная операция, отношение между предметами, «позволяющее говорить о них как о неотличимых друг от друга в какой-то совокупности характеристик»⁵⁴. Способность находить тождество между предметами важна для осмысления поступающей человеку информации как о внешнем мире, так и о нем самом. Знание о тождественности себя определяет вектор понимания человеком своего места в мире.

В научной литературе отмечаются расхождения в трактовке идентичности как предмета научного интереса. Предметом изучения становится не только человек, малая или большая социальная группа, но и идентичность цифровых данных⁵⁵, тождественность математических данных и теории алгоритмов⁵⁶, даже безопасность в области криптовалют⁵⁷. Как следствие, поле исследования расширяется в ряде плоскостей, начиная с изменения положения человека в условиях трансформации технической

⁵³ В данном параграфе использованы материалы статей: Ерохин, В.С. Подходы к трактовке личностной идентификации: субстанциализм, конструктивизм и социальный интеракционизм / В.С. Ерохин // Вестник развития науки и образования. – 2019. – № 1. – С. 92–99; Ерохин, В.С. Проблема личностной идентификации: релятивизм / В.С. Ерохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, вып. 1. – С. 27–32.

⁵⁴ Подберезная Л.И., Семенова В.Г. Проблема тождества в философии и языке и закон Г.В. Лейбница // Философия права. 2009. №2 (33). С. 107.

⁵⁵ Zhao Z., Wu G., Guo F., Wang B., Hu Y. Black-Box Accountable Authority Identity-Based Revocation System // Computer Journal. 2020. 63(4). P. 525–535.

⁵⁶ Kim T., Kim D.S. Identities for degenerate Bernoulli polynomials and Korobov polynomials of the first kind // Science China Mathematics. 2019. 62(5). P. 999–1028.

⁵⁷ Sin E.S., Naing T.T. Digital identity management system using blockchain technology // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2021. No. 1166. P. 895–906.

стороны общества и заканчивая технико-технологическими аспектами идентичности.

В философии проблема тождества (идентичности) была предметом изучения в некоторых диалогах Платона, который использовал термины «идея» и «эйдос» для обозначения совокупности однородных предметов, обладающих едиными признаками. Кроме того, идея и эйдос в терминологии Платона позволяют усматривать общее в различных (изменяющихся) состояниях предмета⁵⁸.

В XVII веке Г.В. Лейбниц трактовал известный логический (идуший от Аристотеля) и общенаучный закон тождества через утверждение наличия математически понимаемых сходных свойств у двух и более предметов. В отличие от немецкого ученого, Э.Б. де Кондильяк тождество понимает материалистически, указывая на возможность использования аргумента по аналогии для обоснования тождественности предметов и знаков, с помощью которых мы передаем информацию о них. Г.В.Ф. Гегелем противопоставляется формальное и конкретное тождество, составным элементом последнего является различие как содержательное свойство любых предметов и явлений.

Современные отечественные и зарубежные мыслители изучали проблему тождества с различных точек зрения: установление тождества и различия через многостороннее соприкосновение человека с действительностью (П.П. Гайденко), в познании языковых толкований и способов понимания тождественности (К. Айдукевич, У. Куайн, А. Вежбинская, Ю.Д. Апресян и др.), тождество и возможные миры (например, С. Крипке).

Так, на страницах стенфордской энциклопедии указывается, что проблема идентичности имеет ряд аспектов, среди которых важными представляются проблема личной идентичности (в частности, с течением времени), понятие ее критерия, анализ тождественности с течением времени (выраженной в дискуссии между сторонниками концепций постоянства и

⁵⁸ Мочалова И.Н. К вопросу о становлении философской терминологии: эйдос и идея в философии Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. Вып. 2. С. 73–81.

выносливости⁵⁹). Дискуссионный характер имеет ряд аспектов проблемы идентичности, среди которых следует отметить:

- постоянство предмета (для нас – личности) с течением времени (сторонники теории выносливости признают устойчивость предмета и его постоянное присутствие в каждый момент своего существования, в то время как сторонники пердурантизма трактуют идентичность через утверждение, что объект обладает рядом временных состояний);

- идентичность в возможных мирах и релевантность ее изучения;

- относительную идентичность;

- демаркацию отношений идентичности и композиции.

В зарубежной литературе отмечается дискуссия по вопросу языковой (лингвистической) природы идентичности. В центре обсуждений оказывается связь между языковыми выражениями и нелингвистическими объектами, между неязыковыми объектами и совокупностью признаков, выраженных вербальным способом. В соответствии с этим проблемными становятся:

- связь (тождественность) определяемого понятия и группы определяющих его признаков. В рамках данной проблемы ведется дискуссия, посвященная следствиям закона тождества неразличимых Г. Лейбница, в рамках которой проводится обсуждение возможности существования симметричной вселенной, содержащей две качественно неразличимые сферы и ничего больше⁶⁰;

- тождественность предметов, которая транзитивно порождает тождественность их свойств, что, в свою очередь, порождает дискуссии о различных логически формируемых мирах. Дискуссионным представляется сам факт транзитивного перехода от тождества предметов к идентичности их свойств, что, как нам представляется, не является самоочевидным.

В качестве существенных следует отметить радикальные и одновременно популярные позиции П. Гича и Д. Льюиса. Радикальность точки зрения первого

⁵⁹ Haslanger S. Endurance and Temporary intrinsics // *Analysis*. 1989. No. 49 (3). P. 119–125.

⁶⁰ Black M. The Identity of Indiscernibles // *Mind*. 1952. No. 61 (242). P. 153–164.

выражается в указании на тот факт, что современные дискуссии, посвященные проблеме тождества, являются несостоятельными на основании отсутствия предмета: понятие «абсолютная идентичность» не имеет применения, поэтому мыслителем предлагается использовать исключительно термин «относительная идентичность»⁶¹.

Кризис понимания идентичности в рамках логического позитивизма Д. Льюиса отрицает подлинность дебатов об идентичности на основании их нефилософской природы. Для мыслителя критерием подлинности становится возможность выразить проблему на языке идентичности.

В целом следует говорить о решении проблемы тождественности через призму языковой реальности. Из имеющихся идей противоречивой и неэффективной представляется идея о максимальном сближении тождественности и математического равенства: математизация (сведение к равенству) определяемого субъекта с совокупностью определяющих свойств не позволяет в полной мере говорить о достаточности аргументов сторонников школы аналитической философии.

Вне зависимости от теоретических установок исследователя признается возможность достижения тождественности на основании тех или иных критериев. В условиях изменчивости предметов возможным является достижение тождественности на основании определенных свойств и в контексте определенного времени.

Тождественность как идентичность, таким образом, мыслится в качестве процесса самоотождествления с определенным образцом, который, как утверждает Е.Дж. Боровски, является постоянным, то есть неизменным в течение длительного времени, и по этой причине позволяющим проводить процедуры отождествления в любой момент времени⁶². Вопрос о постоянстве идентичности в современных философских концепциях имеет два

⁶¹ Geach P. Ontological relativity and relative identity // *Logic and Ontology*, New York: New York University Press, 1973. P. 298–302.

⁶² Borowski E.J. Identity and personal identity // *Mind. New Series*, Vol. 85. No. 340. P. 481–502.

диаметрально противоположных решения. Одно из них может быть связано с концепцией эндуратизма, в соответствии с которой материальные объекты, в том числе личность, сохраняют свою стабильность и совокупность свойств в каждый момент своего существования. Такой подход критикуется представителями пердурантизма (в частности, Д. Льюисом), для которых внутренние свойства субъекта связаны со временем.

Развивая логику пердурантизма, Д. Льюис⁶³ предложил идею о наличии двух видов свойств, характерных для предмета: внутренних и внешних. Первые характерны для конкретной вещи (в нашем случае – личности), вторые принадлежат как к ней самой, так и к чему-то более крупному. Применительно к проблеме личности и персональной идентичности речь идет о внешних признаках, которые приписываются (как навязываются, так и самостоятельно заимствуются персоной) в процессе социализации.

Личность обладает внутренними свойствами в силу того, как она устроена, поэтому данный класс свойств зависит исключительно от нее. В свою очередь, внешние свойства характерны для системы, в которую включена личность, поэтому она может обладать ими на основании своей причастности к общему, социальной системе. В связи с этим внутренние свойства зависят только от персоны, в то время как внешние свойства имеют двуединую природу. За счет разведения двух видов свойств становится возможным сохранение тождественности личности на длительном промежутке времени.

Исходя из изложенного, проблемным представляется диссонанс внешнего и внутреннего, конфликт между имеющимися и навязанными свойствами. Дисбаланс усугубляется ускоренным уровнем социальной трансформации, который не всегда позволяет быстро и в максимально адекватной форме отреагировать на изменения. Как следствие, возникают травма, трудности как у личности, так и у общества.

⁶³ Lewis D. Extrinsic properties // Philosophical Studies. 1983. No. 44. P. 197–200.

Далее отметим существующую дискуссию между сторонниками традиционной трактовки сущности идентичности, в которой признается самоидентичность Я как фундамента личности и персональной идентичности, и постмодернистской традицией, представители которой предлагали концепцию растождествления Я через идею о смерти автора (субъекта). Проблемным и на этом основании подвергающимся сомнению (в идеях постмодернистов) выступает положение о подлинности, истинности Я, заключенного в идее самоидентичности. Традиционный сценарий формирования собственного постоянного Я подвергается сомнению, выдвигается идея текста как многомерного пространства⁶⁴. Раз так, то культурное, социальное, равно как и любое иное измерение персональной самоидентичности, трактуется как текучее, становящееся.

Известные идеи Р. Барта о смерти автора содержат в себе утверждение о том, что адресатом текста является только читатель, способный собрать воедино все штрихи текста. Будущее за тем, кто текст читает, но не пишет его. Представленная логика позволяет говорить о конструктивистском и крайне субъективном подходе к идентичности, поскольку формирование самоидентичности отдается на откуп самому социальному субъекту, наделяющему себя значимыми для него свойствами. Тотализирующие нарративы, характерные для эпохи модерна, более не имеют функциональной значимости, фундаментальным оказывается самоконструирование субъекта как читателя.

Технический и технологический пересмотр условий бытия личности и ее тождественности привел ряд мыслителей к положению о децентрализации бытия субъекта. В рамках идей М. Маклюэна центральным следует считать положение о том, что медиа (техническая сторона бытия человека и личности) диктуют, как мыслить, а не то, что мыслить. Как следствие, любые социальные

⁶⁴ Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 390.

практики связываются с технологиями бытия, тем, что Д. Льюис определил как внешние (социально навязанные) формы самоидентичности.

Частным случаем представленной точки зрения следует считать идеи Р. Родоньо⁶⁵, предметом изучения которого является соотношение сетевой и оффлайн идентичности. Проблемной видится трансформация форм и способов достижения самоидентичности, персонального и коллективного Я, а также их взаимное влияние. Важной оказывается преемственность между естественной и сетевой идентичностью, причем последняя принципиальным образом влияет на трансформацию первой. Изучение такого соотношения дает возможность человеку осмыслить себя в условиях многообразия поступающей информации.

Определенно, одним из современных проявлений влияния технологической среде на формирование, закрепление и сохранение идентичности следует считать потенциальное нарушение баланса между стабильностью и динамичностью в структуре персональной самоидентичности. Смысл так поставленной проблемы заключается в переориентации социальных ролей субъектов аккумуляции и трансляции опыта. Молодое поколение становится полноправными «гражданами» цифрового общества, в то время, как их родители имеют своего рода «вид на жительство» в цифровой среде, а представители старшего поколения получают статус «цифровых мигрантов»⁶⁶.

Кроме того, в литературе отмечается группа публикаций, авторы которых анализируют идентичность человека в интернет-пространстве и трактуют ее как социальный конструкт⁶⁷. Реализуется анализ вопросов прикладного и практического характера, связанных с менеджментом идентичности, проблемами утраты самостийных свойств, пересборки Я, а также некоторых

⁶⁵ Rodogno R. Personal identity online // *Philosophy and Technology*. 2012. No. 25(3). P. 90.

⁶⁶ Бекарев, А.М., Пак, Г.С. Угрозы телесной идентичности в префигуративной культуре / А.М. Бекарев, Г.С. Пак // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. – 2024. – №1. – С. 64-73.

⁶⁷ Schechtman M. Stories, lives, and basic survival: A refinement and defense of the narrative view // *Narrative and Understanding Persons: Royal Institute of Philosophy Supplement*. 2007. No. 60. P. 155–178.

других. Формируется точка зрения, в соответствии с которой определяется возможность переосмысления и ре-конструирования персонального Я как предмета идентичности на персональном и социальном уровнях.

В целом же следует отметить, что в рамках современных исследований учеными, представляющими различные научные школы и области знания (например, психологию, нейронауку и нейроэтику), высказывается мысль о конструктивном понимании идентичности как предмета изучения. Отмечается, что ряд факторов (в частности, телесные изменения, или обретение новых черт характера или открытость к новому опыту) влияет на формирование и трансформацию самоидентичности человека и личности.

Исходя из представленной логики следует говорить о структуре идентичности, включающей в себя персональный и социальный уровень. Первый связывается с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, с совокупностью характеристик, сообщающих индивиду качество уникальности; второй заключается в отождествлении индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды⁶⁸. В этом заложено понимание социальной идентичности как результата осознанного процесса соотнесенности (тождественности) человека с определенной общностью (нацией, этносом, государством), во взаимодействии с которой он совершает деятельность по распредмечиванию социального опыта и самоопредмечиванию своей сущности⁶⁹.

На основании представленной дуальной природы идентичности следует говорить о ценности самосознания – феномена, который в самом общем виде понимается как осознание себя в качестве самостоятельного субъекта деятельности, в результате которого представления человека складываются в интеллектуальный образ Я. При этом содержание и структура Я как онтологической структуры определяют процесс сознавания себя.

⁶⁸ Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. №6. С. 95–105; Ее же. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. №2. С. 13–22.

⁶⁹ Листвина Е.В., Тельнова Н.А. Временные модусы социальной идентичности // Известия Саратов. Ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Вып. 4. С. 17.

Я в понимании Д.А. Леонтьева суть «моя единственная точка в мире, то место в мире, которое я занимаю и которое не занимает никто другой. Это единственное место, из которого я исхожу, а другие его находят. Это центр поступка, вокруг которого архитектурно выстраивается мир, это точка отсчета мира»⁷⁰. Оно суть центр моего мира, вокруг которого выстраиваются все внешние (в том числе социальные, культурные и иные) формы идентичности. «Я» суть доказательство того, что человек есть в мире и осуществляет свободный выбор своего бытия. При этом самость суть конструкт как результат выбора и наполнения ее составляющих⁷¹. Как результат, этот конструкт оказывается доступным индивидуализированному и коллективному Другому, на основании чего становятся возможными различные формы интеракции.

Ценным для существующей дискуссии по вопросу сущности «Я» как самости является тот факт, что оно суть то, что человек относит к самому себе, и формируется в процессе столкновения с окружающим миром, с «не-Я». «Я» представляет собой результат самосознания человека, обеспечивающий единство представлений о самом себе. Вместе с тем данный феномен имеет смысл трактовать как возможность и способность лица ставить границу между своим и не своим как чуждым, причем в объем последнего понятия входят как естественные, так и социальные феномены бытия.

Следует отметить дискуссию по вопросу содержания «Я» как организующего принципа, основания самосознания и, как следствие, – идентичности. В рамках идеалистической и рационалистической традиции, идущей от Сократа через Р. Декарта и Г. Лейбница, «Я» трактуется как способность к саморефлексии, непосредственному постижению того, что называется «Я». Сократический принцип «познай самого себя» детерминировал вектор постижения самостийного в человеке, определяющего границы его «Я» в

⁷⁰ Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. №10. С. 9.

⁷¹ Труфанова Е.О. Субъект в мире социальных конструкций // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т.1. №2. С. 24–36; Ее же. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. №1. С. 125–134.

структуре мира, а также позволял поддержать гармоническое равновесие между духом и телом при доминировании первого. Кроме того, познание своего «Я» дает возможность изучать собственные ресурсы для счастливой жизни, избегать несчастий, а также определять принципы взаимодействия с другими людьми.

В концепции рационализма Р. Декарта признается, что самосознание осуществляется теми же способами, что и постижение объективной действительности, начиная с ощущений (чувства Я) через представление Я до понятия концепции Я. Как итог, самосознание сводится философом к постижению субъектом законов мышления, к рефлексивному самосознанию, в котором Я выведено за пределы эмпирического уровня⁷². В результате, процесс самосознания для Картезия реализуется в форме постижения Ego как системы идеальных конструкций, определяющих эмпирическое бытие персоны.

В рамках немецкого идеализма И. Кантом проводится различие между эмпирическим (как предмета внутреннего чувства) и трансцендентальным (априорно установленным единства сознания) Я. В философии идеализма Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля утверждается самополагание абсолютного неиндивидуализированного Ego в акте самопознания.

Иной оказывается позиция представителей эмпирической философской традиции, для которых (в частности, - для Д. Юма) Я суть поток восприятий, объединенных между собой ассоциативными связями. В рамках феноменологии Э. Гуссерля категория «Я» мыслится как чистое и необходимое, совершающее интенциональные акты сознания для конструирования картины мира.

Другим основанием деления подходов к сущности Я следует считать форму происхождения объекта самосознания. Первый подход включает в себя группу концепций, в которых «Я» мыслится как результат внутреннего духовного опыта человека, способного к саморефлексии. Содержательно реализуется положение о том, что «Я» суть результат способности субъекта к самостоятельному становлению, самоформированию, не зависящему от

⁷² Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 374.

внешних форм влияния и воздействий. Так, У. Джемс видел в «Я» общий итог того, что человек может назвать своим. Мыслитель ограничивал результат самосознания человеком и его собственностью через выделение материального (тело и собственность), социального (признание окружающих) и духовного (психические способности и склонности) «Я». Доведенная до абсолюта, представленная в трудах Э. Маха логика предполагает расширение Я до границ всего мира⁷³.

В группе других концепций «Я» трактуется как результат психологических реакций человека на мнения о нем окружающих его людей. Так, Ч. Кули указывает на тот факт, что представления о том, каким я кажусь другому человеку и какие оценки он дает мне, формируют своеобразные чувства, которые становятся основанием для формирования «Я». В своем развитии представленная концепция реализуется в идеях Дж. Мида⁷⁴, для которого «Я» суть результат социального взаимодействия, выраженного в способности лица смотреть на себя как на объект глазами «обобщенного Другого». Как итог, в рамках самосознания «Я» как результат суть социальный конструкт, заимствованный из общественных структур и возникающий в процессе социального опыта.

В своем явном выражении два представленных подхода содержат в себе противоречие, заключающееся в противостоянии социального как внешнего и сознательного (саморефлексии) как внутреннего. В психоаналитической традиции, идущей от З. Фрейда, обозначаются две существенные проблемы, выражающиеся в необходимости сведения друг к другу сознательного (Я) и бессознательного (Оно), а также самосознания (Я) и социального как «маски». По сути проблемным оказывается согласование индивидуального и

⁷³ Бодрилин А.П. Ценности основных типов человеческого самосознания // Актуальная проблема гуманитарных наук. М., 1995. С. 13–15.

⁷⁴ Мид Дж. Г. Избранное: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии (Серия: Теория и история социологии) / сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. 287 с.

коллективного опыта, что предопределяет необходимость сохранения субъективного опыта при нормировании его общественными требованиями.

Я по своему содержанию, механизму и стадийности становления является историчным и до определенной степени социально детерминированным. Оно формируется на стыке двух начал: социальная структура в исторической ретроспективе оказывает влияние на становление Я, которое, в свою очередь, выступает субъектом общественной активности.

В рамках реализации процесса самосознания достигается представление о концепте Я как совокупности свойств, которые принадлежат конкретному субъекту, личности. На страницах своей работы А.Л. Андреев⁷⁵ указывает, что самосознание представляет собой способность субъекта (личности) соотносить себя с окружающей действительностью, отделять себя от нее, в целом осознавать и переживать самого себя. Понимание данного процесса рождает дискуссию, посвященную предмету самосознания.

Одна группа ученых и философов (в частности, греческие софисты и иные субъективные идеалисты) высказывала позицию о внутренних свойствах личности как предмете познания и сознания. Познание объективной реальности оказывается производным от процесса постижения субъектом самого себя. В результате представленное понимание процесса самопознания подвергается критике как предполагающее крайнюю форму субъективизма.

Другая группа мыслителей выдвигала положение о принципиальной значимости изучения объективной реальности и деятельности⁷⁶. Так, в известном призыве Сократа «познай самого себя» ценным оказывается познание других, что в результате влечет к наиболее успешной деятельности. Практическая деятельность, познание внешних субъектов суть основание для полноценного самопознания.

⁷⁵ Андреев А.Л. Категория самосознания и Я // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. №5 (64). С. 267.

⁷⁶ Щенников В.П., Белоглазова О.Н. Проблема самосознания в истории философии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. №1 (45). С. 195–199.

Как итог, проблематика идентичности личности содержательно определяется необходимостью решения группы проблем самосознания персоны, а также изучения ею собственного Я как самости. Круг проблем так или иначе связывается с процессом формирования личностью представлений о собственной самостийности (идентичности), постановки границы между своим и не-своим, а также природой (индивидуализированной или социально детерминированной) самости личности.

Идентичность, как показывают Е.В. Листвина и Н.А. Тельнова, имеет множество функций: это и активное освоение образцов и стереотипов поведения, присущих членам сообщества, и организация, сплочение индивидов, сориентированность их в изменяющемся мире. Исходя из логики ученых, понятие «идентичность» можно трактовать как процесс интеграции в систему социальной реальности. Таким образом, понятие «идентичность» позволяет говорить о включенности персоны в систему общественных связей и отношений.

В контексте проблемы идентичности встает вопрос об идентификации. Понятие «идентификация» можно определить как процесс адаптации к конкретным условиям социального бытия человека и персоны. Это понятие характеризует личность с точки зрения наличия у нее определенной социальной роли, которую она выполняет в обществе, отражающей ее индивидуальные особенности и запросы⁷⁷. В процессе размышлений Н.Г. Козин отмечает, что идентификация представляет собой высшую форму социализации, способ связи человека с коллективными сущностями своей истории, акт отождествления себя с главными ценностями и святынями ядра своей культуры. Благодаря идентификации устанавливаются связи с коллективными сущностями истории, культуры, духовности своей страны⁷⁸.

Для России постановка проблемы идентичности и идентификации является крайне актуальной. Существенным представляется вопрос о

⁷⁷ Батищев Г.С. Найти и обрести себя // Вопросы философии. 1995. №3. С. 103–129.

⁷⁸ Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. №1. С. 37–48.

национальной и цивилизационной идентичности России. Набор стереотипных форм поведения, мышления, деятельности и мироотношения формирует духовную матрицу как основание цивилизационной идентичности, сущность которой раскрывается И.В. Кондаковым, К.Б. Соколовым и Н.А. Хреновым⁷⁹ через введение и анализ этнической и национальной идентичности. Под этнической идентичностью понимается составная часть социальной идентичности личности, ее психологическая характеристика, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности.

В литературе утверждается, что понятие «идентичность» используется в различных областях научного знания. Так, анализируя результаты исследований в области политических, социологических, этнологических, философских и других наук, З.А. Жаде показывает, что идентичность является междисциплинарным понятием. Автором утверждается идея о многоуровневом статусе идентичности⁸⁰. Для нас это означает, что человек, будучи социальным существом, обладает набором социальных статусов, ролей, с которыми себя соотносит, и подчиняется множеству норм, соответствующих этим статусам и ролям и регламентирующих таким образом поведение человека⁸¹. Поскольку идентичность социально, исторически, культурно и иными способами обусловлена, она трансформируется в соответствии с условиями бытия человека, личности и общества.

Содержательный анализ обозначенных понятий показывает, что для достижения идентичности необходимым становится набор свойств, принципов существования, которые определяют социальное существование личности. Понятие «идентичность» можно трактовать как процесс интеграции в систему социальной реальности через формирование у личности определенных свойств,

⁷⁹ Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / И.В. Кондаков, К.Б. Соколов, Н.А. Хренов. М., 2011. 1024 с.

⁸⁰ Жаде З.А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. 2007. №2. С. 173; Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. С. 29.

⁸¹ Parfit D. Personal identity // The Philosophical Review. Vol. 80. No. 1. P. 3–27.

без обладания которыми она не может быть включена в систему общественных отношений. Поэтому понятие «идентичность» означает включенность персоны в систему общественных связей и отношений именно на основании таких признаков.

Понятие «идентификация» можно определить как процесс конструирования идентичности на основании стремления соединить индивидуальные устремления и коллективные требования. Одна сторона процесса идентификации связывается со стремлением человека найти свое место в мире и обществе, а также в максимально персональной полезной форме выразить способы индивидуального бытия. Другая часть процесса идентификации содержит в себе совокупность общественно значимых требований к персональному бытию, предполагающих его адаптацию к конкретным условиям социального бытия человека. Оно характеризует личность с точки зрения наличия у нее определенной социальной роли, которую она выполняет в обществе, отражающей ее индивидуальные особенности и запросы⁸².

Идентификация представляет собой высшую форму социализации, способ связи человека с коллективными сущностями своей истории, акт отождествления себя с главными ценностями и святынями ядра своей культуры. В акте идентификации персональное Я и коллективные требования связываются воедино, благодаря чему устанавливаются связи с коллективными сущностями истории, культуры, духовности своей страны⁸³. Понятия «идентичность» и «идентификация» могут быть применены для анализа личности, постоянства и неизменности ее существования, сохранения персональных форм и способов бытия.

Личность в социальной философии – это прежде всего человек, наделенный социальными качествами, то есть такими качествами, которые он приобретает при взаимодействии с обществом. Современная социальная

⁸² Батищев Г.С. Найти и обрести себя // Вопросы философии, 1995. №3. С. 103–129.

⁸³ Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии, 2011. №1. С. 37–48.

философия ставит перед собой задачу изучения различных социальных типов личности, формирующихся в результате социальной дифференциации общества. Если обобщить все многообразие подходов к пониманию личности в истории философии, то можно выделить главное в ее понимании – личность понимается как независимый, активно действующий субъект⁸⁴.

Личность – это динамичная, относительно устойчивая целостная система интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, выраженных в индивидуальных особенностях его сознания и деятельности. Она представляет собой единство общего, особенного и индивидуального. Для нее характерны осознание мотивов своего поведения, направленность на самореализацию, раскрытие индивидуальных способностей. Понятие личности включает в себя несколько необходимых условий персонального бытия человека. К ним можно отнести целостность как цель развития личности, зрелую психосоциальную идентичность, интеграцию социальной и индивидуальной стороны человека, самотворчество, коммуникацию с другими людьми и т.д.⁸⁵.

В научной литературе сложилось несколько наиболее известных концепций личности. К таковым следует отнести:

- биологизаторские концепции, представители которых утверждали существенную связь между генетикой и чертами личности⁸⁶. В рамках данных концепций проводится анализ вопроса о том, какие черты характера генетически детерминированы, а какие связаны с переменными среды. Одним из известных теоретиков данной концепции является Г. Айзенк, который связывал некоторые черты личности с биологическими процессами, в частности с выделением кортизола⁸⁷, влияющим на формирование типа личности;

⁸⁴ Лобковиц Н. Что такое «личность»? // Вопросы философии. 1998. №2. С. 54–64.

⁸⁵ Пузько В.И. Принцип самопонимания в конституировании личностного бытия в условиях мультикультурности и транскультурности // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2010. №3. С. 16.

⁸⁶ Vukasović T, Bratko D. Heritability of personality: A meta-analysis of behavior genetic studies // Psychol Bull. 2015. No. 141 (4). P. 769–785.

⁸⁷ Soliemanifar O, Soleymanifar A, Afrisham R. Relationship between personality and biological reactivity to stress: A review // Psychiatry Investig. 2018. No. 15 (12). P. 1100–1114.

- поведенческие концепции, согласно которым формирование личности суть результат ее взаимодействия с окружающей средой и иными индивидами. При этом отвергаются факты, данные и теории, принимающие во внимание внутренние мысли, чувства лишь на том основании, что их невозможно измерить;

- психодинамические концепции, подчеркивающие высокое влияние бессознательного, а также детских переживаний на личность. Центральным оказывается положение о наличии в структуре личности области бессознательного и наличии конфликтов (в частности, между структурными частями психики в концепции З. Фрейда);

- гуманистические концепции, представители которых (например, А. Маслоу и К. Роджерс) подчеркивали важность свободы воли и индивидуального опыта в развитии личности⁸⁸. Продвигается концепция самоактуализации, которая детерминирована врожденной потребностью в личностном росте и мотивировании персонального поведения;

- теории черт личности, в соответствии с которыми за личностью признается наличие ряда определяющих ее признаков.

В социальной философии сложилось несколько подходов к пониманию личности. С авторской точки зрения можно выделить ряд значимых подходов: субстанциальный, реляционный, конструктивистский, социальный интеракционизм. В рамках всех обозначенных подходов личностная идентичность реализуется через формирование самости как набора социально необходимых свойств личности, характеризующих ее как социальное существо. Самость может быть понята как множество характеристик, определяющих личность. Она представляет собой единство индивидуальных свойств, определяющих персональное существование субъекта, а также тех признаков, которые становятся основанием принятия ее обществом. Группа первых свойств определяет индивидуальность личности: на основании группы вторых

⁸⁸ Bland A.M. DeRobertis E.M. Humanistic perspective. In: Zeigler-Hill V, Shackelford TK, eds. Encyclopedia of Personality and Individual Differences. Springer International Publishing: 2020. P. 2061–2079.

свойств личность может быть принята в социальный организм, отсутствие их может ставить под угрозу процесс ее социализации и инкультурации. Такие свойства могут также выступать в качестве основания для разделения людей на «своих» и «чужих». Кроме того, наличие двух групп выделенных признаков определяет уникальность и стабильность персоны на длительном временном промежутке.

Субстанциальный подход к проблеме личностной идентичности и идентификации можно наблюдать в философских концепциях от Аристотеля до Г.В.Ф. Гегеля. Здесь понятие тождества, идентичности использовалось в контексте совпадения бытия и мышления. Инобытие не имело собственного субстанциального значения: все можно было свести к единому, самотождественному, субстанции. Это понятие использовалось в обсуждении вопросов, как возможны непрерывность при очевидности изменений и тождественность среди наблюдаемого разнообразия. Так, под субстанцией Спиноза понимал существующее само по себе и представляющее само через себя, а любой предмет, в том числе и личность, по мнению философа, представляет собой модус, состояние субстанции, наделенное совокупностью атрибутов, то есть свойств, определяющих неповторимость конкретного состояния субстанции⁸⁹.

Историю понятия «идентичность» как специальной темы социально-философского познания принято начинать с идей Дж. Локка и Д. Юма. Считается, что идентичность стала проблемой, когда в рамках философии эмпиризма появилось сомнение в том, что называют «единством самости». Так, в «Опыте человеческого разума» Дж. Локк изложил классическую философскую проблему идентичности. Она, по его мнению, состоит в том, чтобы понять, как может сохраняться во времени то, что мы могли бы назвать персональной идентичностью. Самосознание как средство поддержания идентичности, согласно Локку, – ее единственное конститутивное качество⁹⁰.

⁸⁹ Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 361.

⁹⁰ Зинченко Г.А. Джон Локк. М., 1988.

Идея персональной идентичности в рамках субстанциализма может быть понята через понятие личины или персоны как маски, которую надевает актер для исполнения роли в театральной постановке. Эту идею Т. Гоббс усматривает в процессе выполнения человеком ролей и функций, получаемых им в результате вступления в систему социальных связей и отношений. Английский мыслитель определяет персону как маску и связывает ее с понятием лица, которое представляет собой «тот, кому приписываются человеческие слова или действия, его собственные или чужие»⁹¹. Социальная маска человека определяется набором свойств, приобретаемых человеком вместе с социальной роли.

При этом Гоббс разделяет физическое и фиктивное лицо, понимая под первым человека, которому приписываются его собственные слова и действия, а под вторым – человека, которому приписываются чужие слова и действия. Физическое лицо оказывается истинным, а фиктивное – ложным. По этой причине истинные свойства персоны Т. Гоббс выводит из природных (физических) свойств человека: фиктивные, соответственно, становятся подделкой его естественности и не имеют прямой связи с натурой человека. Из этого следует, что фиктивные свойства личности можно отождествить с социальными характеристиками человека, то есть с его ролью и соответствующими ей социальными функциями. Таким образом, социальные свойства персоны должны, согласно концепции Т. Гоббса, соответствовать физическим ее свойствам.

Представленную идею английского мыслителя можно критиковать за внутреннее противоречие, которое состоит в некоторой подмене понятий. Проблемность заключается в самом принципе построения корреляции между физическими и социальными свойствами личности. Анализируя по аналогии известную метафору о корабле Тесея, Т. Гоббс приходит к выводу о том, что замена досок, из которых тот состоит, делает корабль принципиально другим, не тождественным с изначальным. По сути, речь идет о замене материи как

⁹¹ Гоббс Т. О человеке // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 1. С. 274.

фундамента предмета. В отношении гоббсовского понимания личности следует говорить о замене физических свойств (материи) на социальные, что принципиально изменяет природу персоны. Таким образом, физический и социальный человек в концепции английского мыслителя не тождественны: первый определяется свойствами, имеющими естественное, субстанциальное происхождение, вторые же по своей природе представляют собой результат социального конструирования.

Как итог, физический субстанциализм ученого преобразуется в социальный конструктивизм, в котором приписываемые коллективом свойства не соответствуют его природным задаткам, а значит, более не выполняют свою функцию по определению персональной идентичности человека.

Попытки связать два вида идентичности – естественную и социальную приводят к необходимости признания реализации процесса самосознания человеком своей идентичности как возможности понимания собственного места в обществе, соответствующего природе конкретного человека. На основании самосознания возникает возможность человека сформировать себя как социальное существо и гражданина государства, обладающего правами и обязанностями. Получается, что единые, характерные для всех людей, свойства биологической природы человека теоретически (формально) должны определять его социальные и гражданские свойства, однако в своих проявлениях чаще всего вступают в противоречие с последними. Т. Гоббс видит прямую условную зависимость между природными свойствами человека и его социальным положением, причем первые представляют собой основание, второе – следствие.

Однако по факту оказывается противоречивой связь между свойствами, присущими личности от природы, и качествами, навязываемыми ей общественной системой, что приводит к расхождению требований и неопределенности в процессе достижения тождественности человека.

Наличие социальных свойств приводит в концепции Т. Гоббса к необходимости достижения социальных статусов и ролей человека, которые регламентируют (то есть нормируют) деятельность человека в обществе и

государстве. Получая ту или иную роль или конкретный статус, человек получает маску (персону), с помощью которой он становится социальным существом, а его деятельность становится социально приемлемой, но не соответствующей его естественной идентичности. Представленное противоречие возможно разрешить, используя ресурсы нормативности как основания согласования физических (естественных) и социально навязанных признаков.

Субстанциальное прочтение проблемы личностной идентичности предполагает наличие изначально данного субъекта (субстанции), который должен интегрироваться в социальную систему на основании заложенных в нем свойств. Проводится различие естественных и социальных свойств: первые изначально присущи человеку, другие приписываются, навязываются ему социальной системой. Возможные противоречия между этими свойствами возможно разрешить на основании нормативных требований системы, которые можно трактовать как основание коллективно значимых форм идентичности. Данный подход имеет свои преимущества и недостатки. К его преимуществам можно отнести, во-первых, утверждение самодостаточности самости и, соответственно, каждой отдельной личности как модуса субстанции. Во-вторых, в субстанциализме утверждается принципиальная значимость воли для сохранения персональной самоидентичности. Более того, личностная автономия, независимость от других субъектов социального существования обусловили представления о личностных началах общественного блага⁹².

Другим преимуществом субстанциализма можно считать выделение нормативного основания, обеспечивающего подведение индивидуального проекта к принципам коллективного бытия. Примеряя на себя маску (личину), человек входит в систему социальных связей и отношений, что выражается в выполнении им общественно значимых принципов и правил поведения. Субстанциализм облегчает понимание персоной нормативно закреплённого

⁹² Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 87–111.

(необходимого, желательного и должного) поведения, то есть нормального, приемлемого поведения, через признание изначально данных норм и правил существования человека в обществе.

К недостаткам данного подхода, с нашей точки зрения, можно отнести наличие заранее заданных принципиально неизменных свойств и качеств социального субъекта. Личность становится «заложником идейных проектов и методов эпохи модерна»⁹³. Субстанциальное прочтение проблемы личностной идентичности и идентификации предполагает рассмотрение самости как статичной конструкции без рассмотрения процессуальной стороны. Это может привести к неспособности личности полноценно адаптироваться к необходимым социальным изменениям. Кроме того, как показывает Э.А. Орлова, в рамках субстанциального подхода существует противоречие, на которое указал еще З. Фрейд. Я как самость находится внутри человеческой психики между стихийным, поточным Id и системой социальных норм и правил «Супер Эго». Это приводит к внутренней противоречивости индивидуальной самоидентичности, поскольку Ego предполагает ее изменчивость, а Id – контингентность.

Социальный интеракционизм в лице Г. Зиммеля, Дж.Г. Мида, Ч. Кули предполагает рассмотрение самоформирования личностной идентификации как процесса достижения самоидентичности, реализующегося в социальном взаимодействии персоны. В рамках данного направления понятие Self (самость) приобрело новое значение. С одной стороны, самость формируется в социальной интеракции. Следовательно, идентичность имеет социальную природу, в то время как индивидуальные проявления приобретают личностную форму только в системе взаимодействий людей друг с другом. Это возникает благодаря осмысленной коммуникации как взаимодействия с помощью значимых символов. Под ними Дж. Мид понимает такие жесты, которые способны

⁹³Липидин Р.Г. Проблемы осмысления категории субъекта в современном гуманитарном знании // Мир человека: нормативное измерение – 4: Гуманитарное знание: сборник статей международной научной конференции. Саратов, 2015. С. 140.

вызывать вполне определенную, предсказуемую реакцию у тех, кому они адресованы. Так, в рамках идей американского исследователя возникает человеческая коммуникация⁹⁴. Значимые символы обозначают: а) предмет или событие, б) определенную реакцию на него, выражающуюся в соответствующих социальных действиях. Значимые символы делают возможной символическую интеракцию, обеспечивая средства общения людей в естественной и социальной среде.

В результате формируется необходимая система социальной интеракции как основание социальной среды и мира осознанных людьми значений. В системе этих символов люди совершают выбор в пользу тех или иных символов и тем самым получают возможность осмысленно совершать конкретные действия. Социальная интеракция становится возможной на основании принятия каждым ее участником роли как способности интерпретировать значения символов и намерений других таких же участников. В результате возникает и реализуется схема «символ – интерпретация – ответ».

С другой стороны, начиная с идей представителей социального интеракционизма в понятии самости принято различать две составляющие – I и Me. Первая может быть понята как спонтанное, внутреннее, субъективное представление индивидом себя, некая движущая сила, предопределяющая и возможность включенности персоны в социальную интеракцию, и возможность ее дистанцироваться от других; вторая – как обобщенные представления других, которые усваиваются индивидом, что есть результат влияния общества на личность в форме социализации, система усвоенных норм и стандартов социального поведения. Эти два начала в своем единстве создают идентичность, формируемую в личности.

Сам механизм формирования самости связан с двумя моментами. Один из них – рефлексивность как способность индивида бессознательно ставить себя на место других и действовать так, как ведут себя окружающие, другой –

⁹⁴ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 216.

прохождение каждым индивидом двух стадий при формировании самости личности – стадии игры и соревновательной стадии. На первой стадии человек в ходе игрового взаимодействия с партнером осознает различие между ним самим и другими людьми, исполняя в ходе игрового действия две роли. На второй стадии индивид, уже зная о своих различиях с другими индивидами, осведомлен о своих отношениях с другими участниками взаимодействия и готов реагировать на любые значимые символы в ходе социального взаимодействия. В результате через принятие всех ролей индивид адекватно исполняет собственную роль.

Кроме этого, Дж. Мид вводит так называемый образ обобщенного другого, под которым он понимает «любое организованное сообщество, которое через выражение отношения всего сообщества к действиям индивида обеспечивает тем самым формирование его самости»⁹⁵. Функция этого обобщенного другого состоит в том, что, воздействуя на компонент Me, он адаптирует личность к социальным правилам и нормам, а также имеет возможность через социальное Me контролировать I. Таким образом, нормативная природа коллективного пласта человека определяет саму возможность реализации процесса социализации, а значит, и формирования самости человека как набора его свойств.

Поскольку в обществе существует несколько обобщенных других и каждый из них оказывает отличное от других влияние на личность, последняя вынуждена осуществлять выбор нормативных и, как следствие, ценностных ориентиров и отвечать за свой выбор и действия. В результате индивид получает множество личностей как масок, обладая которыми, он имеет возможность чувствовать себя комфортно в любом обществе, сохраняя при этом уникальность своей самости. Однако вне зависимости от количества обобщенных других принципиальным остается необходимость принятия личностью правил (норм) социальной интеракции, что и определяет ее включение в общество как систему.

⁹⁵ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во. Моск. ун-та, 1994. С. 104.

Преимущество социального интеракционизма как подхода к пониманию личностной идентичности и идентификации состоит в том, что он дает возможность рассматривать личность и ее самость в динамике, в становлении. При указании на наличие предзаданных характеристик социальный интеракционизм оставляет возможность для их критического переосмысления, что позволяет личности сформировать тот набор социальных характеристик, который для нее максимально комфортен и отражает ее внутренние интенции.

Кроме того, в рамках социального интеракционизма признается, что сочетание уровней I (Я) и Me (социальное в индивиде) позволяет нивелировать субстанциальное расхождение и противоречие в заданных и формируемых свойствах личности, что сохраняет конструктивистскую природу социального в персоне. Это становится возможным на основании нормативных оснований, заключенных в Me.

Наряду с преимуществами у данного подхода к пониманию личностной идентичности и идентификации есть и недостатки. Так, остается до конца не проясненным вопрос о корректности трактовки передаваемых значимых жестов и значимых символов теми, кому они адресованы. Это значит, что остается нерешенным вопрос о взаимопонимании множества личностей, общества и конкретной личности в рамках процесса коммуникации.

Конструктивизм как подход к пониманию личностной идентичности и идентификации предполагает способность к построению субъектом-творцом идеальных или материальных конструкций себя самого⁹⁶. При этом подчеркивается роль ценностей социальных и познавательных мотивов в построении «картины мира», характерной для конкретной персоны. Конструируемое собственное «Я» ощущается как безусловно достоверная реальность, как сложная конструкция деятельности самосознания. В наиболее явной форме представленный концепт реализуется в экзистенциальной доктрине

⁹⁶ Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. №6. С. 75–82.

Ж.П. Сартра⁹⁷, для которого человек мыслится как проект самого себя, то есть конструкт, который формируется в зависимости от принятия экзистенциальных решений в пограничных ситуациях. Поскольку природа человека изначально не определена, следовательно, справедливым представляется тот факт, что тревога, заброшенность и отчаяние в их сартровском понимании – важнейшие спутники человека как конструкта.

Отсюда следует, что личностная идентификация как возможность и способность личности сконструировать себя определенным образом реализуется в двуедином процессе – внутреннем и внешнем самоконструировании.

Конструирование внутренней самоидентичности личности предполагает наличие внутреннего единства самости, которое в рамках феноменологического конструктивизма понимается как опыт телесного бытия в мире⁹⁸. Возможность такого единства опыта реализуется в Cogito как взаимосвязанном единстве всех переживаний, самости личности. Элементы Cogito постоянно переходят друг в друга, создавая тем самым единство потока сознания, требующего постоянного сохранения или постоянного изменения по меньшей мере одного момента, существенного для единства целого и неотторжимого от него. Cogito представляет собой самодовлеющую систему единства переживаний.

Конструктивизм предполагает формальный и содержательный моменты самоидентичности личности. Формальная сторона состоит в описании идентичности персоны с позиций ее пространственно-временной организации, которая реализуется в системе кинестез, протенций и ретенций, «сплавленных» с помощью «внутреннего глаза».

Содержательный момент идентификации личности раскрывается через духовную матрицу цивилизации как характеристики культурно-исторического типа. Она конституируется и воспроизводится людьми в стереотипных формах

⁹⁷ Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 319–345.

⁹⁸ Козырева А.С. Субъективность и единство самости в феноменологической перспективе // Вопросы философии. 2014. №4. С. 156–168.

поведения, позволяющих сохранить типичные формы мышления и деятельности, определенное устоявшееся мироотношение.

Следует отметить, что понятие «стереотип» может быть понято как прочно сложившийся образец, стандарт чего-либо. Стереотип как феномен бытия выражает совокупность устоявшихся норм существования чего-либо. В социальном бытии можно говорить о так называемом общественном стереотипе, который может быть понят как «упрощенное, уже существующее в общественном сознании представление, не проистекающее из собственного опыта конкретного человека»⁹⁹. Как показывают А.Ю. Питерова и Е.А. Тетерена социальный стереотип может быть понят как упорядоченный, схематичный, обусловленный культурой «образ» мира в человеческом сознании. Среди его функций можно отметить необходимость упрощения процесса познания сложных общественных явлений, защиту ценностей, права и позиции человека, а также возможность формирования социальных и индивидуальных традиций и привычек.

Определенно следует говорить о том, что содержательный момент идентификации в конструктивистском понимании детерминирован нормативными основаниями: идентичность конкретного субъекта является продуктом нормирования, социального конструирования, определяемого актуальными общественными реалиями и ценностями, доминирующими в них.

Будучи субъективным фактором социального бытия личности, стереотип, тем не менее, выступает как эталон восприятия, с помощью которого оказывается возможным регламентировать (то есть подчинить нормативным основаниям) познавательную деятельность человека, его понимание своего места в социальной реальности, а также ряд других сторон коллективного бытия личности. Стереотип является элементом жизненно-практического уровня

⁹⁹ Питерова А.Ю., Тетерена Е.А. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. №1 (13). С. 104; Щекотихина И.Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им А.С. Пушкина. 2008. Т. 1. №5 (19). С. 69–80.

мировоззрения и включает в себя познавательный, ценностно-нормативный, аффективно-волевой и практический компоненты¹⁰⁰.

Разделяя все окружающее человека на две составляющие – привычное, то есть знакомое (и, как следствие, имеющее положительную оценку), и непривычное, то есть незнакомое (имеющее негативную оценку), стереотип тем самым оказывается способным регламентировать, то есть нормировать все возможные способы и формы социального бытия личности.

Можно утверждать, что социальные стереотипы, будучи свойством внутренней структуры психики личности, ее содержательным элементом, могут быть и порой оказываются основанием для формирования социального самоопределения персоны. Стереотипы, таким образом, становятся своего рода нормативным принципом организации персональной идентичности как конструкта.

Внешнее самоконструирование личности реализуется в форме социальных практик, которые могут быть поняты как единство регулярно повторяющихся действий, разделяемых и значимых для всего сообщества¹⁰¹, и способности социальных агентов проверять свои поведенческие акты на соответствие сложившимся представлениям об окружающей действительности¹⁰². Нормативная сторона социальных практик, таким образом, выражается в регламентации социального мира на основании системы привычек (габитуса)¹⁰³. Происходит конституирование и воспроизводство способов персональной и коллективной идентичности, а также раскрытие приемлемых в данной социальной системе способов коллективного существования¹⁰⁴.

Здесь актуализируется возможность и способность социального субъекта, индивида формировать собственные социальные практики на основании

¹⁰⁰ Тимербулатова А.А. Философский взгляд на проблему стереотипного мышления // Теория и практика общественного развития. 2015. №22. С. 206–208.

¹⁰¹ Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 8–12.

¹⁰² Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание Понимание. Умение. 2012. №2. С. 276–280.

¹⁰³ Резник Ю. Человек и его социальные практики // http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf (дата обращения: 21.10.2025)

¹⁰⁴ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 22.

индивидуальных способностей, возможностей и интенций, сформировать собственную самость в социуме на основании габитуса как основания практической деятельности индивида, позволяющего нормировать модели поведения человека. Социальные стереотипы, или габитус, позволяют облегчить достижение самоидентичности в форме самоконструирования через нормирование принципов и форм социального поведения личности.

Преимущество конструктивистского подхода к проблеме личностной идентификации состоит в том, что он признает формирование персоны самостоятельно и решает вопрос о соотношении социального и индивидуального в пользу последнего. Личность формирует себя в соответствии со своими устремлениями и возможностями.

Другое преимущество данного подхода состоит в возможности социального конструирования различных форм и уровней идентичности через нормативное закрепление коллективно значимых моделей поведения, практик, которые выражают приоритетные ценностные ориентиры.

Вместе с тем существует ряд трудностей. К таковым можно отнести тот факт, что в конструктивистском прочтении личностной идентификации отсутствует понимание четкой связи между каждым отдельным Я и коллективным Я, социум выступает в качестве «прибавки» к отдельной личности. Кроме того, поскольку отсутствует четкое понимание социального в индивидуальном, отсутствует общее основание для множества личностей, то, крайне затруднительным становится общение и диалог между социальными субъектами. Это связано с трудностями понимания субъектов-личностей друг друга.

Релятивистский подход к проблеме персональной идентификации реализуется в идеях постмодернизма. Постмодернизм оформляется на базе принципиальной переориентации с фигуры Автора на фигуру Читателя. Появляется идея «смерти Автора», которая подразумевает, что текст понимается как принципиально внеструктурный, то есть организованный в качестве подвижной «ризомы».

Текст как нарратив должен быть не истолкован, а означен, именно в этом действии реализуется и формируется свобода как таковая. Читатель становится источником смысла как такового. Субъект теряет центрированность, растворяется в языке. В результате фундаментальным принципом постмодернистского понимания текста и личности как части социокультурного текста и как самостоятельного текста становится принцип производства смысла текста. Личностная идентичность как текст становится предметом нарративного означивания. При этом такой нарратив представляет собой новый принцип регламентации бытия человека, в рамках которого именно он, отдельный субъект, наделяет смыслом (нормами, ценностями, истиной) весь текст. Персона, равно как и социальная система, детерминируется нарративными нормами.

В рамках проблемы реализации процесса личностной идентификации имеет смысл выделять внутреннюю и внешнюю идентификацию как его процесс и идентичность как результат. Первая связывается с формированием субъектом собственной уникальной системы ценностей, вторая же определяется с помощью совокупности социальных проявлений личности как таковой.

Если говорить о внутренней идентичности и идентификации личности, то исследования показывают¹⁰⁵, что в современном обществе был зафиксирован факт так называемого кризиса идентификации, когда человек оказывается не способным четко зафиксировать свою позицию по отношению к системе ценностей, транслируемой в обществе. Человек не способен зафиксировать собственную самоидентичность. Одна из причин этого факта видится в феномене аксиологического ацентризма, первопричиной которого можно считать реализацию постмодернистского тезиса о микшированности культуры, которая в итоге представляет собой мозаику фрагментов и сколов различных традиций и теряет системность. Для нее становятся характерными плюрализм,

¹⁰⁵ Можейко М.А. От постмодерна к пост-постмодерну: современные социо-культурные трансформации и новейшие тенденции философии языка. URL: <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).

вариативность, смешивание элементов различных культур в конкретных культурных контекстах.

В результате «кризис идентификации» как социальный феномен заключен в том, что субъект более не способен воспринимать свою жизнь в качестве целостного образования. Личностная идентификация как социальное и как личностное событие утрачивает свою онтологическую определенность и приобретает характеристику нарратива, или «рассказа», который разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой»¹⁰⁶. Такая процедура «рассказывания» по сути «творит реальность», одновременно постулируя ее относительность. Возникает множественность смыслов нарративов. Личность может приобрести абсолютно произвольное содержание, поскольку нарратив (в случае с личностью это ее сущность, самость) – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному¹⁰⁷.

На примере нарративной истории М.А. Можейко показывает, что «смысл события трактуется не как фундированный онтологией исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией»¹⁰⁸. Для культуры постмодерна индивидуальная судьба представляет собой поле, на котором происходит варьирование релятивных версий нарративной биографии. В результате индивидуальная биография становится версией среди версий, вариантом прочтения прожитой субъектом судьбы.

Микшированность культуры и релятивистское толкование личностной идентификации имеет смысл связывать с идеей текучести современности. В современности происходит освобождение человека от границ всех вариантов. Люди сталкиваются с огромным количеством навязываний. Люди потеряли

¹⁰⁶ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384.

¹⁰⁷ Можейко М.А. Указ. соч.

¹⁰⁸ Можейко М.А. Указ. соч.

свободу приобретения нужных им товаров. Идентификация личности становится товаром, навязанным человеку. Человек в текучей современности находится в вечном движении. Он приобретает новые свойства, толкающие его приобретать и носить такую одежду, которая соответствует месту, где ее необходимо носить.

Текучесть современного мира отражает колоссальную свободу человека в этом мире. Все стало открытым, проницаемым, динамичным. Сама текучесть и проницаемость мира воплощают в себе главную ценность современности – свободу. Вместе с ее приобретением человек сталкивается с отсутствием четко определенных векторов эволюции личности и общества. В результате – в обществе полнятся так называемые слабые связи. Это приводит к увеличению в обществе энтропии и слабости межсубъектных связей, за которой следует гипертрофированная индивидуализация общества. Персональная идентификация становится своего рода продуктом потребления в обществе текучей современности.

С одной стороны, такое социальное положение позволяет человеку максимально полно раскрыть себя на основании знания о себе. Сознание себя становится основанием формирования уникальной самостийности, свободной от всевозможных преград, характерных для доиндустриального и индустриального обществ. Процесс достижения самотождественности в текучей современности становится, с одной стороны, гораздо более доступным, а с другой – более точно отвечающим самоощущению и самосознанию социального субъекта, личности.

Идея формирования личности на основании знания о себе раскрывается в идеях М. Фуко, который предлагал рассматривать конструирование субъекта в рамках современной эпистемы в системе отношений «власть – знание». Знание позволяет конструировать человека через его упорядочение. Тот, кто владеет знанием, владеет миром, собой. Именно поэтому современное «текущее» общество требует от личности определенного знания себя. Это относится и к ситуации, в которой бытийствует личность, и к самой личности как субъекту, а

также к ее стремлению выстроить собственный уникальный мир, достигнув тем самым самотождественности.

Другая сторона обозначенного положения дел – обесценивание фундаментализма и субстанциализма, что приводит к утрате смысла жизни. Текущая современность творит некое безликое «мы», где методикой решения проблем становится не какая-либо теория, а набор приемов, практик, примеров. Общественная жизнь превращается в огромное количество частных драм.

Личностная идентификация и идентичность в существенной степени могут приобрести в современном текучем обществе характеристику симулятивности, они становятся симулякром. Под таковым понимается ложный знак, заменяющий что-либо. Это сконструированный привлекательный символический объект, ориентированный на удовлетворение желаний потребителя. Он представляет собой ложное подобие, знак чего-то, функционирующий в обществе как его заменитель.

В современной реальности симулякры перевели социальную реальность в гиперреальность, симулятивной становится темпоральная характеристика репрезентации чего-либо¹⁰⁹. Современная темпоральность становится холодной потому, что средства коммуникации вне зависимости от содержания создают сообщение, в котором реальное в аристотелевом смысле слова полностью умирает. Более того, человеку не предоставляется иной реальности, кроме той, что окрашена в своей сути в идеологические тона. Идеологическое искажение реальности формирует множество знаков, которые формируют маску, замещающую реальность¹¹⁰.

Ж. Бодрийяр в своих работах указывает, что «именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности»¹¹¹, формируя потребляемые товары, в том числе и личностную идентичность, в качестве самодостаточных языков культуры, которые продуцируются и воспроизводятся

¹⁰⁹ Демченко В.И. Симулякризация социокультурного пространства // Вестник Ставропольского университета. 2009. №61. С. 111–119.

¹¹⁰ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. 234 с.

¹¹¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 44.

преимущественно масс-медиа рекламного дискурса. Как следствие, личность теряет возможность достигнуть подлинной самотождественности, реализовать в реальности процесс идентификации.

Внешнее самоконструирование личности как ее социальное творение себя может быть понято как самоформирование личности в форме социальных практик. Под ними понимается совокупность способов существования социальной действительности, множество форм воспроизводства социальности в повседневной жизни человека¹¹².

В литературе отмечается двуединая природа социальных практик. Одна сторона связывается учеными с регулярно повторяющимися действиями, разделяемыми и оттого значимыми для всего сообщества. Отображается реальное соотношение сил между материально-экономическим и коммуникативно-символическим началами социума¹¹³. В этом смысле в социальных практиках реализуются социально-контролируемые механизмы социализации, влияющие на ее формирование¹¹⁴. В такой форме выражается нормативная природа практик персональной идентификации, позволяющая сформировать самотождественность отдельной личности и регламентировать деятельность человека.

Другая сторона социальных практик содержит в себе указание на способность индивидов приспосабливаться к актуальным условиям социальной действительности, а также к активной деятельности. В рамках первого подхода социальные практики понимаются как система социально необходимых принципов и норм поведения человека в обществе, а в рамках второго – как показатель способности агента и его средство изменения и конструирования социального мира, а также повседневные поступки¹¹⁵.

¹¹² Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. 240 с.

¹¹³ Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратов. ун-та. 2011. Т. 11. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 8–12.

¹¹⁴ Резник Ю. Человек и его социальные практики. URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf (дата обращения: 10.10.2025)

¹¹⁵ Шматко Н.А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 548–562.

Исходя из изложенного, социальные практики могут быть поняты как множество социально и личностно приемлемых способов поведения личности, которые позволяют конституировать и воспроизводить личностную идентичность конкретного субъекта социальных отношений и раскрыть основные способы социального существования персоны, возможные в данной культуре в данный момент истории¹¹⁶.

С одной стороны, социальная практика в силу необходимости социализации индивида лишь постоянно воспроизводится им. Рутинная, общепринятая практика – основание и сущность повседневности. Габитус позволяет сохранить целостность личности социального актора в процессе его повседневной активности, а также является важной составляющей институтов общества. Габитус предусматривает стабильную основу для воспроизведения человеческой деятельности с минимизацией усилий и для ее институционализации¹¹⁷. Из этого следует, что габитус является основанием для формирования у множества личностей их персональных идентичностей, а также возможности формирования общего основания у разнородных персон¹¹⁸.

С другой стороны, реализуются возможность и способность личности сформировать собственную идентичность. Это становится возможным благодаря тому, что социальные практики представляют собой «различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности, которые в то же время раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве»¹¹⁹. Хабитуальные основания индивидуального социального поведения представляют собой наиндивидуальное основание практической деятельности индивида, позволяющее унифицировать необходимые модели поведения человека. Вместе с тем хабитуальные основания

¹¹⁶ Барков Ф.А., Сериков А.В. Трансформация социальных практик самоорганизации населения в институты контроля качества публичных услуг // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. №3 (5). С. 41–47.

¹¹⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. С. 89–92.

¹¹⁸ Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 277–278.

¹¹⁹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 22.

практической деятельности индивида оставляют возможность формирования индивидуальных социальных практик.

Сущность и функции социальных практик заключаются в том, что они указывают основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в конкретной исторический момент, и позволяют личности сформировать идентичность человека таким образом, что она позволила бы человеку, с одной стороны, состояться в том или ином социальном качестве, а с другой стороны – полностью реализовать себя в социальных практиках.

Итак, в рамках релятивистского подхода утверждается, что по причине утраты фундаментализма и субстанциализма возникают существенные трудности с достижением внутренней самотождественности персоны, которая становится симулятивной. Вместе с тем у персоны появляется возможность полноценно самореализовать себя в соответствии со своими интенциями.

Уникальный мир личности может быть связан с формированием системы ее социальных практик, позволяющих выразить систему внешних проявлений персональной идентичности. Социальные практики формируют необходимость использования нормативных оснований социальной интеракции, формируя тем самым соответствующую природу персональной идентификации.

Преимуществом данного подхода к проблеме личностной идентификации и идентичности является то, что персоне имеет возможность полноценно выразить себя в системе как внутренних, так и внешних качеств, недостатком же – полное отсутствие точек опоры для фиксации единства мира социального, позволяющего достигнуть соприкосновения множества личностей.

Представленная дискуссия о природе персональной идентификации решается в подходе современного исследователя Дэна Захави¹²⁰. Анализ литературы, посвященной индивидуальной и коллективной интенциональности, привел мыслителя к признанию справедливости критических замечаний в адрес индивидуальных ее форм, приводящих к избыточному субъективизму и

¹²⁰ Zahavi D. Group-identification, collectivism, and perspectival autonomy // *Southern Journal of Philosophy*. 2023 No. 00. P. 1–12.

индивидуализму. В то же время, мыслителем отмечается, что различные формы коллективных интенций предполагают вопрос о поиске отличий между совокупностью индивидуальных и коллективных намерений. Вне зависимости от решения данной дилеммы признается необходимость установления взаимосвязи между отдельным субъектом и коллективом, что приводит к формированию чувства единства и вовлеченности индивида в процессы коллективного взаимодействия.

Важным остается наличие осознания принадлежности к так называемым воображаемым сообществам, которые воспринимаются отдельным субъектом в качестве отражающих его интересы. Именно наличие самоощущения позволяет говорить о вовлеченности субъекта в коллективное «мы», что делает отдельного субъекта элементом сообщества. На этом основании следует полагать необходимость в единстве внешнего включения в социальное образование и осознании вовлеченности в него.

Анализ существующей дискуссии по вопросу оснований персональной идентичности и идентификации приводит к утверждению о наличии заранее заданных свойств личности, которые определяют ее природу. Бытие персоны, ее социально и персонально значимые практики детерминируются такими свойствами. Расхождения ученых по вопросу происхождения свойств принципиального значения не имеют.

Вместе с тем представители различных подходов сходятся в положении о принципиальном для нас конструктивном понимании персональной идентичности. Отдельный субъект творит свое «Я» и стремится сохранить его в качестве постоянного конструкта. Коллективное «мы» в лице общества конструирует внешнюю самоидентичность персоны на основании собственных требований. Как результат, мыслители, которых можно отнести к представителям различных подходов к трактовке идентичности личности, сходятся в утверждении о необходимости нормативного конструирования персонального бытия как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

Обращение к современным социальным реалиям, трансформации технических средств, появлению и активному развитию интернет-технологий, формированию новых (в том числе цифровых, виртуальных) акторов социальной интеракции позволяет говорить об утрате ряда традиционных, привычных форм коллективной и персональной идентичности, основанных на заданных свойствах человека и личности. Более того, такие технологии достижения самоидентичности личности оказываются неэффективными в контексте отношений современной общественной системы.

Исходя из проведенного анализа существующих подходов к персональной идентичности, с авторской точки зрения полезным и эффективным представляется подход, основанием которого является положение о нормативной детерминации свойств и принципов построения любых форм персональной идентичности и идентификации: нормативное измерение определяет коллективное и индивидуальное бытие конкретного субъекта, будь то отдельный человек, малая или большая социальная группа. Технические и технологические изменения, формирующие принципиально новые социальные условия бытия человека, приводят к смене фундаментальных оснований бытия социальных субъектов, а значит – к изменениям в способах идентичности и идентификации¹²¹. Можно утверждать, что идеи З. Баумана о «текучей» современности указывают на резкую, принципиальную смену ценностных ориентиров и нормативных оснований, произошедшую в современном социуме.

Перед каждым человеком, личностью ставится вызов в форме крайней индивидуализации персональной идентичности. Более нет заранее данной идентичности, ее отныне необходимо найти, что становится миссией каждой персоны, порой трудно выполнимой, в современном текучем обществе¹²². Именно здесь эффективным оказывается подход по конструированию личностной самоидентичности и ее закреплению в системе нормативных

¹²¹ Салихов Г.Г. Проблема идентичности в эпоху глобализации // Век глобализации. 2011. №1. С. 122–123.

¹²² Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 240 с.

оснований персонального и коллективного бытия. Следует отметить, что описанное З. Бауманом положение дел характеризует общемировую тенденцию, связанную с технизацией и глобализацией современного общества. Такие «поиски» себя в условиях «текучей» социальности могут быть эффективно описаны за счет нормативного измерения персонального бытия. Личность формирует свою идентичность через нормирование ценных свойств.

Иным следует считать аспект, при котором происходит, с одной стороны, ассимиляция национальных сообществ и формирование наднационального мегасообщества, а с другой – реализуется рост фрагментации мира, усиление культурной дифференциации, что, с нашей точки зрения, может иметь ряд негативных последствий для функционирования каждого конкретного государства как политического института. Таким образом, реализуется процесс противоборства между двумя тенденциями – унификации и индивидуализации национальных сообществ. Между тем сторонники глобализации стремятся навязать унифицированную систему ценностных и смысловых ориентаций, что в конечном итоге может привести к утрате устойчивости в мировом сообществе на всех возможных уровнях: политическом, культурном, национальном, экономическом и т.д. Использование ресурсов концепта нормативного измерения коллективного бытия может способствовать эффективному разрешению такого противостояния, а также выходу за пределы унификации ценностей через выработку персонально значимых ценностей и норм.

Кроме того, глобализация, будучи трендом современного общества, способна оказывать существенное влияние на политические и правовые институты конкретного государства, что сказывается на индивидуальной и коллективной политической идентичности как отождествлении «индивидом себя с определенными политическими принципами или установками»¹²³. Коллективная политическая идентичность как результат самоопределения коллективного Я может оказаться незавершенной или порой недостигнутой. На

¹²³ Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 13.

этом основании нормативистский подход может быть полезным при формировании данного вида персональной и коллективной идентичности и идентификации.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблема личностной идентификации представляется актуальной по многим причинам. Так, одна группа причин связана с общемировыми процессами информатизации и глобализации, затрудняющими процесс достижения персональной самоидентичности человека. Другая группа причин затрудняет достижение цивилизационной идентичности России. К таким причинам можно отнести полиэтничность России, огромное разнообразие религий, идеологических конструкций, существующих в современном российском обществе, исторические, географические и геополитические причины, а также существующий с XIX в традиционный спор о пути развития России.

Анализ существующих подходов к решению проблемы личностной идентификации (субстанциального, реляционного, конструктивистского, социального интеракционизма) позволяет сделать вывод о необходимости признания совокупности свойств, с которыми реализуется процесс персональной идентификации. Отмечается наличие как сугубо самостийных свойств, присущих самому человеку, так и тех, что навязаны персоне со стороны социальной системы, а значит, вынужденно присвоенных на основании требований коллективной интеракции.

Проводимое разделение на персонально и социально детерминированные признаки приводит нас к признанию факта конструктивной природы персонального Я как предмета идентичности. При наличии общих черт и различий между проанализированными подходами следует признать их неэффективность в вопросе реализации процесса достижения самоидентичности в условиях современного цифрового общества. Заранее заданные свойства самости личности в быстро меняющихся условиях часто утрачивают потенциал социализации и адаптации к актуальным реалиям. Вместе с тем во всех обозначенных концепциях понимания персоны и ее идентичности

имплицитно содержится положение о нормативных основаниях персональной идентификации, выраженное в идее необходимости согласования, совмещения в личностном существовании индивидуальных и коллективных свойств человека.

Исходя из изложенного, эффективной представляется возможность говорить о детерминации нормативными основаниями бытия личности ее персональной идентичности. Именно благодаря усвоению нормативных оснований в процессе социализации личность формирует собственную самоидентичность путем принятия конкретных регламентирующих его социальное бытие статусов и ролей. Для эффективного решения выявленной проблемы с авторской точки зрения необходимо сформировать представление о сущности нормы.

§2. Понятие нормативности: сущность и подходы к описанию

В социальной философии одной из существенных является проблема нормы и нормативности. В научной литературе можно обнаружить значительное количество исследований, предметом которых является нормативная сторона бытия человека. При этом в зависимости от сферы изучения анализируются те или иные стороны человеческого существования: естественная (физиологическая, физическая и другие), психофизическая, социальная. В некоторых научных разработках речь идет о стремлении сформировать научное направление нормологии, предметом изучения которой становятся принципы нормальной (в значении подчиненной нормам) жизнедеятельности человека.

Одним из центральных положений такой области знания считается тезис о том, что нормы мыслятся как основание мышления и поведения человека, они проистекают не из внутреннего «Я» конкретных социальных субъектов, а из общего социального контекста. Таким образом, нормы трактуются в качестве социальных образцов, которые детерминируют поведение человека, социальной

группы¹²⁴. Признается высокое значение социального контекста для описания нормативных оснований индивидуальных и коллективных форм поведения. Отмечается, что использование норм как основания поведения дает возможность объяснить сохранение одних социальных и культурных паттернов и деградацию других.

В рамках научных разработок зарубежных исследователей отмечается, что нормативность выступает одним из важнейших оснований организации способов жизни человека и формирования способов его поведения. Утверждается, что именно они являются детерминантой коллективных и персональных практик, в то время как альтернативные формы объяснения общественного и персонального миропорядка оказываются несовершенными. Так, некоторые зарубежные исследователи ставят под сомнение принципиальное значение ценностей как основания порядка и принципов поведения хотя бы по той причине, что они сравнительно часто и легко изменяются и сами имеют культурную и темпоральную детерминацию. Так, П.М. Гринфилд¹²⁵ указывает на аксиологическую связь перехода от аграрного способа существования к городскому и увеличения индивидуального способа существования перед коллективным. Ценность персонального бытия избыточно динамична, поскольку определяется рядом факторов: экономическим, социальным, культурным и др.

Ряд специалистов в различных областях научного знания стремятся изучить нормативную природу бытия человека и личности. Так, в рамках юридической науки утверждается, что природа права «в нормативной форме отражает потребности общечеловеческой справедливости и служит интересам всего общества»¹²⁶. Нормативная природа права детерминирована, как полагают некоторые ученые, онтологическими и гносеологическими порождениями норм.

¹²⁴ Morris, M.W., et al. Normology: Integrating insights about social norms to understand cultural dynamics // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2015. P. 1–13.

¹²⁵ Greenfield P.M. The changing psychology of culture form 1800 through 2000 // *Psychological Science*. 2013. No 24. P. 1722–1731.

¹²⁶ Городяненко В.Г. Соціологія: підручник. Київ, 2008. С. 312.

Л.И. Заморская, раскрывая данное положение, высказывает идею о том, что «законы бытия определяют нормативность познания, а нормативность права обуславливается как законами бытия, так и нормативностью познания»¹²⁷. Нормы права, таким образом, динамически синтезируют в себе нормы бытия и познания. Представленная логика позволяет выявить нормативность права и обеспечить регулятивность норм.

В рамках образовательной деятельности можно говорить об образовательной нормологии, предметом изучения которой принято считать анализ нормативной базы в сфере образования и основных принципов реализации данного процесса¹²⁸. Среди фундаментальных принципов образовательного процесса выделяются его непрерывность, фундаментальность, интегрированность и некоторые другие. Кроме того, в рамках образовательной нормологии проводится анализ обновлений и пересмотр нормативной базы данного процесса с учетом характера современной научно-технической революции, общемировых тенденций, а также современных требований к качеству образования.

В рамках общей нормологии проводились исследования, посвященные нормативной детерминации психологических и поведенческих реакций и отношений. Зарубежными исследователями отмечается прямая зависимость регулярных видов активности от восприятия норм, принятых в поведенчески значимых референтных группах. При этом полагается связь между усвоением таких норм и повышением идентификации с конкретной группой¹²⁹. Признание наличия такой связи, детерминации позволяет анализировать различные формы персональной и коллективной идентичности как результата процесса соотнесения себя с коллективом и выделения себя в нем.

¹²⁷ Заморская Л.И. Нормология права: понятие и предмет исследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. №2 (91). С. 23.

¹²⁸ Черепанов В.С., Любимова О.В. Основные направления развития образовательной нормологии // Сибирский педагогический журнал. 2007. №10. С. 12–15.

¹²⁹ Terry T.J., Hogg M.A. Group norms and the attitude-behavior relationship: a role for group identification // Personality and social psychology bulletin. 1996. No 2. P. 776–793.

Следует говорить и об известной концепции нормологии В.Н. Мигашкина, для которого нормология суть наука о целостности, о закономерностях Целого и Частей. Мыслитель высказывает гипотезу о необходимости формирования проекта как Целого, который позволит представить регулятивные основания организации целостного, системного миропонимания. Частные науки изучают количественные характеристики познаваемых предметов, в то время как нормология предметом своего внимания имеет фундаментальные нормирующие принципы организации системы (например, познания или мира).

В медицинской практике норма трактуется в качестве оптимальной взаимосвязи со средой обитания, в то время патология мыслится как «интервал оптимального функционирования, который имеет подвижные границы, в рамках которого сохраняется оптимальная связь со средой и согласованность всех функций организма»¹³⁰. Такое понимание нормы дисциплинарно детерминировано и включает в себя соответствие морфофункциональных свойств организма окружающей среде¹³¹. Норма в таком значении интегрирована в понятие «мера», в котором отражается единство количественных и качественных характеристик объекта. Данное понятие включает в себя такое состояние изучаемого объекта, в котором количественные свойства отражают качественное функциональное его состояние. Норма, таким образом, суть обобщенный статистический показатель, видоизменяющийся в зависимости от показателей отдельных объектов¹³². Любое отклонение от принципа «золотого сечения», симметрии приводит к состоянию патологии, выраженной в медицинской сфере с помощью понятия «болезнь». Критическое переосмысление данного подхода к понятию нормы позволяет утверждать его редукционизм к здоровью и элиминацию болезни как вида нормального (умеренного в негативном смысле) функционирования объекта.

¹³⁰ Качан Л.Г. Научно-методические подходы к формированию современных знаний о здоровье и здоровом образе жизни: науч.-метод. пособие: в 3 ч. / под ред. Н.Э. Касаткиной, Э.М. Казина. Ч.1. СПб.: Изд-во ГНУ ИОВ РАО, 2005. С. 31.

¹³¹ Малов Ю.С., Борисов И.М. Норма и здоровье человека // Вестник российской военно-медицинской академии. 2021. Т. 23. №2. С. 229–236.

¹³² Tomnyuk N.D., Danilina E.P. Terminology concept of norm and pathology in medical practice // International Journal of Applied and fundamental research. 2017. № 7 (part 2). P. 214–216.

Частным случаем медицинского понимания нормологии можно считать валеологию, сущность которой в явной форме раскрыл В.П. Петленко. Основываясь на опыте традиционной медицины, ученый утверждает, что валеология суть «комплексная наука о здоровье здорового человека, представляющая собой совокупность знаний о закономерностях, механизмах и способах формирования, сохранения, укрепления и воспроизводства здоровья человека»¹³³. Решая различные задачи, валеология предполагает изучение множества норм, характеризующих здоровье человека, способов его поддержания, восстановления, а также диагностику, предотвращение и ликвидацию предболезненных состояний.

Рассматривая нормологию как область междисциплинарного человеческого знания, М.В. Моррис, И.-И. Хонг, К.-И. Чиу и З. Лиу¹³⁴ выдвигают положение о существовании трех классических теорий (интернационализации, социальной идентификации и рационального выбора), а также двух новых (социального автопилота и социального радара).

Теория интернационализации предполагает, что в процессе социализации человек усваивает внешние нормы и модели поведения, которые в конечном итоге становятся его личными. При этом реализуются две формы такого усвоения: интроекция и интегрирование как неосознанное и осознанное усвоение социальных норм.

Теория социальной идентификации выражается в том, что человек демонстрирует свою принадлежность к группе и тем самым соблюдает принятые в ней правила. Более того, человек самостоятельно соглашается с такими нормами, поддерживая их в своем поведении.

В рамках теории рационального выбора предполагается, что нормативная модель поведения человека основана на рациональном выборе инструментария социально значимого поведения. Внутренние установки человека или внешние

¹³³ Валеология: учеб. пособие / Т.С. Борисова [и др.]; под ред. Т.С. Борисовой. 2-е изд. доп. Минск: Вышэйшая школа, 2021. С. 7.

¹³⁴ Morris M.W., Hong Y.-y., Chiu C.-y., Liu Z. Normology: Integrating insights about social norms to understand cultural dynamics // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2015. Vol. 129. P. 1–13.

выражения принадлежности к группе не имеют значения, ценным оказывается выбор наиболее оптимальных и эффективных моделей поведения, а также их регуляторов. Более того, следование нормам или их нарушение зависят от уровня вознаграждения или потерь, с которыми сталкивается индивид в процессе социальной интеракции.

Теория социального автопилота содержит принципиальное положение, в рамках которого безопасное поведение человека имеет автоматический характер, что детерминируется усвоением нормативных оснований.

Теория социального радара предполагает, что «поведение и поступки человека соотносятся с тем, насколько они одобряются или не одобряются другими людьми, соответствуют или не соответствуют требованиям группы»¹³⁵. Подобное соответствие определяет вектор становления человека как социального существа.

В отечественной психологии отмечается ряд значимых подходов к пониманию нормативности, наиболее известным из которых следует считать структурно-диалектический подход, суть которого состоит в анализе преобразования и развития психологических феноменов, имеющих структурную организацию. Представителями данного подхода анализируется так называемая нормативная ситуация (стандартная ситуация, в которой определены правила поведения каждого из ее участников) и обосновывается идея о сочетании ее объективной и субъективной стороны¹³⁶. Позитивное понимание нормативности заключается в идеях отечественных мыслителей, для которых она суть качество освоения нормы или соответствующей ситуации¹³⁷. Для некоторых зарубежных мыслителей нормативность в таком ракурсе суть форма принуждения, запрещающая различные формы антисоциального поведения, а также психологическую склонность человека к насилию¹³⁸.

¹³⁵ Маралова Т.П. Проблема формирования нормативности поведения в современной психолого-педагогической науке (обзор исследований) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. №2. С. 166.

¹³⁶ Веракса Н. Е. Личность и культура: структурно-диалектический подход // Перемены. 2000. № 1. С. 81–107.

¹³⁷ Пашенко А.К. Структурно-диалектический подход к пониманию проблемы нормативного поведения личности // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 302.

¹³⁸ Patterson G.R. A Social Learning Approach. Vol. 3. Coercive Family Process. Eugene, OR: Castalia Publishing Company, 1982. 368 p.; Dishion T.J., Patterson G.R. The Development and Ecology of Antisocial Behavior: Linking

Кроме того, интересной представляется концепция нейтрализации, предложенная зарубежными исследователями и предполагающая, что люди нарушают нормы только потому, что считают себя способными нейтрализовать негативные последствия, сообразуясь со своими представлениями о проблеме¹³⁹. При этом для минимизации негативных последствий применяются различные уловки, среди которых наиболее часто используемыми признаются уступки, извинения, оправдания и т.д.

Существуют и иные дисциплинарные подходы к пониманию нормативного измерения человеческой природы в рамках общего нормологического подхода. Однако принципиальным остается утверждение о том, что онтологическое понимание нормы и отклонения от нее содержит в себе информацию об организации и поведении субъекта. В.Д. Плахов адаптирует представленную мысль к общественной действительности, указывая на ее применение к условиям социальной действительности¹⁴⁰.

Концептуально представленный подход имеет право на существование, однако содержательно можно говорить о дисциплинарном характере изучения сущности норм в различных зарубежных исследованиях, авторы которых соотносят себя с общим направлением нормологии. Это дает возможность различным ученым рассматривать отдельные вопросы, касающиеся тех или иных частных случаев бытия человека и способов его поведения.

Вместе с тем следует полагать, что не существует единого понимания нормативности как таковой, за всем многообразием подходов крайне трудным оказывается выделение общих принципов нормативного подхода к личности как субъекту общественных отношений, разнообразных практик ее бытия, а также развития нормы как способа регуляции и детерминации социальных практик личности и ее идентичности.

Etiology, Prevention and Treatment // Developmental Psychopathology. Vol. 3: Risk, Disorder and Adaptation / edited by D. Cicchetti, D.J. Cohen. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2016. P. 503–541.

¹³⁹ Fritsche I. Account Strategies for the Violation of Social Norms: Integration and Extension of Sociological and Social Psychological Typologies // Journal for the Theory of Social Behavior. 2002. Vol. 32. No. 4. P. 371–394.

¹⁴⁰ Плахов В.Д. Норма и отклонение в обществе. Вопросы теории // Юридическая мысль. 2008. №1 (45). С. 20–30.

Кроме того, отметим существование ряда подходов к постижению сущности нормы как таковой. Среди таковых следует выделить самое общее положение, согласно которому норма мыслится как общий критерий, с которым необходимо соотносить поведение людей. Такой подход реализуется в ряде вышеописанных дисциплинарных областей знания. Так, в юриспруденции нормы мыслятся как исключительно инструментальное образование, необходимое для обеспечения единых стандартов поведения человека. Нарушение установленных норм влечет за собой соответствующее наказание, необходимое для возвращения нарушителя под единый стандарт коллективного бытия. Близким по значению является медицинский подход к постижению нормативности, согласно которому она суть средство для описания здоровья, а его нарушение признается аномалией, то есть болезнью.

Подобный подход характерен для большинства дисциплин и областей знания и предполагает понимание нормы как того, что является внешним и налагаемым на поведение или бытие человека извне¹⁴¹. Представленное понимание нормы выполняет функциональную ее трактовку, что не в полной мере дает возможность осмыслить сущность нормативности как феномена человеческого и социального бытия.

Иным является подход, в рамках которого утверждается, что нормативность суть феномен исключительно человеческой природы, выражающий способность персоны творить, выходить за пределы природной закономерности. Нормативность – это выражение способности человека к трансцендированию, созданию норм, поэтому она есть выражение свободы личности.

Поясняя данный тезис, имеет смысл обратиться к природе человека как сочетающей в себе два значимых начала – естественное, которое сводится к биологическим и иным началам, и внеприродное, которое не сводится к естественным основаниям бытия и позволяет выйти за их пределы.

¹⁴¹ Аргументация в праве и морали: коллективная монография / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: Алеф Пресс, 2018. С. 90.

Существенной для нас представляется способность человека осуществлять подобный акт трансцендирования, создавая надприродную составляющую персонального и коллективного бытия.

Известно, что в своей критической философии И. Кант последовательно проводит разграничение естественной причинности (животного произволения, основанного на детерминации чувственности) и свободы воли, присущей исключительно человеку¹⁴². Последнюю немецкий мыслитель определяет так: «свобода в практическом смысле есть независимость действий от *принуждения чувственности*»¹⁴³. Анализируя природу человека, И. Кант предлагает известную идею о наличии в нем интеллигибельного (трансцендентальной идеи свободы) и эмпирического (чувственной схемы). Второй структурный элемент предполагает детерминацию естественными причинами бытия человека, в то время как первый характеризуется как свобода воли, постоянное необусловленное условие своих действий. Свобода воли суть первопричина деятельности человека. Кроме того, для Канта было очевидным, что «воля, законом для которой может служить одна чистая законодательная форма максимы, есть свободная воля»¹⁴⁴. Таким образом, следует говорить о том, что свобода воли представляет собой основание способности человека к законодательности, то есть к созданию нормативности собственного бытия.

Исходя из представленной логики, имеет смысл обратиться к этимологии данного понятия, которая может быть сведена к латинскому термину *norma*, переводимому как мерило, руководство, правило, закон, образец¹⁴⁵. Соответствие конкретному образцу считается нормальным, то есть правильным, корректным, принимается в качестве имеющего положительную ценность; несоответствие же, наоборот, расценивается как отрицательная ценность, поскольку представляется некорректным, неправильным.

¹⁴² Еремеева Н.В. Свобода, необходимость и долг в феноменальном и ноуменальном мирах в учении М. Лютера и этике И. Канта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманит. и соц. науки. 2018. №5. С. 122–131.

¹⁴³ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М., Чоро, 1994. Т. 3. С. 418.

¹⁴⁴ Там же. Т. 4. С. 439.

¹⁴⁵ Латино-русский словарь / сост. А.М. Малинин. М.: Изд-во иностр. лит, 1952. С. 451.

Необходимо отметить, что существует большое количество видов норм как образцов. С нашей точки зрения, эффективно использовать ставшую традиционной в философии диалектику природного и культурного как неприродного. Можно согласиться с позицией Е.В. Баженовой, которая утверждает, что «культура описывает все то, что связано с бытием человека, с его деятельностью. Она есть граница, которая отделяет природное бытие от социального бытия»¹⁴⁶. По отношению к предмету нашего изучения это означает, что необходимо разделять принцип меры как выражение природного регламента и принцип нормы как выражение социального (человеческого).

К первому классу можно отнести физические, химические, биологические и прочие выражения меры как законов природы. В естественном мире таким следует считать соответствие законам природы. Действия живого организма, соответствующие законам природы, признаются нормальными – соответствующими определенной мере бытия. В таком ракурсе речь идет о фиксации определенного состояния, которое предполагает совокупность неких характеристик, соответствие которым воспринимается как закономерное, постоянное. Состояния объекта исследования, которые нарушают природные закономерности, трактуются в качестве не-нормальных, то есть противоестественных¹⁴⁷. На этом основании соответствие объекта определенным характеристикам трактуется как нормальное в значении умеренности, любое же отклонение воспринимается в качестве патологии, требующей упорядочения, подведения под норму.

Таким образом, в естественно-научной литературе норма как мера сводится к сущему как статистическому, среднему и наиболее адаптированному к окружающей среде. Именно на этом основании предполагается, что в естественной картине мира норма как мера суть внешняя характеристика

¹⁴⁶ Баженова Е.В. Тело человека как территория столкновения природы и культуры // Человек в мире культуры. 2012. №3. С. 4.

¹⁴⁷ Попова Е.В. Содержание понятия «норма»: основные смыслы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 108.

предмета, навязанная сторонним наблюдателем и требующая подведения под выделенный принцип сущего.

В большинстве научных разработок представленная концепция принимается как базовая и применяется для решения социально значимых проблем в различных областях, среди которых можно выделить множество юридических, нравственных, технических, познавательных и других затруднений.

Норма здесь используется в значении меры и выступает как внешний регламентирующий принцип, упорядочивающий сущее. Следование нормам социального поведения как мере признается социально приемлемым, нарушение существующих требований может повлечь за собой конкретные санкции, соответствующие действующим нормам.

Так, отдельным видом социальных норм как меры можно считать технические нормы. Использование техники как совокупности механизмов требует конкретных моделей взаимодействия с приборами, которые определяются инструкцией по эксплуатации. Нарушение данного вида норм взаимодействия влечет за собой нарушение или даже невозможность функционирования технических средств.

Использование принципа соответствия нормам мышления позволяет получать истинное, достоверное знание, в то время как их нарушение приводит как минимум к невозможности гарантировать истинность полученных знаний, как максимум – к получению заведомо ложных и недостоверных данных. Можно выделять и иные нормы в других областях бытия.

Одним из оснований естественно-научного понимания сущности нормы становится рационалистическая концепция Б. Спинозы, в рамках которой выделяется творящая природа и творимая природа. Первая создает нормы, которым может и должна быть подвергнута вторая, творимая природа¹⁴⁸. При этом оценивающий субъект, коим может оказаться как конкретный человек, так

¹⁴⁸ Ефанова Л.Г. Норма как философская и семантическая категория // Вестник науки Сибири. 2015. №1 (16). С. 72.

и коллективный социальный субъект, должен обуздывать свои субъективные интенции в соответствии с принципом нормы. Модус бытия должен соответствовать нормам самого бытия, что не дает возможности модусу проявлять индивидуальные свойства вне требований нормативности.

Такой путь требует соответствия оценивания с помощью рационального метода познания, то есть такого, который бы использовал при оценивании заранее известные нормы и правила¹⁴⁹ (правила ума, соответствующие правилам природы). Совокупность таких правил представляет собой некий стандарт, сообразно с которым необходимо оценивать нормальность функционирования предмета оценивания. Такой стандарт признается идеалом, а совокупность норм, содержащих в нем, требует минимальных отклонений для поддержания типичного, то есть нормального, функционирования конкретной системы.

Как показывает Е.В. Попова, в рамках данного значения фиксируется так называемое нормальное состояние чего-либо, то есть совокупность признаков и свойств, «соответствие которым воспринимается как закономерное, постоянное»¹⁵⁰. Отклонение от описанного состояния воспринимается как случайное положение дел, требующее того, чтобы его исправить, то есть приведения к норме. Справедливо отмечается, что при таком подходе норма понимается, «с одной стороны, как нечто среднее, устоявшееся, не выделяющееся из массы, а с другой стороны – наиболее приспособленное, адаптированное к окружающей среде»¹⁵¹. Понятие «норма» как мера обозначает «границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение сохраняют свои качества и функции: задающие их внутреннюю соразмерность (упорядоченность)»¹⁵². Такой подход определяет возможность сохранности

¹⁴⁹ Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат. Т. 1. 1957. С. 329.

¹⁵⁰ Попова Е.В. Содержание понятия «норма»: основные смыслы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 108.

¹⁵¹ Там же. С. 108.

¹⁵² Новейший философский словарь. Мн.: Изд-во. В.М. Скакун, 1998. С. 472.

целостности изучаемого объекта, ряд условий, которые позволяют идентифицировать изучаемый объект как тождественный самому себе.

Выявленная трактовка понятия «норма», перенесенная на систему общественных связей и отношений, предполагает признание типичности социального поведения в рамках определенных социальных связей и отношений. Типичность в данном случае означает свойственность большинству социальных субъектов. Так, общество как система закладывает норму в стереотипные модели поведения, требуя от социального субъекта, как индивидуального, так и коллективного, исполнения действий, соответствующих данным требованиям. Представленное понимание нормы как меры содержит в себе положение об упорядочивании социальной системы извне, что по своей сути лишает общественное взаимодействие самостоятельности и содержательной интеракции.

Кроме того, содержательно близким может быть признан культурно-релятивистский подход, в рамках которого изучаются стандарты поведения людей и народов. Такие стандарты аккумулируются и транслируются традициями социального опыта, обеспечивающими массовое принятие таких норм и устойчивое выполнение основанных на них моделей социального и культурного поведения¹⁵³. Принятые модели поведения признаются приемлемыми и нормальными, что дает основание формировать в конкретном обществе, культуре набор стандартов и стереотипов поведения.

Мы видим, что в представленной логике реализуется классическая трактовка понимания нормативности, при которой общество отождествляется с культурой. Такие нормы связываются с культурой и формируют ее основания, задают ориентиры деятельности и действий, что позволяет поддержать порядок в обществе¹⁵⁴. Социум и культура используют понимание нормы как меры, постоянно воспроизводят нормы и поддерживают тем самым определенный

¹⁵³ Этнические стереотипы поведения / под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. С. 3.

¹⁵⁴ Добрин К.Ю. Социальная норма в традиционном и современном обществе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. №1 (26). С. 118.

порядок. Принцип меры трактуется как совокупность свойств, признаваемых правильными, соответствующими естественному существованию. Эти свойства оказываются предписанными, поскольку вынуждают человека существовать заранее заданным образом. Они становятся формой естественной, природной необходимости, нарушение которой влечет за собой невозможность жизни человека, то есть его смерть. Норма как средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений, выражает совокупность предписаний, выполнение которых обеспечивает возможность существования чего-либо.

Таким образом, природное существование человека детерминировано естественными закономерностями, социальное же его существование определяется нормами, заставляющими человека действовать в интересах всего общества, поддерживать его функционирование для выживания социальности. Так понимаемые нормы определяют наличие у человека конкретных свойств, которые позволяют ему поддерживать биологическое и социальную жизнеспособность. Социальные нормы становятся общественным выражением норм природы.

Вместе с тем имеет смысл говорить о том, что так понимаемая норма может трактоваться как экзогенная, навязанная извне. Будучи мерой, она суть выражение требований природы, в социальном же плане норма представляет собой выражение требований социальной системы, приводящей к единому знаменателю единичные формы существования (действия отдельных субъектов детерминируются едиными, внешними по отношению к ним, основаниями, выраженными в нормах). Именно по этой причине справедливым оказывается положение о навязывании социальными структурами персональных свойств через их закрепление в нормативном измерении.

В наиболее яркой форме выявленное понимание понятия «норма» было описано А. Бергсоном в работе «Два источника морали и религии». Мыслитель выделяет два вида обществ – закрытое и открытое, различие между которыми состоит в том, что в одних обществах система регламентации человеческого

поведения приводит к формированию общества как организма, который подчинен действию непреложных законов, а в других обществах система нормативности приводит к формированию социальной ткани, созданной свободными волями¹⁵⁵. Общество как организм, подчиненный непреложным законам, опирается на инстинкт, в нем реализуется приоритет общего над индивидуальным, подчиненность элементов интересам целого¹⁵⁶. По таким принципам реализуется способ существования закрытого общества, в котором основным видом нормативности оказываются природные закономерности. Логика мыслителя выводит один из источников морали и религии в природных закономерностях, утверждая, что ранние общественные системы сильно зависимы от природных условий, поэтому социальные требования формируются на основании природных биологических и физических закономерностей, что необходимо, поскольку это позволяет обществу и его членам выживать.

Итак, одно из значений понятия «норма» суть мера, которая выражает совокупность естественных, то есть данных от природы, свойств, определяющих бытие класса предметов, отличая его от иных классов предметов. Так понимается норма, реализуемая в социальной среде, общественных предписаний, необходимых для определения бытия класса социальных предметов (отдельный человек, социальная группа, общество в целом), что позволяет ей детерминировать конкретный тип общественных отношений. Такое понимание нормы как меры позволяет облегчить процесс определения нормальности бытия класса предметов или явлений, поскольку определяет достаточно простые критерия для оценивания.

В качестве существенного недостатка представленной трактовки, значения изучаемого понятия можно считать негативность определения понятия «норма», которое трактуется как отсутствие недостатков, отсутствие отклонений от

¹⁵⁵ Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 4–5.

¹⁵⁶ Петросян В.К. Статика и динамика в социологической концепции А. Бергсона // Мониторинг общественного мнения. 2009. №5 (93). С. 251.

устоявшихся принципов и признаков либо слабая выраженность болезненных факторов, в целом не мешающих бытию конкретного класса предметов.

Кроме того, данное значение понятия «норма» содержит в себе естественно-научный редукционизм, не позволяющий в полной мере выразить природу общественного и индивидуального в социальном субъекте. Содержательно не проводится различие между человеком и любым предметом естественного мира.

Наряду с этим в рамках представленного подхода проблемным остается наличие двух исключаящих друг друга проекций нормы как меры: она суть выражение средней статистики, являясь одновременно результатом деятельности человека. Противоречивая природа представленного понимания нормы требует ее критики.

Иное значение понятия «норма» выражает «общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях, образец или пример»¹⁵⁷. В рамках такого значения формируется представление отнюдь не о свойствах класса предметов, а о том, каков принцип должного действия. Таким образом, норма выражает долженствования в форме императивов различного уровня, то есть принципов желательного, рекомендательного, а порой и необходимого поведения¹⁵⁸. Поскольку в данном значении изучаемого понятия содержится регламентирующий принцип бытия, речь идет скорее о нормах в полном смысле этого слова.

В рамках представленного понимания следует говорить о реализации кантовской логики, согласно которой трансцендирование как свойство человека определяет его способность к творению нормативных оснований собственного бытия. Полагается, что выход за пределы естественной нормы как меры вынуждает человека создавать образцы поведения, характеризуемые им как должное, совершенное. Именно в этом выражается нормативность как свойство

¹⁵⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М.: Рус. яз., 1979. Т. 2. С. 555.

¹⁵⁸ Пэнто Р. Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972. С. 48.

человеческой природы – способность к нормотворчеству, выходу за пределы естественных регуляторов поведения, созданию норм социальной среды.

Норма как мера, выражение естественной регуляции бытия природного феномена является, как полагает И.Д. Невважай, несовершенным основанием детерминации поведенческих программ человека, что компенсируется необходимостью для человека совершать усилия по созиданию собственного бытия¹⁵⁹. В этом смысле норма как должное и основанная на ней нормативность представляют собой выражение человеческой конструктивной природы, содержащей в себе необходимость самосоздания, самовыражения.

Социальные связи и отношения регламентируются образцами поведения, основная функция которых состоит в том, чтобы обеспечить и гарантировать упорядоченность, а также регулярность общественного взаимодействия. В отличие от естественного понимания понятия «норма», сводимого к наличию совокупности свойств и выражаемого в том числе в естественных законах мира, функционирования сознания и так далее, такое значение рассматриваемого понятия реализуется в более узком классе норм как феноменов общественного существования.

В литературе отмечается, что существует большое количество определений нормы как социального феномена. Все подобные определения оцениваются как недостаточно четкие, поскольку не содержат в себе необходимого количества определенных свойств нормы как общественного феномена. Так, в наиболее общем виде под нормами понимаются правила, регулирующие отношения между людьми, или правила общественно значимого поведения человека¹⁶⁰, которое должно носить положительно оцениваемый характер, поскольку только в таком случае оно будет приниматься как приемлемое.

¹⁵⁹ Аргументация в праве и морали: коллективная монография / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: Алеф Пресс, 2018. С. 91.

¹⁶⁰ Завьялова Н.Ю., Руденко А.Н. К вопросу о понятии социальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №10-1. С. 213–216.

Существенным представляется понимание нормативности через призму ценностей, включающей в себя идеал, стремление к которому социально приветствуется и предполагает положительную оценку. Нормы же закрепляют такое стремление во всем многообразии одобряемых образцов и моделей социального и индивидуального поведения. Так, О.А. Белинова и В.Е. Фомин¹⁶¹, анализируя различные определения права, показывают, что вне зависимости от его трактовки в нем содержится аксиологическая детерминанта, поскольку оно выражает принципы свободы, равенства и справедливости как ориентир правовой реальности. Кроме того, представленные этико-правовые категории выражают базовые ценности любого общества. Из этого следует, что правовые, равно как и все остальные социальные нормы, становятся выражением ценностных ориентиров конкретного социума.

В рамках понимания нормативности через принцип ценности содержится фундаментальное положение о норме как способе выражения должного, основанном на оценочных суждениях человека о том, какими должны быть практики социального бытия. Любые нормы суть выражение должного как ценного. Так, для юридических норм, которые можно отнести к сфере сущего на основании выражения типичного в бытии отдельного субъекта, характерно то, что они «"говорят"» не только и под известным углом зрения даже не столько о том, *что есть, реально существует*, а о том, *что должно быть*»¹⁶². Этическое понимание нормы содержит в себе двойственную природу. С одной стороны, она суть выражение обычая, постоянно воспроизводимого в однотипных поступках множества людей в качестве морального закона, а с другой – такая норма суть повеление, обращенное ко всем людям с требованием неукоснительного выполнения в совершенно различных случаях. В рамках эстетического подхода нормативность закрепляется как выражение художественно-эстетических ценностей, закрепленных в конкретных коллективах. В целом следует говорить

¹⁶¹ Белинова О.А., Фомин В.Е. Ценность права и ценности в праве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1 (44). С. 30.

¹⁶² Алексеев С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М.: Норма, 2001. С. 60–61.

о том, что принцип долженствования определяет и закрепляет в норме нечто значимое для субъекта и на этом основании закреплённое в качестве должного и требуемого к исполнению.

Можно утверждать, что нормы, основываясь на ценностях, выражая их, конструируют коллективно и индивидуально допустимые, приемлемые и положительно оцениваемые модели поведения человека в социальной действительности. Как справедливо полагает Е.В. Попова, нормы как социальный феномен выражают единство сущего и должного, то есть «имеющего место в действительности и потенциального, образцового. Происходит это потому, что норма – это правило, которое, с одной стороны, реализуется, а с другой – предписывается»¹⁶³. В этике, юриспруденции, эстетике, науке (например, в понимании парадигмы Т. Куном) предполагается необходимость соблюдения, реализации нормативных требований, которые, однако, сосуществуют с существующим образом, должным, предъявляемым к субъектам – участникам соответствующих интеракций.

С одной стороны, речь идет о коллективной составляющей, включающей в себя совокупность ожиданий со стороны социального субъекта, регламентирующих поведение человека. Общественные ожидания требуют от отдельной личности исполнения социально приемлемых моделей поведения, способствующих поддержанию целостности системы. Именно так формируется образ желательного поведения человека в социуме, поддерживаемый авторитетом общественного стереотипа.

С другой стороны, речь идет об ожиданиях и интенциях конкретного человека, который стремится реализовать интересующие его принципы жизни. Реализация таких интенций приводит к возможности самореализации персоны в условиях ее индивидуального социального бытия. Столкновение двух противостоящих сторон влечет за собой необходимость разрешения конфликта интересов, реализующегося в процессе формирования социальных норм.

¹⁶³ Попова Е.В. Онтологическая и гносеологическая специфика нормы: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед ун-та, 2008. С. 19.

Таким образом, можно сказать, что одним из содержательных моментов социальных норм является возможность снять противоречия между коллективными ожиданиями и индивидуальными устремлениями, сформировать единые стандарты поведения человека, достигнуть компромисса между коллективным и индивидуальным социальным субъектом и реализовать обеими сторонами общественного процесса свои возможности.

Существует и ряд иных, не менее важных свойств нормы как социального феномена. К ним можно отнести:

- повторяемость. Речь идет о том, что социальная норма проявляет себя во множестве типичных ситуаций. По этой причине определенный тип поведения признается нормальным, а способ его описания (то есть нормы) трактуется как нормативный;

- отсутствие конкретного адресата. Нормы представляют собой условия возможности их применения;

- императивность как общеобязательность выполнения¹⁶⁴.

В рамках такого понимания норма трактуется как «обусловленное общественным бытием, общеобязательное общественное установление (правило поведения) общего характера, направленное на регулирование общественно значимого поведения личности в ее взаимоотношениях с другими людьми»¹⁶⁵. В таком определении выражается императивный характер социальных норм как требований желательного социально ценного поведения.

Отметим, что социальные нормы как императивный образец поведения регламентируют отношения в обществе в двуединой форме существующих правил поведения, а также действий субъектов социальной интеракции, которые приводят к искомому социально значимому результату. Нормы, выражающие ценности в форме желательного поведения и действия социальных субъектов, ставящих перед собой достижение персональных или коллективных целей,

¹⁶⁴ Бачиашвили И.М. О понятии социальной нормы // Право и правотворчество: вопросы теории. М., 1982. С. 68.

¹⁶⁵ Завьялова Н.Ю., Руденко А.Н. К вопросу о понятии социальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №10-1. С. 216.

позволяют в полной мере и максимально эффективно регламентировать общественные связи и отношения. При этом целеполагание в действиях личностей как социальных субъектов и их стремление достичь поставленных целей может пониматься в качестве альтернативного способа нормирования общественных связей и отношений. Логическим следствием может выступать утверждение о том, что социальная норма в своем содержании имеет два элемента – коллективную и персональную стороны.

Диалектика социальной нормативности состоит в практической реализации коллективных и индивидуальных ценностей. Первые реализуются в правилах допустимого и желательного поведения, положительно оцениваемого обществом как системой, индивидуальные ценности состоят в достижении конкретным социальным субъектом целей, поставленных им перед собой. Если коллективные ценности предполагают стремление общественной системы подчинить себе человека и унифицировать его поведение, то индивидуальная сторона социальной нормативности состоит в ценности самореализации и самоутверждения как отстаивания персональных свойств.

Обозначенная выше логика А. Бергсона показывает, что социальная нормативность, допускающая возможность реализации индивидуальных устремлений в процессе регламентации общественных связей и отношений, возможна в открытом обществе, то есть в таком, в котором ставка делается на прогресс, а важнейшей опорой становится интеллект как альтернатива инстинкту. В открытом обществе, по логике А. Бергсона, осуществляется приоритет творческого единства индивидуального и общественного, подчинения целого и индивидуального общим интересам ради развития. Нормативность как социальный феномен предполагает уже не жесткую регламентацию поведения и действий человека, а способность формировать образец желательного поведения, который допускает возможность отклонения, своего рода девиантного поведения.

В результате социальная норма становится выражением единства коллективного и индивидуального в человеке, средством полноценного

выражения природной и социальной сущности человека. Можно сказать, что общественные требования становятся своего рода основанием способности человека к самореализации и самоутверждению, позволяя ему жить самостоятельно и выбирать собственный социальный статус и роль в обществе.

Кроме того, можно согласиться с логикой размышления А. Бергсона, содержащей в себе идею эволюционного перехода от закрытого общества к открытому и соответствующей трансформации форм нормативности. С авторской точки зрения, одним из важнейших оснований такого перехода становится трансформация технической стороны общества и цивилизации. Человек ставит технику между собой и природой, что способствует его отдалению от принципиального влияния природы на все сферы его жизнедеятельности. Развитие техники приводит к увеличению степени независимости человека и социума от природных факторов. Это позволяет сделать утверждение об эволюционном характере развития нормативности.

В традиционном (закрытом) обществе «нормы групповой культуры оказывают мощное воздействие на его мотивы, ценности, ориентации»¹⁶⁶, индивид становится групповым человеком, главная задача которого состоит в поддержании действующего общественного порядка. Это позволяет заставить человека однозначно выполнять социальную роль, подчиненную необходимости исполнения определенных образцов поведения, детерминированных природой.

Эволюционный переход к техногенному обществу привел к ослаблению требований социальности по отношению к деятельности человека и запрету выхода за пределы сферы обеспечения самым необходимым для выживания социальной системы. Техногенное общество базируется на технике как способности к умножению знания и изобретению нового, что позволяет человеку подчинять природу себе. Человек ставит между собой и природой технику как орудия, приборы и как знания о природных закономерностях и процессах и с их помощью получает определенную степень независимости от влияния природных

¹⁶⁶ Хайбуллина И.В. Техногенная цивилизация, общество и человек // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. №7 (89). С. 142.

факторов. Это и дает основание для формирования открытого общества в бергсоновском смысле слова.

Таким образом, социальная норма представляет собой выражение способности человека формировать образ своего желательного поведения, основание, дающее шанс личности максимально реализовать свои потенции и устремления. Социальная норма может быть понята в качестве критериев, с помощью которых формируется основание общественной природы человека. Такое основание допускает возможность индивидуального развития, благодаря чему человек способен занять максимально комфортный статус и выполнять роль в коллективе, максимально полно отвечающую интересам, возможностям и способностям конкретного человека.

Если пытаться совместить описанные значения понятия социальной нормы, можно сказать, что она представляет собой средство регламентации множества общественных связей и отношений через формирование и использование образцов приемлемого поведения. На основании таких правил реализуется возможность осуществлять приемлемые, нормальные принципы существования человека в обществе.

Очевидно, что применение так понимаемых норм возможно только на основании процесса социализации и инкультурации человека как индивида, в ходе которого достигается формирование в нем приемлемых свойств, позволяющих каждому отдельному человеческому существу приобрести основания для вхождения в общество. Социальная норма становится основанием общественного бытия человека, мерилom и возможностью его способности к совместному существованию с другими людьми.

Таким образом, социальная норма становится минимальным условием человеческого бытия в обществе, поскольку определяет наличие его преобразовательной природы. Она суть свойство человеческой природы, задающее самые общие принципы индивидуального бытия, способность каждого из нас реализовать в себе нормотворческую, проективную сущность.

Норма суть эндогенное свойство человека, выражающее его способность к преобразовательной и регламентирующей деятельности.

Таким образом, понятие «социальная норма» может трактоваться как суждения, несущие в себе знания о должном, требования, регулирующие и определяющие должное с точки зрения коллектива (общества в целом или отдельных его институтов). Будучи эндогенным свойством человека, нормы выражают его способность к реализации собственной преобразующей природы, однако через закрепление в себе идеалов и ценностей, к которым стремятся субъекты общественных отношений, нормы суть образцы, необходимые для оценки поведения людей.

Эволюция социальных норм влечет за собой эволюционное развитие общественных связей и отношений, а значит – и принципов совместного человеческого существования. На основании нормативности становятся возможными регламентация социального бытия человека, а также принятие и использование ценных и по этой причине общественно приемлемых форм индивидуализированного развития человека.

В философии, социальных и гуманитарных науках существует множество подходов к пониманию сущности норм. К таковым можно отнести религиозную креационистскую концепцию, представители которой (Аврелий Августин, Фома Аквинский) полагали, что Бог сотворил нормы в форме заповедей. В рамках представленной концепции норм утверждается наличие четырех видов законов: вечного, божественного, естественного и человеческого, каждый из которых имеет предмет регламентации и способ проявления в мироздании. Природа норм в рамках креационистской концепции имеет экзогенный характер, поскольку она выражает требования социальной (в данном случае – религиозного сообщества) системы, приводящей к единому знаменателю действия субъектов – участников религиозного процесса. За счет использования соответствующих норм субъектам таких отношений навязываются ожидаемые необходимые свойства, требуемые для поддержания функционирования религиозного сообщества.

Существенными недостатками данного подхода можно считать отсутствие объяснения каузальной зависимости и динамики развития норм в обществе и государстве и, как следствие, невозможность прогнозирования трансформации социальных норм в перспективе.

Важной в эвристическом, познавательном и объяснительном плане является натуралистическая концепция, базовым утверждением которой можно считать идею З. Фрейда о том, что основой культуры становится «обширный и сложный комплекс психологических и институциональных механизмов, посредством которых обществу удастся превратить человека в социальное существо»¹⁶⁷. В результате культура в целом и общество в частности представляют собой инструмент манипулирования человеком с помощью заученных с детства стереотипов поведения, то есть таких норм, которые делают допустимыми, приемлемыми те или иные поступки.

Полагается репрессивная природа социальности, позволяющая подавить биологическую активность человека благодаря адаптации индивида к принятым нормам поведения. В рамках натуралистической (в частности, фрейдистской) концепции общества и формирования норм принимается в качестве базового утверждения факт о самоочевидности существования общества как системы и социальных норм как способов регуляции поведения человека внутри него. Однако вопрос об их возникновении представляется достаточно важным, поскольку позволяет объяснить происхождение и принципы функционирования нормативных систем.

Так, В.Н. Келасьев в своем стремлении выявить причины социогенеза утверждает, что общество, будучи целостностью, предполагает стыковку, согласование входящих в него частей. В качестве основного тезиса автор выводит утверждение о том, что если есть целое, то есть и деление целого на части, что и дает возможность сформировать целостность из раздробленных

¹⁶⁷ Давыдов А.И. Человек в культуре: психоаналитическое видение // Омский научный вестник. 2015. №4 (141). С. 112.

частей, соединить их в систему¹⁶⁸. Понятие «совмещение» трактуется автором как совокупность процессов, порождаемых вхождением составных частей в систему, а также выражение необходимости их совмещения. Использование понятия «совмещение», как утверждает ученый, позволяет определить сущность социогенеза. Это дает возможность выявить принцип функционирования норм как связующих элементов социальной структуры.

Необходимость такого совмещения может определяться различными факторами. В ряде исследований утверждается, что некоторые из них оказывают существенное влияние на формирование социальности и, как следствие, определяют необходимость нормативности в общественной системе. К таковым можно отнести:

1) облегчение выживаемости живых существ и необходимость безопасности. Именно это, как полагает Г.Л. Тульчинский, выступает базовым фактором и ведущей ценностью социогенеза. Автор показывает, что фактор безопасности и облегчения жизни является фундаментальным не только в процессе изначального формирования общества, но также и в процессе его дальнейшего развития. Мысль ученого идет дальше: «Именно безопасность становится решающим фактором обеспечения легитимности государства, что нередко используется в практиках политического манипулирования, обеспечивающих консолидацию общества, вплоть до практик хорроризации перед лицом (иногда искусственно созданной) внешней или внутренней опасности»¹⁶⁹. Биологический фактор становится основанием формирования общества и провоцирующим элементом его постоянного развития. Более того, наличие стремления к выживанию становится отправной точкой для формирования нормативного основания поведения человека. Это касается как биологической нормативности, которой подчиняется человек как вид живых

¹⁶⁸ Келасьев В.Н. Модели социогенеза // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2010. Серия 12. Вып. 3. С. 347–349.

¹⁶⁹ Тульчинский Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре // Человек. Культура. Образование. 2011. №2. С.6.

существ, так и социальной нормативности, выработанной в конкретном обществе и государстве;

2) стремление к справедливости. Проблемное поле в данном случае состоит в том, что с самого начала формирования общества наблюдается необходимость в распределении благ, что порождает различного рода оценочные суждения, способные довести социальных субъектов до конфликтных ситуаций. Формирование нормативности определяется необходимостью разрешения таких конфликтов. Анализ современного законодательства¹⁷⁰ позволяет утверждать, что социальная нормативность дает возможность избегать конфликтов путем применения к нарушителю социального правила репрессивных мер воздействия. Таким образом, стремление к справедливости реализуется в форме создания конкретных социальных норм, которые позволяют достигнуть общественной справедливости в различных ее проявлениях.

Исходя из этого, следует говорить о том, что нормы в натуралистической концепции хоть и являются следствием естественных условий коллективного бытия, тем не менее представляют собой продукт творчества человека по регламентации поведения субъектов общественных отношений. Выбор причин создания нравственных или политико-юридических норм не отменяет стремления самого общественного субъекта к справедливости и безопасности персонального существования и использованию нормативных оснований для закрепления в коллективе конструктивной человеческой природы. Одновременно с этим так понимаемые нормы имеют экзогенную природу, поскольку трактуются представителями натуралистического подхода как внешние формы принуждения.

Необходимо также отметить тот факт, что социальные нормы, являясь требованиями к деятельности социальных субъектов, вынуждают использовать высказывания о фактах, а не оценочные суждения. Из этого следует формирование функционала социальной нормативности, состоящего в

¹⁷⁰ Карагордин А.А. К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике // Юрислингвистика. 2011. №1 (11). С. 469–480.

необходимости либо переводить оценочные суждения в форму суждений о фактах при помощи аргументации и доказательства, либо избегать оценочных суждений.

Таким образом, натуралистическая концепция нормативности позволяет определить природные детерминанты социального бытия человека, при которых оказывается возможным достижение принципа равенства в совместном, общественном сосуществовании людей. Такой принцип позволяет учитывать достижения естественных наук и эффективно использует принцип эволюционности, содержательно полезный в объяснении сущности нормативности и тенденций развития общества как системы.

Позитивной в представленном понимании нормативности следует считать возможность выполнения определенного, заложенного функционала. Однако сторонники натуралистической концепции нормативности становятся своего рода заложниками ее природы, признавая исключительно внешнюю, экзогенную ее сторону. Будучи созданными на базе естественных оснований, нормы в натуралистической концепции отражают внешние формы принуждения, социальный регламент, понуждающий отдельных субъектов к выполнению коллективно значимых, ценных и от того нормативно закрепленных действий.

Столь же важной можно считать социологическую концепцию понимания нормативности, предметом изучения которой являются поиск социальных и исторических оснований формирования социальных норм, их взаимодействие с другими формами общественной жизни, а также их историческая эволюция.

Фундаментом социологической концепции нормативности становится утверждение о рационализации процесса их возникновения и развития. Так, социальные нормы представляют собой рационально сформированные принципы общественного бытия человека. При этом социологическая концепция позволяет описать, насколько деятельность человека подчинена четко сформулированным правилам¹⁷¹. Кроме того, содержательным моментом

¹⁷¹ Масловская Е.В., Масловский М.В. Социологические теории права // Социологический журнал. 2005. №1. С. 6.

становится поиск общественных и исторических причин трансформации социальных норм. Одной из таковых, по М. Веберу, является обобщение ряда принципов норм, в соответствии с которыми оцениваются конкретные факты.

Рационализация норм понимается как процесс выведения общих оснований поведения человека, в соответствии с которыми оценивается его деятельность. Данный процесс позволяет кристаллизировать нормы в качестве требований, предъявляемых обществом к поведению человека, и определить меру социальности в индивидуальном, а также определить влияние общественных и культурных причин формирования социальных норм. Возникает возможность соблюдения принцип эволюционизма формирования социальных норм. Частным случаем является положение М. Вебера о переходе нормативности из области иррациональных способов их реализации через формальное исполнение оракулом ритуала, в область рационального их применения, основанного на совокупности интеллектуальных аргументов и применения объективных норм как регламента поведения субъектов – участников социального процесса. Мы видим эволюционный переход от одного вида нормативности к другому, позволяющий наблюдать изменения общественной системы и принципов ее функционирования.

Процесс рационализации правовых норм, которые являются предметом изучения М. Вебера, сводится к переходу от иррациональных форм правовой действительности древности через естественное право договорной концепции государства и права к позитивной концепции права юридических позитивистов. Реализуется идея развития общества, соответствующая развитию нормативности: естественные, а затем и социальные условия бытия человека требуют закрепления принимаемых моделей поведения, регламентации новых областей общества и соответствующих им возможных моделей поведения.

Другим основанием социологической концепции становится изучение условий формирования и трансформации нормативности. Так, идеи Н. Лумана об эволюции общества, в ходе которой оно проходит этапы иерархический и

функциональной сегментации, приводят мыслителя к положению о социальной обусловленности нормативной (в частности, правовой) системы.

Если говорить более точно, развитие средств коммуникации приводит к трансформациям общества¹⁷², что требует формирования принципиально новых способов нормативной регуляции общественных связей и отношений. Н. Луман и М. Маклюен выделяют три принципиально разные эпохи в развитии человеческого общества: древние оральные общества, основа которых – вербальная коммуникация; развитые культуры с базовой письменной и печатной коммуникацией; мировое общество с цифровой глобальной коммуникацией. При этом в мировом обществе «глобальной деревни» возрождается многомерное восприятие мира, но на новой электронной основе, что достигается заменой письменно-печатных способов коммуникации сетевыми ее средствами. Логика ученых проста: развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к формированию новых социальных статусов и ролей, что, в свою очередь, требует нормативного описания в форме кристаллизации рациональных принципов поведения человека в обществе. В результате появляются новые феномены в нормативной сфере общества.

Преимуществом проанализированной концепции социальных норм является ее рациональность, поскольку апелляция к ней дает возможность изучения причинно-следственных связей развития социума и нормативности. Кроме того, социологическая концепция позволяет изучить социальные факторы развития социальной нормативности, что позволяет более точно определить и объяснить формы трансформации нормативности в конкретном социуме, а также выявить условия таких трансформаций.

Однако проблемной остается нечеткая, а порой отсутствующая, в социологической концепции трактовка сущности нормативности. Изучаются внешние факторы ее становления, формы и способы регуляции коллективных

¹⁷² Головин Н.А., Петренко П.А. Теория социальной коммуникации Н. Лумана в эволюционно-коммуникативной перспективе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2012. Серия 12. Вып. 1. С. 159–168.

отношений, однако ответа на вопрос «что такое норма?» в явной форме не существует. Указывается, анализируется внешний, регулятивный аспект нормативности.

Преимущество натуралистической, а также соответствующей ей и продолжающей ее логику социологической концепции состоит в нескольких пунктах:

- данные концепции ставят под сомнение происхождение социальных норм, равно как и самого общества, что дает возможность научного объяснения их происхождения. Более того, такое знание может со временем уточняться;

- натуралистическая и социологическая концепции показывают природные (естественные) и социальные предпосылки формирования социальных норм, что дает возможность анализировать большое число оснований формирования норм в обществе;

- данные концепции имеют высокую прогностическую перспективу, поскольку вырабатывают методологические основания для понимания норм, которые возникают вне природных свойств человека и соответствуют новым социальным условиям человеческого бытия. Прогностический потенциал концепций заключается в применении принципа эволюционизма нормативности и социальности.

Среди недостатков данных концепций определенно можно назвать отсутствие четкого понимания сущности нормативности, что приводит к крайнему затруднению в разведении принципов меры как естественно-научного понимания регуляторов и нормы как человеческого способа нормирования и конструирования общественной действительности.

Одной из наиболее перспективных современных концепций нормативности можно считать нормативистскую концепцию, разрабатываемую в аналитической философии. Перспективна она по той причине, что, используя принцип эволюционизма натуралистической и социологической концепций, объясняет переход социальной нормативности из области аскриптивности в область дескриптивности. Таким образом, можно утверждать, что в рамках

логики эволюции социальных норм осуществляется переход из области предписываемого поведения (регулируется нормой как мерой, описывающей сущее), в рамках которого человек принуждается к необходимым образцам поведения, в область описываемого поведения (регулируется нормой как выражением должного поведения). Иными словами, представители нормативистской концепции объясняют переход от закрытого общества к открытому через трансформацию множества социальных норм.

Реконструкция идей представителей нормативистской концепции (Г. Харта, Дж. Остина и других) позволяет утверждать, что норма как выражение закрытого общества имеет свойство аскриптивности, поскольку нарушение таких норм предполагает фатальные последствия для живого организма, живой системы, в том числе для человека и общества. В рамках такого понимания аскриптивности норма трактуется как средняя величина, описывающая совокупность однородных предметов, выражая собой естественное (природное) существование чего-либо. Аскриптивность социальных норм закрытого общества заключается в том, что система предписывает своим структурным элементам эффективные (то есть позволяющие выжить) модели поведения, исключая при этом возможные альтернативные модели поведения.

При этом предписывающая природа таких социальных норм состоит в единстве с практикой применения их нормативности, поскольку социальные нормы в закрытом обществе близки по содержанию природному принципу меры и требуют обязательности исполнения определенных способов поведения. Из этого следует, что нормативность как способ регламентации коллективного поведения и ее применение находятся в неразрывном единстве в закрытом обществе. Более того, можно утверждать, что именно практика применения норм в значительной степени определяет предписательность самих социальных норм. В закрытом обществе это выражается в том, что необходимость выживания предопределяет необходимость заставлять людей как биосоциальных существ совершать определенные действия.

В открытом же обществе, согласно логике представителей нормативистского подхода, происходит постепенное разделение нормативности как социального феномена и практики ее применения. Так, Г. Харт в своем стремлении изучить правовые нормы как вид общественных норм утверждал, что «правовые понятия и утверждения имеют аскриптивную, нормативно-институциональную природу (значение и функцию), а основания их употребления открыты и разнородны – в их отношении неприменимы традиционная модель эмпирического языка и "закрытые" логические дефиниции»¹⁷³. Сущность выявленной Г. Хартом проблемы состоит в том, что, с одной стороны, правовая реальность имеет предписывающее значение, является своего рода социальным институтом, который определяет принципы и правила поведения человека в обществе и тем самым однозначно предписывает модели поведения человека в коллективе. С другой же стороны, применение такого понимания правовой реальности на практике носит дескриптивный характер, поскольку позволяет описать условия и границы применения норм права.

Причина дескриптивности практического применения социальных норм связывается тем, что они не имеют собственного содержания, которое формируется в совокупности достаточных и необходимых условий своего применения. Социальные нормы, по справедливой логике Г. Харта, выполняют ряд функций, главная из которых состоит «в выражении правовых требований и в юридической квалификации событий, состояний и действий, придающей природным и социальным явлениям юридическое значение»¹⁷⁴. В результате по своему значению такие нормы, будучи условиями совместного бытия людей в обществе, аскриптивны, однако их применение носит дескриптивный характер, поскольку они содержат в себе характеристики оценки действий человека.

Таким образом, налицо, два существенных отличия социальной нормативности в открытом обществе:

¹⁷³ Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды института государства и права российской академии наук. 2018. Т. 18. №1. С. 43.

¹⁷⁴ Оглезнев В.В., Тарасов И.П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2010. №4 (12). С. 104.

1) аскриптивность (предписательность) так понимаемых социальных норм можно трактовать как настоятельные рекомендации реализации желательного общественного поведения. В данном случае имеет место трансформация значения свойства аскриптивности. Несоответствие поведения существующему образцу не влечет за собой прекращение функционирования (смерти) общества или человека как живой системы, однако приводит к существенным трудностям социального бытия человека. В результате социальная норма аскриптивна настолько, насколько это необходимо для поддержания правильного функционирования общества.

Это, в свою очередь, не предполагает однозначной причинно-следственной связи необходимости выполнения человеком его социальной функции и физического, биологического выживания человека и общества, а предполагает возможность эффективного сосуществования множества отдельных людей, стремящихся достигнуть реализации собственных интересов. Таким образом, меняется функционал аскриптивности как свойства социальной нормы: предписание определяет не стремление выжить, а необходимость эффективного существования общества как системы, а также совместного существования людей в нем. Так понимаемая аскриптивность социальных норм допускает возможность существования феноменов, противоречащих предписанному положению дел;

2) практика применения социальных норм в значительной степени определяет их содержание, переводя нормы как требования из области обязательности к исполнению в область описания (дескриптивности) желательности моделей поведения.

Следует помнить: известные идеи Г. Харта об аскриптивной природе социальных (в частности, правовых) норм включают в себя аргумент о необходимости «отменить» прямую связь между предметом и высказыванием о нем¹⁷⁵. Логика ученого содержит в себе принцип возможности принуждения

¹⁷⁵ Оглезнев В.В., Суворцев В.А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер vs Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. 2017. №421. С. 36–40.

социальных субъектов существующим предписаниям – социальным нормам, частным случаем которых выступают правовые регуляторы. Однако, как нам представляется, такая логика несколько несправедлива, поскольку наличие в структуре социальны норм субъективных ожиданий правильного поведения определяет желательность, но не обязательность таких действий, а также невозможность во всех формах и сферах принудить социального субъекта к совершению единообразных моделей поведения. Таким образом, имеет смысл определять естественные нормы как меры в качестве онтологически аскриптивных феноменов, а их социальные референты – как онтологически дескриптивные явления.

Кроме того, признание Г. Хартом аскриптивной природы социальных норм может привести к возникновению множества многозначных логик, предполагающих не только значения понятий «истина» и «ложь»¹⁷⁶, а значит, к невозможности формирования единых оценок человеческих практик и согласования единых моделей поведения: «...ограничьте совокупность логических истин в любых терминах, и вы получите в этих терминах логику. Какие из этих истин отбираются в качестве аксиом и какие отбираются правила для порождения остальных логических истин из этих аксиом – безразлично»¹⁷⁷. Когерентная концепция истины и соответствующее ей понимание норм, которые реализуются в концепции Г. Харта, лишают фундаментальных нормативных оснований существование человека, а значит, не дают возможности в полной мере сформироваться социальной ткани, а отдельной персоне сформировать себя как ее члена.

Более того, трансляция знаний и, как следствие, социальных ожиданий детерминируется воспринимающей и объясняющей сторонами общественных практик, что само по себе требует наличия единых оснований нормативно значимого поведения¹⁷⁸. Использование логики Г. Харта лишает общественную

¹⁷⁶ Hacker P. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19. No. 77. P. 343–347.

¹⁷⁷ Куайн У. Философия логики / пер. с англ. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2008. С. 146.

¹⁷⁸ Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Питер Хакер об определении в юриспруденции // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Политология. Социология. 2017. №39. С. 238–247.

систему таких оснований, эволюционный же принцип развития социальных норм позволяет объяснить трансформацию нормативных систем.

Из изложенного следует, что нормативность в представленной концепции трактуется как выражение созидательной сущности человека, социальный регулятор, регламентирующий, однако, сущее, а не должное. Ценным представляется установленное преобразование природы норм от аскриптивности (через описание сущего) к дескриптивности (то есть нормы как описания должного), выражающее тенденцию развития общества. Можно полагать, что в рамках логики нормативистской концепции утверждается постепенный переход к минимизации количества норм, имеющих предписывающий характер. Утверждается безусловная необходимость определенного количества таковых, поскольку именно они определяют возможность существования общества как системы. Продолжение логики нормативистской концепции приводит нас к утверждению о постепенном переходе к минимальному количеству норм, имеющих аскриптивный характер и большому количеству норм, обладающих дескриптивной природой, что обусловлено, как нам представляется, динамикой исторических, культурных и иных условий бытия человека.

Подводя итоги, можно заключить, что под социальной нормативностью следует понимать способность человека к реализации собственной преобразующей природы через закрепление идеалов и ценностей, к которым стремятся субъекты общественных отношений. Нормы суть образцы, необходимые для оценки поведения людей, то есть выражение такой способности.

Существует два значения понятия «норма». Одно из них носит естественно-научный характер и состоит в том, что она есть средняя величина чего-либо, выражающая массовую совокупность случайных событий, явлений и т.д. Так понимаемая норма содержит знание о сущем, имеет экзогенный характер и представляет собой внешнюю, налагаемую извне, систему оценок, критериев поведения.

Другое значение понятия «норма» выражает общее правило, коему необходимо следовать во всех подобных случаях. Нормы суть суждения, несущие в себе знания о должном, требования, регулирующие и определяющие должное с точки зрения коллектива. Будучи эндогенным свойством человека, нормы содержат в себе утверждение образца желательного поведения в форме императивов различного уровня.

Норма, будучи социальным феноменом и выражением преобразующей и конструктивной сущности человека, есть средство формирования представления о социально и индивидуально допустимых, приемлемых и положительно оцениваемых моделях поведения человека в социальной действительности, а также их реализации в повседневной жизни в обществе. Она есть возможность снятия столкновения социальных ожиданий и индивидуальных устремлений и потенций путем конвенции по поводу единых стандартов поведения человека. Норма, таким образом, есть возможность достижения (конструирования) компромисса между коллективным и индивидуальным социальным субъектом, позволяющим обеим сторонам социального процесса реализовать свои требования и ресурсы.

С авторской точки зрения социальная нормативность может быть понята как минимальное условие бытия человека в обществе, поскольку определяет содержание социального начала в человеке. Последнее же может быть понято как свойство человеческой природы, задающее (конструирующее) самые общие принципы бытия человека как существа социального. Анализ натуралистической, социологической и нормативистской концепций нормы позволил вывести эволюционный принцип развития нормы, который состоит, как видится, в переходе социальных норм от аскриптивности (нормы как выражения сущего) к дескриптивности (нормы как выражения должного). Причинами такого перехода можно считать возрастающую независимость общества от природных факторов за счет развития технических средств. Происходит трансформация общества из его закрытого состояния, основанного на подчинении природе, в открытое, основанное на покорении природы.

Результатом такого перехода можно считать уменьшение объема аскриптивных и увеличение дескриптивных норм.

Выведенный эволюционный принцип предполагает невозможность полного исключения аскриптивных норм, поскольку для корректного существования общества необходимо минимальное количество обязывающих требований к поведению человека. Однако можно утверждать, что для современного общества характерна тенденция, результатом которой может стать такое положение дел в обществе, при котором социальная нормативность будет включать в себя минимально необходимые аскриптивные нормы, все остальное будет нормироваться дескриптивными принципами.

§ 3. Идентификация нормативности и нормативность идентификации личности¹⁷⁹

В традиционном понимании проблема персональной идентификации предполагает необходимость решения вопроса о совокупности свойств, присущих субъекту. Представители большинства концепций, по-разному трактующих процесс идентификации и ее результат – идентичность, утверждают необходимость признания за персоной набора свойств. Различие между концепциями заключается в трактовке количества индивидуально формируемых и количества социально приобретаемых свойств персоны, однако качественная характеристика самости человека остается неизменной – она представляет собой совокупность принадлежащих персоне свойств, с которыми становится возможным ее соотнести.

¹⁷⁹ В данном параграфе использованы материалы статьи: Ерохин, В.С. Идентификация нормативности в нарративном подходе: преимущества и недостатки / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 4. – С. 188–194.

С авторской точки зрения сущность персональной идентификации может быть проанализирована через призму нормативности бытия человека. Содержание проблемы заключается в том, что наличие у персоны свойств, позволяющих выявить ее самость, детерминруется требованиями, предъявляемыми к ней как к социальному субъекту. Такие требования выражаются в нормах, описывающих бытие персоны как отдельного субъекта, а также как элемента общества.

Представленная логика формируется в работах И.Д. Невважай, который трактует нормативность как атрибут человеческого бытия, имеющий эндогенное происхождение. Справедливая критика ученого направлена на множество концепций и подходов к происхождению и сущности нормы, представители которых предлагают инструментальное ее понимание (например, такой точки зрения придерживаются юристы).

В своем стремлении сформулировать общую концепцию норм ученый высказывает принципиальное положение о том, что «человек есть нормативное существо, которое отличается от всякого сущего тем, что создает, воспроизводит, изменяет и постоянно использует разнообразные правила и нормы»¹⁸⁰.

С одной стороны, выявленный принцип предполагает, что нормативность бытия человека как подчиненность нормам реализуется в его стремлении отождествить себя с определенными принципами и способами существования. Человек как субъект идентифицирует себя с определенной системой правил и способов существования, которые выражают его сущность и максимально полно отражают представления человека о его месте в мире. Так, Э. Фромм выделяет модусы бытия и обладания как основные модусы человеческого бытия, в каждом из которых реализуются определенные принципы и правила поведения, являющиеся системой норм человеческой жизни. Такие нормы принимаются конкретным человеком в качестве основных для него правил поведения и

¹⁸⁰ Невважай И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической теории права // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2017. №6 (335). С. 72.

принципов его жизни. Возникает система внутренних правил, норм, которые формируют бытие человека. На основании этих норм формируется совокупность свойств человека, определяющих принципы его социального существования.

С другой стороны, возникает вопрос о соотношении идентификации и нормативности в общественной оценке моделей поведения и образа жизни человека. Присвоение и использование личностью тех или иных свойств является приемлемым, если это удовлетворяет существующим социальным нормам. Процесс оценивания может пониматься как действие, с помощью которого осуществляется определение соответствия действий человека тем или иным нормам поведения¹⁸¹. Такое оценивание предполагает собой систему норм, являющуюся основанием для разграничения правильности или неправильности социальных моделей поведения человека в обществе. Это влечет за собой возможность принятия или непринятия обществом образа человека, принципов его жизни, моделей поведения, а также всего, что связано с уникальным миром конкретной персоны.

В результате происходит своего рода столкновение интересов, причиной которого можно считать столкновение ценностных ориентаций. Любая нормативная система связана с существующей системой ценностей¹⁸². Системы социальных норм предполагают столкновение социальных и персональных ценностных оснований. В нашем случае конфликтующие стороны стремятся достигнуть ценности правильности бытия человека как соответствия его существования тем или иным правилам, нормам. При этом такую ценность они трактуют по-разному. Одна сторона стремится соответствовать системе норм, позволяющей выразить собственную сущность в максимально комфортных для персоны формах и способах, другая же стремится сформировать в человеке типичного, стереотипного субъекта, поскольку именно он легче всего может быть подведен под существующую систему социальных норм.

¹⁸¹ Калинина Л.В. Формирование нравственных ценностных ориентаций младших школьников через нравственно-этическое оценивание // Сибирский педагогический журнал. 2014. №1. С. 61–64.

¹⁸² Тогузаева Е.Н. Нормы морали, права, религии как регуляторы поведения // Известия Саратовского университета. 2007. Новая серия. Т. 7. Серия: Экономика. Управление. Право. Вып. 2. С. 46.

Решением проблемы столкновения интересов может стать разграничение эндогенной и экзогенной нормативности. Под первой, с нашей точки зрения, необходимо понимать индивидуальное самоотождествление персоны с системой норм и, как следствие, – множеством свойств, принадлежащих ей. В данном случае речь идет о том, что человек выбирает, а порой создает для себя набор норм, которые удовлетворяют его как отдельного субъекта социальных отношений, и стремится отождествить себя с набором удовлетворяющего его социально приемлемого поведения.

Экзогенная нормативность, как представляется, может пониматься как совокупность норм, которыми персона может и должна пользоваться для реализации процесса социализации и инкультурации. Речь идет о подчиненности персоны совокупности норм, которые определяют ее социальное существование, а также модели ее пребывания в системе общественных отношений. Проще говоря, человек, не идентифицируя себя с некой системой внешних социальных норм, в то же время подчиняется требованиям этих норм, так как социум требует от индивида социально признанного поведения.

Источником таких норм становятся коллективные ожидания, требования общества к образцам поведения человека. В этом смысле социальная нормативность может быть понята как репрезентация установок и способов поведения в группе, которые оцениваются как допустимые и приемлемые¹⁸³. Изложенное позволяет заключить, что эндогенная нормативность может быть понята как выражение индивидуального, персонального существования, результата самостоятельного творчества личности, а экзогенная нормативность должна трактоваться как выражение подчиненности персонального существования внешним, социальным требованиям и ожиданиям, сфера критериев приемлемости общественного бытия человека.

В данном случае интересной представляется фундаментальная идея Л. Петражицкого, суть которой состоит в признании эмоций человека в качестве

¹⁸³ Чернов А.Ю. Психологическая структура групповых норм // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. №3 (29). С. 144.

источника происхождения правовых норм. Эмоции как побудительный элемент психики определяют совершение человеком тех или иных поступков, признаваемых в качестве приемлемых. Нормы права как результат переживаний носят императивно-атрибутивный характер. Как итог, человек, склонен проецировать как на себя, так и на внешних субъектов общественных отношений различные права и обязанности, которые основаны на собственных внутренних убеждениях.

Расширяя логику ученого, имеет смысл говорить о возможности признания самостоятельности возникновения эндогенных норм и их несводимости к экзогенному инварианту. Существенным для нас является положение Л. Петражицкого о первичности массового поведения, обычая в процессе формирования нормативного основания бытия субъекта и его идентичности перед распоряжением публичной власти¹⁸⁴. Персональные нормы взаимодействия агентов социальной интеракции становятся руководящим принципом продуцирования идентичности каждого отдельного субъекта взаимодействия. Представленная идея позволяет говорить о необходимости согласования ценности самореализации персоны, заложенной в эндогенной нормативности, и ценностей стабильности и безопасности как основания экзогенной нормативности.

Суть представленного решения состоит в том, что человек в процессе социализации приобретает набор норм и образцов социально приемлемого поведения, однако адаптирует его для выражения собственного внутреннего мира в форме самовыражения. По этой причине эндогенная нормативность может трактоваться через самовыражение человека, которое, как утверждают Е.А. Омельченко, Г.С. Чеснокова и Р.О. Агавелян, есть «стремление человека адекватно реализовать свой внутренний мир через совокупность внешних проявлений»¹⁸⁵. Так определяемое самовыражение может быть понято как

¹⁸⁴ Ушкарев О.А. Учение Л.И. Петражицкого о праве и его оценка в российской юридической науке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №5 (109). С. 330.

¹⁸⁵ Омельченко Е.А., Чеснокова Г.С., Агавелян Р.О. Самовыражение в системе ценностных ориентаций будущих педагогов дошкольного образования // Вестник Новосибирского государственного педагогического

внешнее выражение внутренних устремлений человека в форме совокупности социально приемлемых моделей поведения, с помощью которых человек считает возможным выразить основные принципы собственного персонального бытия в обществе. В рамках такого понимания самовыражения социальная норма может трактоваться как репрезентация членами группы установок или способов поведения группы. При этом нормы позволяют переживать членам группы чувство единения с группой, «чувства мы», одновременно сохраняя неповторимость своего бытия.

Стремление персоны реализовать свою сущность в совокупности норм требует выработки множества как аскриптивных, так и дескриптивных социальных норм, позволяющих персоне достигнуть полноценной самореализации в актуальных социальных условиях. Отметим, что обязывающие и описывающие нормы имеют различный функционал, дающий возможность как обществу, так и отдельной персоне достигнуть своих целей.

Можно утверждать, что аскриптивные нормы главной своей функцией имеют сохранение устоев общественного существования. Именно они выполняют роль сохранения принципов функционирования общества как системы, позволяя социальным группам и отдельным людям существовать в соответствии с принципами (обще-)человеческого существования. Дескриптивные нормы выполняют функцию описания возможных образцов поведения: «они являются репрезентациями реально принятых в группе установок и способов поведения независимо от того, одобряются они ей или нет»¹⁸⁶. Различие между двумя видами норм состоит в том, что одни социально ориентированы и выражают требования общества по сохранению социальности в человеке, другие же персонально ориентированы, т.е. выражают стремление каждой персоны самореализоваться в полной мере.

университета. 2018. Т. 8. №1. С. 8–9.

¹⁸⁶ Чернов А.Ю. Психологическая структура групповых норм // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. №3 (29). С. 144–145.

Логика ранее выведенного эволюционного принципа развития социальной нормативности предполагает изменение пропорции соотношения аскриптивных и дескриптивных норм в бытии человека. Это означает постепенное уменьшение количества предписывающих и увеличение описывающих норм, с которыми себя идентифицирует личность. В процессе самовыражения и, как следствие, формирования собственной идентичности персона стремится использовать те нормы, которые способствуют полноценному выражению ее мировоззрения, поэтому может исключать аскриптивные нормы из процесса собственного существования. В результате реализации эндогенной нормативности существенной становится возможность и способность персоны исключить все многообразие аскриптивных норм, применяя к формированию собственной самости исключительно дескриптивные нормы. Принципиально важной становится проблема отсутствия механизмов обязывания соблюдения персоной социально необходимых моделей поведения. В явной форме данное утверждение раскрывается в рамках нарративной концепции норм.

Центральным понятием данной концепции становится нарратив, с помощью которого философы-постмодернисты определяют процесс самоосуществления чего-либо в качестве повествования. Мир рассматривается как текст, а нарратив – как повествование этого текста¹⁸⁷. Нарратив самодостаточен и самоценен: рассказ ценен сам по себе, рассказывается ради самого рассказа. При этом речь не идет ни о поиске истины, ни о возможностях и, тем более, способах воздействия на действительность. По этой причине нарратив представляет собой результат символической деятельности, которая порой не имеет содержания и используется как символ ради символа. В конечном счете он понимается как рассказ ради рассказа, текст, позволяющий проинформировать человека о событии, произошедшем где-либо, и трактуется как описательный текст, который имеет сюжет.

¹⁸⁷ Можейко М.А. Нарратив // История философии: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов. Минск, 2002.

Будучи таковым, нарратив принципиально отличается от текста о фактах. Суть различия состоит в том, что описательный текст заключает в себе исключительно позицию рассказчика и ничего более, вторые же содержат в себе описание фактов, событий, которые были в действительности. Текст о фактах становится аскриптивным, поскольку принуждает к определенности познавательного процесса, и, как следствие, к предписательным нормам социального бытия человека. Текст описательный, или нарратив, содержит в себе дескриптивное содержание, поэтому автор такого текста не связан никакими требованиями универсального, в том числе и совместного бытия человека, что дает ему право формировать текст исключительно в соответствии со своими интересами.

Нарративы как описательные тексты обладают сюжетом и «несут в себе кладезь информации, ценной для социального исследователя, для которого в первую очередь важны не фактуальные данные о событиях, т.е. не то, что излагает автор, а то, как он осмысливает и преподносит информацию значимому другому – своему собеседнику»¹⁸⁸. В нарративах как описательных текстах принципиально важным становится мнение, а не факты. Таким образом, содержание понятия «нарратив» включает в себя скорее стремление к изучению методик изучения предмета автором, но никак не того, что именно изучается.

Сам предмет изучения оказывается своего рода фоном, не имеет содержательного значения, поскольку характеризует когнитивный и онтологический моменты нарратива, в котором принципиальным оказывается способ освещения фактов. Нарратив может быть понят как способ рефлексии над действительностью, совокупность методов ее трактовки. Он оказывается совершенно не связанным с фактическим положением дел, не содержит в себе описания реально существующих предметов, явлений или отношений. Нарратив представляет собой скорее способ субъективного описания того, что происходит, путь выражения субъективного мнения о происходящем. В нем

¹⁸⁸ Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. №4. С. 95.

познанию подвергаются контексты, условия, в которых существуют явления или отношения, но никак не они сами.

Нарратив, будучи интеллектуальным конструктом, имеет ряд внешних и внутренних признаков. Среди множества внешних признаков имеет смысл выделить способность описания изменений предмета повествования. Это предполагает соотношение сюжета, фабулы и нарратива как видов повествований. Под фабулой понимается повествование о совокупности событий, хронологически связанных между собой. Она позволяет описать множество предметов, объективно существующих в действительности, и поэтому дающих возможность нарративу возникнуть. Фабула есть, таким образом, онтологическая возможность нарратива.

Сюжет в свою очередь есть повествование о множестве событий, которые расположены так, как о них рассказано в повествовании, «в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них»¹⁸⁹. Сюжет дает возможность располагать события таким образом, который интересен рассказывающему. При этом рассказываемый порядок событий может не совпадать с реальным положением дел. Таким образом формируется сюжет рассказываемого текста, который представляет собой «способ развертывания фабулы, мотивированно выстроенная автором подача изображаемых событий в определенной последовательности. *Фабула* отражает хронологическую последовательность реальных событий, а сюжет является репрезентацией связи между событиями в рассказе»¹⁹⁰. В качестве внешних характеристик сюжет и фабула позволяют передать сообщения о фактах и описать их. При этом именно факты имеют принципиальное значение для анализа рассказа как повествования. В отличие от них нарратив предполагает динамическую характеристику повествования, поскольку требует трансформации всех структурных элементов повествования – как повествователя, так и описываемых событий, фактов.

¹⁸⁹ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект пресс, 1996. С. 180.

¹⁹⁰ Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. №4. С. 96.

К внутренним признакам нарратива можно отнести функционализм и нормативизм. Первый состоит в том, что любой элемент нарратива выполняет определенные функции внутри самого рассказа, зависящие от контекста и места элемента в структуре нарратива как рассказа. Функция выражает значимость элемента рассказа в ходе повествования¹⁹¹. Получается, что факты обыгрываются автором повествования так, как ему это необходимо, причем функционал каждого из фактов зависит от воли самого рассказчика.

Вторая характеристика – нормативизм – представляет собой совокупность правил, требований, предъявляемых к процессу повествования и передачи смысла и значения чего-либо. Из этого следует, что нарратив можно трактовать как «совокупность коммуникативных требований, определяющих правила и принципы организации повествовательного процесса»¹⁹². Это позволяет сформировать общие стандарты коммуникации, дающие основание для взаимодействия говорящего и слушающего. Нарратив может быть понят как посредник «между личностными и обобщенными канонами культуры, то есть являются одновременно моделями мира и моделями собственного «Я»¹⁹³.

Формирующийся нарративный подход становится одним из существенных и важных современных способов понимания персональной идентичности и идентификации. В рамках данного подхода устанавливается иной способ трактовки персональной самоидентичности. В традиционных подходах утверждается существование предзаданной или сформированной человеком сущности, самости, с которой он себя соотносит, а также определяется важность процесса реидентификации персоны. Под последней понимается процесс отождествления персоны в различные временные отрезки и решается вопрос о тождестве новых форм бытия персоны старым ее формам существования.

¹⁹¹ Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. №4 (16). С. 23–33.

¹⁹² Равочкин Н.Н., Нескрябина О.Ф., Мусат Р.П., Князев Н.А. Проблематика идей и политико-правовых институтов в освещении нарративного подхода // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 6А. С. 208.

¹⁹³ Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 38.

Представители нарративного подхода, как утверждает Д.Б. Волков, предлагают изменить путь поиска самоидентификации персоны и заменить реидентификацию на характеризацию¹⁹⁴. Суть данного процесса состоит в том, чтобы определить, какие свойства субъекта, персоны в один промежуток времени соответствуют свойствам субъекта в другой временной промежуток. С нашей точки зрения, различие в данных процессах можно характеризовать таким образом. Процесс реидентификации предполагает поиск устойчивых, неизменных свойств, которые персона ищет в самой себе, выражая тем самым внутренне принадлежащую совокупность самостийных признаков. Наличие этих свойств в форме множества социальных и индивидуальных признаков определяет содержание персональной идентичности человека, что дает ему определенную самостоятельность в процессе формирования себя и возможность быть независимым в вопросе выбора свойств, принадлежащих ему.

Характеризация, предложенная представителями нарративного подхода, может быть понята как процесс внешнего определения свойств любого социального субъекта, в том числе и персоны. Поскольку нарратив как понятие представляет собой в первую очередь повествование, значит, характеризация становится способом повествования о персоне как социальном субъекте.

Такое повествование дает возможность не затрагивать сущностные черты персоны, отличающие ее от иных персон. Это такое описание личности, в котором она способна выражать себя в нужной для нее форме повествования. Учитывая, что главное действующее лицо нарратива – это агент, т.е. повествователь, который раскрывает свой нарратив в соответствии с ценностями, желаниями и убеждениями¹⁹⁵, повествование не может быть объективным априори, оно становится крайне субъективированной формой самоидентификации персоны. Личность становится сконструированной

¹⁹⁴ Волков Д.Б. Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности // Философский журнал. 2018. Т.11, №3. С. 166–175.

¹⁹⁵ Волков Д.Б. Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности // Философский журнал. 2018. Т.11, №3. С. 167.

цепочкой событий, причем процесс конструирования зависит от воли повествователя.

Кроме того, именно конкретное лицо (Ким Аткинс использует термин *first-person*, который можно интерпретировать как личность, которая самостоятельно определяет содержание повествование о себе)¹⁹⁶ устанавливает принципы собственного существования. При этом поскольку любой нарратив обладает свойством нормативизма, можно утверждать, что персональная идентификация включает в себя исключительно дескриптивные социальные нормы. Стоит отметить, что проводимое Кимом Аткинсом терминологическое разделение на *first-person* и *second-person* позволяет отождествить первый используемый им термин с индивидуальной самоидентификацией личности и ее стремлением реализовать собственные интенции, в то время как второй термин может быть отождествлен с социальными требованиями и ожиданиями, которые предъявляются к каждому социальному субъекту¹⁹⁷. Дальнейшая логика исследователя показывает возможность связи термина *first-person* с дескриптивными нормами, а термина *second-person* с аскриптивной нормативностью. Иначе говоря, *first-person* дает возможность для нас выразить личностную идентичность как эндогенную, а *second-person* связывается с экзогенной ее формой.

Характерными свойствами нарративной персональной идентичности становятся:

- динамичность, гравитационность нарратива, т.е. формируется «точка притяжения» как точка зрения, определяющая форму, способ и процесс повествования о самости персоны. Само повествование представляет собой длительный процесс рассказывания. В результате поиск нормативных образцов, с которыми персона себя отождествляет, предполагает необходимость использования источника повествования, основывающего свой нарратив на

¹⁹⁶ Atkins K. Narrative identity, practical identity and ethical subjectivity // *Continental Philosophy Review*, 2004. No 37. P. 341–366.

¹⁹⁷ Atkins K. Narrative identity and moral identity: a practical perspective / by Kim Atkins. 2008. NY. 169 p.

персональных приоритетах, ценностях и формирующего идеальный для него нормативный образ;

- интеллигибельность нарратива, выраженная в хронологическом разумном распределении событий как содержательных элементов самости персоны;

- телеологическая направленность нарратива¹⁹⁸ как стремление персоны выявить долгосрочные цели и перспективы своего социального бытия. В зависимости от этого формируется повествовательный процесс как раскрытие содержания самости персоны;

- возможность изложения и его правдоподобность. В нарративном подходе к сущности персоны не идет речь об истинности знания о чем-либо, допускается многообразие мнений, которые подменяют собой истинное знание в традиционном его понимании.

Последнее свойство нарративности персональной идентификации лишает человека необходимости ориентироваться на принуждающие нормы общесоциального поведения¹⁹⁹, что дает широкий спектр возможности для его самореализации и многообразие способов изложения сведений о себе в социальной действительности. Таким образом, возникает возможность самопрезентации в любой форме с использованием практически любых информационных ресурсов.

Итак, личностная идентификация в рамках нарративного подхода понимается как ее персональное самоотождествление с системой дескриптивных норм, позволяющих выразить самость персоны в совокупности норм и свойств, максимально отвечающих интересам и интенциям персоны. Такая нормативность становится динамичной, интеллигибельной, персонально телеологичной и дающей возможность на множество возможных вариантов для реализации индивидуальной идентичности и идентификации.

¹⁹⁸ Гаспаров И.Г. Тождество личности и нарратив // Философский журнал. 2018. Т.11, №3. С. 180–183.

¹⁹⁹ Christman J. Narrative unity as a condition of personhood // *Metaphilosophy*. 2004. Vol 35. No 5. P. 695–713.

Преимуществом нарративного подхода к проблеме персональной идентификации становится возможность и способность личности выразить собственную сущность, самость в форме дескриптивных норм и соответствующим им моделям поведения. Максимальная самореализация своим результатом имеет высокую социальную эффективность деятельности персоны.

Предложенное представителями нарративного подхода объяснение формирования идентичности персоны предполагает невозможность определить, какое из повествований (какой нарратив) является достоверным, а какое – выдуманным, поскольку социальный уровень личности, закрепляемый аскриптивной нормативностью, элиминируется из системы регламентации персонального поведения. Крайне затруднительной становится демаркация между фикцией и реальностью²⁰⁰. Сущность симулякра, столько широко и ярко раскрытая Ж. Бодрийяром, выражает симулятивную природу аскриптивных норм в бытии человека. Это значит, что предписывающие нормы как бы существуют в самости персоны, однако их значение сведено к нулю. Персона внешне существует в общественной системе, но не подчиняется установленным общепринятым правилам совместного бытия.

В конечном счете это приводит к отсутствию взаимодействия между социальным и персональным (эндогенным и экзогенным) в личности, все возможные повествовательные действия по выражению самости персоны равнозначны социально неverifiedируемы, что не дает возможности определить конкретную систему жизненных координат человека, норм и правил его общественного существования. Это не позволяет определить положение персоны в обществе, что обладает разрушительным потенциалом как по отношению к социальной системе, так и по отношению к самому индивиду. Признание симулятивной природы общесоциальных норм и моделей поведения в результатах персональной идентификации приводит к разрушению

²⁰⁰ Левин С.М. Нарративный подход, фикция и реальность // Философский журнал. 2018. Т.11, №3. С. 184–187.

общественной структуры, что ставит под угрозу корректное совместное существование всего многообразия социальных субъектов.

Мы видим, что логика эволюционного принципа развития социальной нормативности допускает возможность элиминации и симуляции аскриптивных правил и норм персонального бытия, что приводит к невозможности достижения единства между персональной самоидентификацией, связанной с эндогенной нормативностью, и социальными ожиданиями, требованиями, содержащимися в экзогенной нормативности и предъявляемыми к персоне как социальному субъекту. Современным решением минимизации негативных последствий таких процессов может считаться так называемый неоинституционализм Р. Коуза, Д. Норта и некоторых других ученых.

Представители данного подхода исходят из того, что изменяющиеся социальные условия, которые выражаются в ускорении общественной жизни, использовании современных информационно-коммуникационных технологий предполагают возможность и в определенном смысле необходимость здоровой части прагматики в социальном бытии человека и личности. Так, в специальной литературе отмечается, что в ряде современных правовых концепций изучается тенденция изменения сущности права и его прагматики, формируется так называемая юриспруденция интересов. Отмечается, что с середины XIX в правоприменительная практика не успевает за регламентацией частноправовых отношений, что влечет за собой необходимость трансформации правовых институтов в форму юриспруденции интересов. Реализуемые изменения состоят в предоставлении дополнительных полномочий органам судебной власти, что позволяет разрешать возникающие конфликты интересов исходя не из чисто формальных требований юридических норм, а исходя из стремления судебных органов максимально удовлетворить интересы всех сторон конфликта.

Подобная практика применения правовых норм допускает необходимость сохранения таких традиционных ценностей, как справедливость, равенство и прочие, однако формы проявления становятся совершенно иными и порой

зависят от складывающейся ситуации²⁰¹. По этой причине функционал судебной системы, как показывают прикладные исследования, ориентирован скорее на достижение взаимовыгодного совместного существования множества социальных субъектов, нежели на достижение справедливого наказания для нарушителей правопорядка.

Логика представителей неоинституционализма дает нам основание иначе трактовать тенденцию развития соотношения нормативности и персональной идентификации, поскольку позволяет сделать утверждение о возможности переустройства нормативной системы общества и, как следствие – изменения соотношения экзогенной и эндогенной нормативности.

Достижение персональной идентичности через эндогенную нормативность личности может быть реализовано по аналогии с логикой юриспруденции интересов. В связи с фундаментальными общественными изменениями традиционные социальные институты и соответствующие им привычные социальные нормы оказываются неэффективными, поскольку в полной мере не выполняют в современном обществе роль регуляторов общественных отношений и не отвечают в полной мере интересам отдельной персоны. На этом основании экзогенная нормативность трансформируется и формируется гибкая система регламентации образцов поведения персоны. Это не означает полный отказ от устоявшихся принципов совместного человеческого бытия, однако утверждается использование иных, более современных форм и способов формирования и поддержания приемлемых образцов социального поведения.

Социальные институты, ориентированные на достижение общественного согласия между множеством субъектов общественного бытия, становятся гарантом достижения согласия интересов между обществом и персоной, между множеством персон как элементов социальной ткани. Сохраняются и поддерживаются принятые общезначимые ценности, однако они не мешают

²⁰¹ Котлова С.И. Юриспруденция интересов Р. Паунда // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2013. №4. С. 98–106.

достижению персональной самореализации в форме достижения личностной экзогенной нормативности и соответствующей ей идентичности. На таком основании становится возможным сохранение аскриптивных норм, определяющих возможность согласованности совместных общепринятых стандартов поведения. Социальные институты, которые гарантируют существование аскриптивных норм, становятся своего рода средством гармонизации сталкивающихся индивидуальных и социальных интересов.

Сохраняется минимальное количество аскриптивных норм (например, в юридической практике это может означать сохранение фундаментальных правовых ценностей), определяющих приоритеты развития и социального существования персоны, однако доминирующая система норм становится дескриптивной (реализуется в форме практики юриспруденции интересов). Такая система нормативности позволяет персоне быть, с одной стороны, укорененной в системе социальных отношений и без особых трудностей реализовывать себя в качестве полноценного и полноправного члена общества в форме социально приемлемых моделей поведения, а с другой – быть максимально гибким и обладать способностью адаптироваться в быстро меняющихся социальных условиях.

Теоретические основания трансформации норм как институтов мы можем усмотреть в неоинституционализме Д. Норта, в котором реализуется идея сохранения базовых ценностей общества. Такие ценности сохраняются в правовых, политических и иных институтах²⁰², поскольку последние соответствуют исторической ситуации, духу и требованиям времени. Практическое применение нормативности реализуется в юриспруденции интересов, в которой выражается идея о допустимости персональной самореализации в эффективных для нее формах.

Под институтами Д. Норт понимает «структурные формы человеческих взаимодействий, это сочетание правил, механизмов, обеспечивающих их

²⁰² Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. Экономика и бизнес. 2004. № 283. С. 123–128.

соблюдение, и норм поведения»²⁰³. Будучи рамками, с помощью которых становится возможным описать и регламентировать взаимодействия между людьми, институты как нормы подразделяются ученым на три большие группы:

- формальные ограничения, которые представляют собой предписания. В нашей логике они могут быть поняты как аскриптивные нормы;
- связанные с формальными ограничениями процедуры по пресечению отклоняющегося от принятого и допустимого социального поведения;
- неформальные правила поведения человека в обществе, которые ограничивают формальные требования, предъявляемые к его социальному бытию. В нашей логике такие институты трактуются как дескриптивные нормы. При этом такие неформальные правила могут, по мнению американского ученого, быть эффективным заменителем предписывающих норм.

В соответствии с представленной логикой можно сделать вывод, что, проходя в современном обществе процесс социализации как институционализации, персона приобретает нормативное измерение и усваивает экзогенную нормативность, которая, в свою очередь, позволяет личности сформировать собственную, персональную, эндогенную нормативность.

Итак, можно говорить о том, что проблема соотношения нормативности и персональной идентификации может быть решена через выделение экзогенной и эндогенной нормативности в социальном бытии и идентичности персоны. Эндогенная нормативность – это отождествление персоны с системой норм и набором свойств, формируемых на ее фундаменте. На основании реализации представленного процесса личность достигает полноценной самореализации. Экзогенная нормативность понимается как репрезентация установок и способов поведения в группе, которые оцениваются как допустимые и приемлемые. Первый термин позволяет выразить индивидуальное, персональное соотношение персональной идентичности и нормативности, в то время как

²⁰³ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. 1. 1993. Вып. 2. С. 79.

второй термин позволяет описать социальную их составляющую как сферу критериев приемлемости социального бытия человека.

Существенным представляется несводимость эндогенной нормативности к ее экзогенному инварианту, что дает основание говорить о ее самостоятельности. Как следствие, возникает необходимость коммуникационного взаимодействия между двумя видами нормативных оснований персональной идентичности.

Поскольку норма предполагает возможность достижения компромисса между индивидуальным и коллективным, два данных понятия позволяют указать возможность согласования персональных интересов и общественных требований в процессе формирования персональной идентичности человека.

Выявленные понятия предполагают наличие аскриптивных и дескриптивных норм в бытии персоны. Логика выведенного нами эволюционного принципа развития социальной нормативности предполагает изменение пропорции соотношения аскриптивных и дескриптивных норм в бытии человека, предполагающее постепенное уменьшение количества предписывающих и увеличение описывающих норм, с которыми себя идентифицирует личность. Эта закономерность позволяет в максимально полной мере отразить персональную способность человека к самоопределению, оставив основания для коллективного взаимодействия.

Отметим возможность наступления негативных последствий полного исключения аскриптивных норм из персонального бытия личности в обществе, что детерминируется отсутствием механизмов обязывания соблюдения персоной социально необходимых моделей поведения, что приводит к невозможности корректного совместного существования множества персон как социальных субъектов.

Одним из способов минимизации негативных обозначенных негативных последствий может стать использование практик согласования интересов. Социальные институты всех уровней и возможностей позволяют сформировать гибкую систему регламентации образцов поведения персоны, что дает возможность использовать иные, более современные формы и способы творения

и поддержания приемлемых образцов социального поведения, тем самым создав более эффективные принципы построения идентичности, основанной на эндогенной нормативности. Это может привести к достижению согласия интересов между обществом и персоной, между множеством персон как элементов социальной ткани, что в свою очередь дает весомое основание для достижения персональной самореализации в форме личностной эндогенной нормативности.

Глава 2. Нормативность личности и коммуникация

§1. Коммуникация и социальная нормативность: от понятия к практике²⁰⁴

Проблема соотношения персонального и социального бытия личности, трактуемого через призму социальной нормативности, предполагает важную проблему столкновения нормативных практик, а также возможности и способности передачи информации от одного социального субъекта к другому. Как итог, важной представляется проблема коммуникации как основания и возможности построения эффективной социальной интеракции. Особую актуальность представленная проблема имеет в современном мире, в котором, как мы показали в ходе предыдущего анализа, возникает возможность исключения из персонального бытия конкретного социального субъекта аскриптивных норм, что в конечном счете способно привести к нивелированию всех возможных социальных связей и отношений.

Кроме того, важным основанием для анализа сущности коммуникации является совокупность современных условий цифрового взаимодействия, требующее достижения кибербезопасности на персональном, государственном и международном уровнях. Так, в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» значителен, что проблемным представляется борьба с киберпреступностью, а также повышение эффективности многостороннего сотрудничества на международной арене с повышением возможности урегулирования конфликтов и обеспечения международной информационной безопасности²⁰⁵. Кроме того, проблемным оказывается возможность пересмотра базовых норм морали, а также различного рода манипулирование массовым сознанием, что приводит к возможности

²⁰⁴ В данном параграфе использованы материалы статей: Ерохин, В.С. Соотношение нормативности и коммуникации в бытии личности / В.С. Ерохин // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 5. – С. 18–24; Ерохин, В.С. Коммуникация как социальный феномен / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 500–504.

²⁰⁵ Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.04.2022)

поощрения деструктивного поведения и социально опасному разрыву отношений между людьми.

Справедливым представляется положение А.Ю. Антоновского, который, анализируя коммуникацию как эпистемологическую проблему, высказывает идею о высокой ценности введенной Аристотелем идеи коммуникативной природы человека (как «говорящего животного»), поскольку это существенно наполнило базовые категории философии (пространство, время, каузальность, субъект и объект социальной интеракции) важными содержательными характеристиками, а также сформировало требование проверять научные и философские построения на практике в виде опыта функционирования реального общества.

Кроме того, развитие информационных и социальных сетей, сферы IT и иных технических средств «сделало возможным появление "нетрадиционных" внечеловеческих, внесоциальных и даже внесмысловых типов трансляции коммуникации»²⁰⁶. Речь идет о расширительном значении данного феномена, что выражается во включении в него таких элементов, как символические аспекты животной коммуникации, трансляции данных между вычислительными машинами, различном познавательном статусе программ и алгоритмов, которые позволяют кодировать и декодировать осмысленные реакции на внешние раздражители (сигналы), но не «переживаются» машинами сознательно. Такое «общение» не предполагает необходимость различения известного и неизвестного, что в традиционном понимании является едва ли не важнейшим триггером для возникновения коммуникационного акта. Кроме того, ценным мыслится положение о возможной трансформации коммуникационного процесса, в котором обмен данными между машинами нивелирует принципиальную значимость закрытости чужого сознания как вызова коммуникационного акта.

²⁰⁶ Антоновский А.Ю. Коммуникация как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47, №1. С. 7–8.

Как итог, следует говорить о ряде аспектов человеческого познания, напрямую связанных с необходимостью экспликации сущности коммуникации:

- сознание Другого недоступно, что затрудняет воспроизведение, определение адекватности понимания высказывания Другого;

- достижение взаимного понимания и согласия как цель коммуникационного действия в определенной степени может противоречить информационному описанию предмета сообщения;

- необходимость практической реализации познавательного различия знание/незнание как основания коммуникационного процесса. Данное различие заключается в том, что одному из участников данного процесса известна информация, а другому нет, что провоцирует возможность ее трансляции и реализации процесса коммуницирования;

- разделение коммуникации на общение когнитивное и нормативное. Одно и то же сообщение может содержать в себе высказывание, нацеленное на поддержание сплоченности коллектива (сообщение об известном как одном из оснований солидарности) или на новое и неизвестное, а значит – потенциально опасное и рискованное.

Необходимо также говорить о том, что актуальность изучения коммуникации обусловлена сложным политическим, социальным, психологическим, этическим и даже личностным климатом, который формируется в современном обществе. Проблемным оказывается «иссыхание, отмирание "любых человеческих отношений"»²⁰⁷. Эпоха постмодерна практически исключает возможность человеческих межличностных отношений, формируя основания и порой требуя от человека роботизированных форм отношений и общения. В этом смысле существенным оказывается выделение двух уровней коммуникации: поверхностного, внешнего, массового, и глубинного как экзистенциального.

²⁰⁷ Дьякова Е. Сеть шарм-отелей «Конец света» // Новая газета. 2011. № 138. С. 22.

Первый, как показывает Н.С. Мудрагей, выражает общесоциальный принцип различного рода контактов социальных субъектов, основанных на формальных внешних принципах взаимодействия без возможности реализации контактов с людьми как личностями. Второй же уровень коммуникации связывается исследователем с личностным, экзистенциальным уровнем контактов участников социальной интеракции²⁰⁸. Именно в коммуникационном взаимодействии, в рамках такой логики, оказывается возможным проявление человечности как формы существования социального субъекта. Коммуникация становится одним из важнейших критериев человеческих принципов существования, а также способом и направлением поиска общих норм и принципов совместного существования персон.

Таким образом, значение коммуникации в современном обществе состоит в выявлении полноценного единого, общечеловеческого интерсубъективного основания взаимодействия между различными социальными субъектами и персонами, которые так или иначе сформировали собственную идентификацию нормативности. В этом отношении справедлива логика О.В. Костиной, согласно которой коммуникация представляет собой смыслообразующий фактор человеческого бытия, дающий возможность выявить и проявить самость персонального и коллективного бытия²⁰⁹. Исследователь критикует телефонно-телеграфную модель коммуникации Шеннона – Уивера и высказывает центральное положение об экзистенциальной природе данного феномена, дающей возможность выразить персональные интенции человека. При этом главным свойством коммуникации становится «прибыльность», нелинейность, многомерность, позволяющая выразить сложность современного порядка. В коммуникационном процессе оказывается возможным выявить общие аскриптивные нормы персонального существования и тем самым достигнуть

²⁰⁸ Мудрагей Н.С. Коммуникация как мера человечности // Философия науки и техники. 2012. Т. 17, №1. С. 143–155.

²⁰⁹ Костина О.В. Онтология коммуникации / О.В. Костина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 152 с.

консенсуса в вопросе об общепринятых принципах социального бытия множества личностей.

Вторым аспектом значимости коммуникации можно считать возможность сохранить диалогическую форму отношений между Я и Ты, Я и Другим как равноправных и равнозначных субъектов социальных отношений. При этом коммуникация как форма социального взаимодействия позволяет сохранить за каждым отдельным человеком как личностью ценность автономной индивидуальности и способность формировать самостоятельно собственные принципы самоформирования, творения собственного мира. Л.Е. Моторина²¹⁰ показывает, что по причине развития технических средств, а также формирования общества потребления человек теряет себя, превращаясь в Оно, и одновременно рассматривается другими членами социума в качестве такового. Отношение «Я – Оно», которое заменяет собой отношение «Я – Ты», предполагает соответствующие негативные способы общения и коммуникации с Другим как неравным и порой подчиненным мне. По этой причине в ряде современных концепций, к которым можно отнести диалоговую философскую систему, возникает осознание необходимости коммуникации как выражения человечности человека. Значимость коммуникации, таким образом, состоит в возможности и способности определить равенство социальных субъектов, видеть в человеке как социальном субъекте полноценную личность, а не часть серой массы.

Не менее важной коммуникация оказывается в процессе социализации человека. В коммуникационном процессе транслируется набор моделей поведения, действий, социальных и культурных кодов, которые позволяют приобщить субъекта к приемлемым образцам социального существования²¹¹. При этом коммуникация как процесс позволяет передавать устоявшиеся и актуальные социальные ценности, что делает возможным, с одной стороны,

²¹⁰ Моторина Л.Е. Феномен коммуникации в жизни современного человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. №3-1. С. 6–10.

²¹¹ Хабибуллина З.Н. Роль коммуникации в социализации личности // Бюллетень науки и практики 2018. Т. 4, №11. С. 537–541.

сохранение самоидентичности общественной системы, а с другой – ее изменчивости и приспособляемости к новым естественным и социальным, политическим и любым другим условиям. Более того, Г.Л. Тульчинский высказывает идею о том, что именно коммуникация представляет собой один из главных факторов становления человека как антропологической сущности²¹². В этом отношении принципиальным для нас является изучение коммуникационного процесса и его связь с экзогенной и эндогенной нормативностью и соответствующими формами идентичности: коммуникация позволяет полноценно реализовать процесс персональной и коллективной социализации, формируя тем самым индивидуальную и групповую структуру общества.

Отметим, что существует большое количество работ, посвященных проблеме сущности коммуникации как процесса, а также подходов к вопросу о содержании коммуникативного взаимодействия между субъектами коммуникации²¹³. Одним из наиболее важных можно считать подход, основанный на толковании происхождения самого термина «коммуникация». Этимологическое значение данного понятия может быть сведено к античному термину κοινωνία и его латинскому аналогу *communio*, которые «означали общение, совместную жизнь и, можно сказать, издревле выражали самую суть понятия общества»²¹⁴. Анализируя лингвистические истоки понятия «коммуникация», А.Ю. Антоновский высказывает положение о длительной истории его происхождения и таких существенных аспектах этимологии данного термина, как «делить друг с другом, делать общим» и «общность смысла слова или поведения». Кроме того, латинское значение термина «коммуникация» изначально не имело диалогического смысла, а выступало приемом обращения

²¹² Тульчинский, Г.Л. Субъектность как ответственное сознание самости: распределенная идентификация и прокреативность автопроекции // Человек как открытая целостность. Новосибирск, 2022. С. 63-75.

²¹³ См. напр.: Гапонова Н.А. Понятие коммуникации в философии // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2014. №3 (23). С. 12–16; Гаузер И.В. Коммуникация в рамках социологической и культурологической парадигм // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6, №1. С. 146–151.

²¹⁴ Назарчук А.В. Эволюция понятия коммуникация в социальной мысли XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия, 2012, №1. С. 48.

к гипотетическим соображениям оппонентов, которые фактически не присутствовали в пространстве трансляции информации.

В философский оборот понятие (но не термин) коммуникации было введено Платоном как обозначение искусства убеждения, свободное от предмета и сосредоточенное на самих рассуждениях. Ставится вопрос об эффективности техники рассуждений и необходимости борьбы с софизмами через скепсис и сомнение.

Современные смыслы понятия «коммуникация» возникают только в XIX в. В современный философский оборот данный термин был введен Л. Лёвенталем благодаря его различению «аутентичной» и «инструментальной» коммуникации, где первая представляет собой возможность образования единства внутреннего опыта. Такое понимание коммуникации содержит в себе возможность примирения Я и Другого, что резко контрастирует с коммуникативной теорией Шеннона-Уивера²¹⁵, в которой она представляет собой цепь деантропологизированных звеньев: источника информации, кодировщика и декодировщика сообщения, канала его трансляции, а также места назначения (приемника).

Содержательно близким данной идее является коммуникативный подход, в рамках которого производится изучение социальных феноменов в ракурсе коммуникационного процесса, направленного на интересующее перемещение знания из одного повседневного индивидуального мира в другой.

Частным случаем такого подхода следует считать коммуникативную теорию права, развиваемую Л.И. Петражицким²¹⁶, современными представителями Петербургской школы философии права (например, А.В. Поляковым²¹⁷), а также рядом других видных ученых, среди которых особое место занимает С.В. Тихонова²¹⁸. Данная концепция исходит из

²¹⁵ Shannon C.E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana: The University of Illinois Press, 1964.

²¹⁶ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1.

²¹⁷ Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис... д-ра. юрид. наук. – СПб., 2002. 94 с.

²¹⁸ Тихонова С.В. Идейные истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 2. С. 25–47; Её же. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху: дис.

аксиоматического принятия понятия правомочия и вывода из него с помощью понятия «коммуникация» категориального ряда классической российской теории государства и права при сохранении догмы права. Коммуникация в рамках данной концепции трактуется как основание для взаимного понимания субъектов правового процесса. В рамках коммуникативной теории права признается положение о необходимости добровольного возложения на себя обязанностей, сообщаемых правам этого Другого как ответа на ожидания по поводу собственных прав.

Второй, инструментальный, подход характеризовал исключительно техническую форму коммуникации, однако в дальнейшем был распространен на иные, в том числе intersubjective, человеческие формы трансляции информации. Это позволило в условиях современных технических решений перенести представленное понимание коммуникации к медиасреде. Впрочем, следует заметить, что два представленных понимания коммуникации (интеграционный и инструментальный) не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

В философском дискурсе представленные понимания коммуникации имеет смысл связать с концепциями Л. Витгенштейна и К.-О. Апеля. Для первого принципиальным оказывается понимание коммуникации с инструментальной точки зрения через утверждение идеи системы языковых игр и дефиниции как формальных структур организации трансляции информации о мире.

Под дефинициями понимается «правила перевода с одного языка на другой. Каждая корректная знаковая система должна быть переводима в любую другую в соответствии с этими правилами: и это и есть то, что все они имеют общим»²¹⁹. Адекватность понимания смысла связывается со схожестью (тождественностью) между сообщаемым и получаемым. Знаковые системы, выраженные в языковой среде, позволяют это реализовать. На этом основании Л.

... д-ра. юрид. наук. Саратов., 2024. 433 с.

²¹⁹ Витгенштейн Л. *Tractatus logico-philosophicus* // Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. С. 82.

Витгенштейн вводит понятие языковых игр, которые трактует как «полные системы человеческого общения»²²⁰, имеющие определенные правила и технические способы реализации. Исполнение правил становится основанием для адекватности трансляции информации и возможности ее понимания. Проблема понимания в коммуникативном действии сводится мыслителем к пониманию языковой среды, а значит – возможности использования правил технической трансляции информации.

Л. Витгенштейн признает подобие правил языковых игр и указывает на возможность аналогового переноса одних в другие. Кроме того, мыслителем признается наличие правил как регуляторов, которые определяют функционирование языковых систем и связь каждой из них с реальностью, что делает потенциальный перевод высказывания из одного языка на другой более менее референтным. Тем не менее проблемными представляются расхождения в сущности правил в различных языковых системах, что при определенных условиях не позволяет достигать полноценной трансляции информации и ее понимания реципиентом.

Кроме того, Л. Витгенштейн сводит понимание коммуникации к принципам логического эмпиризма, это позволяет нам говорить о том, что представленная трактовка суть выражение описания сущего, а не должного. Инструментальное понимание коммуникации может быть понято как основанное на экзогенной нормативности по признаку отражения внешних свойств субъектов, вступающих в различные ее формы.

Интеграционное понимание коммуникации реализуется в идеях К.-О. Апеля, для которого она имеет интерсубъективную природу, выраженную в первоначальном контексте, в котором язык выполняет функцию исходной реальности человеческого бытия, не редуцируется к нему, однако представляет собой «понимание смысла слов и бытийного смысла вещей, опосредованных

²²⁰ Витгенштейн Л. Коричневая книга // Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. С. 235.

словесными значениями»²²¹. Сознание отдельного коммуниканта трактуется ученым как опосредованное языком понимание реального в качестве чего-то, в то время как сам язык выполняет функцию герменевтического синтеза предикатов мыслимых предметов²²².

Наличие заранее заданного объема признаков позволяет мыслителю полагать возможность наличия основания для взаимопонимания субъектов коммуникации, а также признать ее ключевую роль в системе коммуникационного действия, что выражается в необходимости понятийно-оформленного языка как того, что «позволяет осмысленно рассчитывать на удовлетворение требования достижения intersубъективно значимых "сущностей" определений... со стороны понятийно-языкового взаимопонимания безграничного коммуникативного сообщества»²²³. Таким образом, становится очевидным признание мыслителем общего, единого основания для взаимопонимания, а также для взаимной критики, дающей возможность достигнуть единого смысла. Последний трактуется ученым как контекстуальная сущностная определенность, которая проявляет себя в коммуникации. Речь же выступает средством, регулятором трансляции единого смысла²²⁴.

Исходя из смыслового значения греческого и латинского терминов, коммуникация понимается как процесс и трактуется достаточно узко, в качестве человеческого и социального феномена. Тому есть два основания:

- во-первых, только люди оказываются способными к тому, чтобы вступать и участвовать в коммуникативном взаимодействии. Таким образом, коммуникация как процесс принимает исключительно антропологический смысл и значение. Передача информации и любые иные формы взаимодействия среди всех остальных живых существ, кроме человека, а также в неживой

²²¹ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. С. 242.

²²² Мовсесян А.Г. Понятие идеального коммуникативного сообщества в трансцендентально-герменевтической философии К.-О. Апеля // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2007. №1. С. 65.

²²³ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. С. 258.

²²⁴ Иванова О.Э. Коммуникация как условие понимания смысла (в языковых играх Л. Витгенштейна и К.-О. Апеля) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 87 – 91.

природе, не может быть определена в качестве коммуникации и категоризируется исключительно как трансляция информации различного рода, но никак не коммуникация. Последняя толкуется исключительно как проявление человеческой природы, в ходе которой происходит обмен информацией, опытом, результатами деятельности человека. Анализ концепций О. Витгенштейна и К.-О. Апеля об «аутентичном» (интеграционном, содержательном) и техническом понимании коммуникации, а также идей А.Ю. Антоновского²²⁵ о сущности научной коммуникации позволяет сделать вывод, что ее результатом оказывается взаимопонимание субъектов коммуникативного действия;

- во-вторых, коммуникация как процесс означает возможность и необходимость совместного действия. Общая направленность данного положения заключается в признании общесоциального взаимодействия, однако в некоторых конкретных концепциях и толкованиях коммуникации она сводится преимущественно и в большей степени к политическому действию.

Коммуникация как процесс реализуется в социально-политическом взаимодействии лишь на том основании, что государство, по меткому замечанию Аристотеля, является «продуктом естественного развития и одновременно высшей формой общения»²²⁶. Естественность развития определяется принципиальными свойствами, присущими конкретному виду живых существ. Высшая степень, присущая коммуникации как форме общения, предполагает превосходную степень взаимодействия между ее участниками. Основанием для такого типа взаимодействия можно считать разумность как свойство именно человеческой природы. Именно это и позволяет утверждать, что политическое взаимодействие представляет собой высшую форму общения.

Более того, отношение «господство – подчинение»²²⁷ в политическом взаимодействии оказывается необходимым для жизнедеятельности

²²⁵ Антоновский А.Ю. Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации // Вопросы философии. 2015. №2. С. 45–57.

²²⁶ Беляева О.М. Полития как наилучшая форма правления, по Аристотелю // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1(19). С. 16.

²²⁷ Васильева А.С. Понятие власти в философии Аристотеля // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. №3. С. 123–125.

человеческого сообщества, поскольку властвующее существо (человек или социальная группа) «благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее»²²⁸. Подчиненное же существо оказывается способным только к физическим действиям и исполнению поручений. Таким образом, коммуникация трактуется как способ трансляции информации в социально и политически приемлемой форме, основанием которой является разумность коммуницирующих субъектов. Ее эффективность определяется способностью социального субъекта к разумному, обоснованному и, тем самым, полезному способу трансляции информации, а также социально значимому способу бытия коммуницирующих субъектов. Именно по этой причине возникает возможность целеполагания и основанной на ней эффективности коммуникативной интеракции.

Человек же в такой логике оказывается существом политическим на том основании, что государство как высшая форма общения имеет естественное, натуралистическое происхождение, своего рода форма практической реализации разумности как природного, сущностного свойства человека. Таким образом, для Аристотеля политическое общение в форме взаимодействия людей в государстве, основанного на разуме, трактовалось в качестве одного из видов естественного общения, что давало человеку в полной мере реализовать свою разумную сущность.

В рамках понимания коммуникационного процесса как политического взаимодействия выражается принцип способности коммуницирующих субъектов к совместному действию на основании разумной предрасположенности к такому типу взаимодействия. С нашей точки зрения, необходимо сохранить более широкое понимание коммуникационного взаимодействия и не сводить его исключительно к политической сфере бытия человека. Натуралистическая и соответствующие ей договорная и

²²⁸ Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебелева. М., 1983. Т. 4. С. 377.

нормативистские концепции норм и идентичности личности, описанные нами ранее, позволяют трактовать сущность коммуникации как социального феномена, выражающего рациональные принципы построения идентичности каждой отдельной личности, а также сформировать рациональные принципы коммуникации как системы взаимодействия между ними.

Развитие представленной логики привело к формированию в новоевропейской социально-политической мысли идеи коммуны, с помощью которой «формулировалось представление о модели разумной экономической и культурной практики общежития... В XIX в. это обобщение идеально моделируемого общественного устройства ассоциировалось с понятием коммунизма, означая тип универсального общественного устройства, опирающегося на равенство и справедливость»²²⁹. Развитие понимания сущности понятия «коммуникация» приводит к явному определению ее социальной природы.

С нашей точки зрения, следует отличать коммуникацию как социальный феномен от сигнальных способов связи между животными. Так, В.В. Иваницкий трактует понятие «коммуникация» в расширительном значении, определяя ее как все возможные формы взаимодействия между субъектами как особями. Автор выделяется три уровня коммуникации, наиболее важный из которых – сигнальный, под которым понимается «совокупность сигналов, обладающих высокой ситуационной специфичностью и сформировавшиеся в процессе эволюции именно как специализированное средство передачи информации»²³⁰. Так понимаемая сигнальная система тесно связана с ритуалом, под которым исследователем мыслится «стереотипная последовательность действий, включающая звуки, движения и объекты внешней среды, предназначенные для воздействия на других членов сообщества в интересах исполнителя ритуала или

²²⁹ Назарчук А.В. Эволюция понятия «коммуникация» в социальной мысли XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. №1. С. 48–49.

²³⁰ Иваницкий В.В. Коммуникация у животных: теория и факты // Русский орнитологический журнал 2009, Т. 18, Экспресс-выпуск 470. С. 409.

всей социальной группы»²³¹. В данном случае понятие «социальная группа» понимается в максимально широком значении как совокупность живых существ данного вида, но никак не специфически человеческое образование.

Ритуальные действия В.В. Иваницким тесно связываются с символическими формами выражения значения, которые в классической этологии обладают функцией мобилизации передачи, трансляции специфического значения. Основная задача ритуалов состоит в снятии нервной напряженности участников взаимодействия. Такая задача реализуется благодаря эффективному обмену информацией о намерениях участников взаимодействия, выраженной в символической форме. При этом В.В. Иваницким показывается, что в классической этологии принимается в качестве базового утверждение о биологической, инстинктивной предопределенности (дискретные внутренние побуждения типа страха, сексуальности и так далее) такого типа взаимодействия. Таким образом, можно сказать, что в естественной природе речь скорее может идти о взаимодействии, призванном передать информацию, но никак не о коммуникации в полном смысле этого слова. Сигнальные формы трансляции информации следует понимать в качестве основания организации естественного функционирования организма, согласования работоспособности отдельных его частей, но не как коммуникационного процесса.

Близким по содержанию следует считать биосемиотический подход к коммуникации. В рамках этого подхода постулируется необходимость добавления взгляда «в процессе моделирования биологических систем и тем самым создать основу для исследования эволюции познания и коммуникации во всех живых системах, выходящих за рамки механической молекулярной биологии»²³². Предполагается выход за пределы чистых моделей обработки информации, а также герменевтических аспектов трансляции информации ниже уровня человеческого языка. Внимание концентрируется на двух аспектах –

²³¹ Там же.

²³² Адильбаев Т.Ш. Биосемиотика как наука: коды, знаки, логические конфликты и порождение смысла (сводный реферат) // Метод. 2017. №7. С. 190–203.

экзосемиотике, отражающей внешнюю коммуникацию между организмами, и эндосемиотике, предметом изучения которой оказывается внутренняя связь между органами и клетками одного организма. При этом коммуникативный процесс в обоих случаях понимается исключительно как сигнальная форма передачи информации, благодаря которой становится возможным согласование элементов биологической системы (отдельного организма, популяции, биогеоценоза).

Понимание коммуникативного процесса как способности живого организма к сигнальным способам связи и трансляции информации позволило чилийским биологам Матуране и Вареле сформировать концепцию аутопоэзиса, в рамках которой живые системы трактуются как способные к самовоспроизводству. Раскрывая данное утверждение, мыслители высказывают принципиальную мысль о том, что аутопоэтичными живые системы являются потому, что представляют собой «сети процессов производства, трансформации и разрушения своих собственных компонентов с заданной топологией таких сетей»²³³. Представленный концепт, будучи естественно-научным объяснением возможности трансляции информации в живой среде, может быть перенесен в систему социальных связей и отношений.

Так, Н. Луман в стремлении интегрировать представленный концепт в социальные науки предложил триадическую концепцию аутопоэзиса для биологических, психологических и социологических аспектов реальности. Исследователи коммуникативной теории Н. Лумана высказывают положение о том, что «воплощенные телесные психологические системы нуждаются в структурном соединении с системой коммуникации для функционирования в социуме»²³⁴. Психические системы не общаются между собой напрямую, а только через доступные каналы связи. При этом информация не является объективной, ее получение всегда связано с необходимостью интерпретации.

²³³ Адильбаев Т.Ш. Биосемиотика как наука: коды, знаки, логические конфликты и порождение смысла (сводный реферат) // Метод. 2017. №7. С. 191.

²³⁴ Там же. С. 191.

Коммуникационный процесс в рамках идей Н. Лумана трактуется по аналогии с трансляцией информации в естественной природе. Ученый принципиально разделяет коммуникацию и действия, полагая, что «обычно они используются для воспроизводства субъекта. Они предполагают автора, обозначаемого как индивид или как субъект, которому могут быть приписаны коммуникация или действие. При этом понятия «индивид» или «субъект» используются только как пустая формула для одного, самого по себе высококомплексного факта, который выпадает из компетенции психологии и уже не интересует социологов»²³⁵. Коммуникация как процесс представляет собой феномен, позволяющий провести дифференциацию системы с миром и поддерживать ее.

По справедливому замечанию С.В. Тихоновой²³⁶, эффективность коммуникации состоит в ее избыточности, дающей возможность возникнуть памяти, а также транслировать смыслы внутри системы. При этом каждый из наблюдателей вынужден создавать собственные объяснительные конструкции, внешние по отношению к наблюдаемой системе. Таким образом, коммуникативный процесс представляет собой перманентный процесс самоорганизации системы, которая перманентно переопределяет свои элементы, таким образом, что они, реагируя на сигналы друг друга, сохраняют свою самостоятельность.

Одновременно с этим сигнальные способы связи между животными сводятся некоторыми учеными к так называемой кодовой двойственности как средства объяснения, как организмы содержат в своих генах оцифрованную версию самих себя. Передача такой информации позволяет ряду ученых (например, Дж. Шерману²³⁷) высказать предположение о способности к интерпретации получаемой информации как важнейшем критерии различения

²³⁵ Луман Н. Что такое коммуникация // Социологический журнал. 1995. №3. С. 114.

²³⁶ Тихонова С.В. Концептуальные основания западной коммуникативной теории права: Николас Луман // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 1. С. 60–64.

²³⁷ Шерман Дж. Величайший потенциальный вклад биосемиотики в биологию // МЕТОД: московский ежеквартальник трудов из общественных дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина; ИНИОН РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. М., 2022. Вып. 12. Т. 2. №4. С. 123–152.

живого и неживого (в частности – жизни и химии). В рамках эволюционного процесса, естественного отбора и иных интерактивных процессов реализуется трансляция индивидуальных историй отдельной особи, причем каждая последующая история всегда немного отличается от каждой предыдущей и выражает субъективные способы существования особи. В результате смешения генетического материала происходит смешение информации и, одновременно, историй отдельных особей.

На уровне отдельного организма аутопоэтический смысл сигнальных способов связи между структурными элементами особи (частями тела) проявляется в организации функционирования организма на основании семиотических связей между нервной, гормональной и иммунной системами. Как итог, интеллект представляет собой результат самоорганизации организма как системы и его функционал – согласовывать сигнальные способы связи между элементами организма для эффективного самовоспроизводства живого существа.

Сигнальные способы связи между животными реализуются в схеме «сигналы – ритуалы – символы», выражающей в себе биологически предопределенные принципы взаимодействия между особями как своего вида, так и межвидовые схемы передачи информации различной природы. Как следствие, сигнальные способы связи между животными невозможно определить как коммуникацию в полном смысле этого слова, поскольку они основаны на биологически предопределенных, инстинктивных моделях взаимодействия, в то время как коммуникация имеет социальную природу, выраженную в способности субъектов коммуникации рационально ставить перед собой цели взаимодействия и следовать им. Именно рациональность отличает коммуникативное действие от сигнальных способов передачи информации: если животные используют известные инстинктивно детерминированные способы трансляции информации, то человек волен рационально выбирать методы и форму передачи данных.

Справедлива идея Ю. Хабермаса, который, трактуя коммуникацию как социальный феномен, утверждает, что «понятие *коммуникативного* действия относится к взаимодействию как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а следовательно, и своих действий. Центральное понятие *интерпретации* связано в первую очередь с выработкой способных привести к согласию определений ситуации. В данной модели действия язык получает, как мы увидим, определяющее значение»²³⁸. Так понимаемая коммуникация становится основанием для социального взаимодействия. Возможность взаимного разумного понимания, заложенная в коммуникационное действие, представляет собой критерий отличия коммуникации и сигнальных способов связи между животными. Кроме того, отличительной чертой коммуникации становится возможность согласованного, скоординированного на рациональных основаниях действия.

Коммуникативный разум, по мнению Ю. Хабермаса, формируется в ходе социального дискурса, приходящего на смену индивидуальному разуму. Весьма интересным образом немецкий мыслитель определяет сущность самой коммуникации. Она есть единственная среда, в которой возможно то, что заслуживает имени рациональность²³⁹. Мыслитель предлагает диалогичный, или, иначе говоря – интерсубъектный поиск истины в процессе социальной коммуникации, направленной на консенсус. Последний становится основанием для возможности формирования коммуникационного процесса, поскольку при достижении согласия формируются общие основания для взаимодействия социальных субъектов.

²³⁸ Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / пер. с нем. Т. Тягуновой // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, №1. С. 11.

²³⁹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. 380 с.

В данном случае выделяется важное отличие коммуникации как социального действия: если животные действуют исходя из естественной необходимости, которая может в определенных ситуациях противоречить согласованности действий множества особей ради необходимости совершения действий отдельной особью, то человеческое сообщество коммуницирует на основании согласованности совместных действий. Такое согласование, с нашей точки зрения, становится возможным благодаря выработке общих нормативных оснований совместного бытия множества персон как социальных субъектов. Природные основания intersubъективного взаимодействия, хоть и имеют значение, тем не менее принципиальным оказывается множество социальных оснований коммуникативного взаимодействия.

В рамках представленного понимания коммуникация как социальный феномен категоризируется через акт общения, который реализуется в процессе взаимодействия между несколькими социальными акторами – субъектами процесса передачи и получения информации²⁴⁰. Под понятием «общение» можно понимать процесс взаимосвязи и взаимодействия социальных субъектов, в котором происходит обмен деятельностью, информацией, опытом, а также всем многообразием результатов деятельности человека как социального существа. Из этого следует, что «общение выступает *атрибутивной* стороной деятельности и общественных отношений»²⁴¹. Общение как форма социальной деятельности становится своего рода основанием для коммуникативной деятельности, поэтому можно смело утверждать, что «коммуникация, в которую вступают социальные субъекты, представляет собой результат общения как атрибута социальной деятельности»²⁴². На этом основании можно говорить о том, что общение и коммуникация представляют собой близкие по значению, однако различные процессы.

²⁴⁰ Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 649.

²⁴¹ Агальцев А.М. Общение и коммуникация // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 6. Вып. 4. С. 319.

²⁴² Ерохина Н.В. Я и Другой: общение, коммуникация, понимание // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (20 мая 2018 г., г. Оренбург):. В 3 ч. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. Ч. 3. С. 77.

Содержательное различие между ними состоит в том, что общение тяготеет к сфере личностного, экзистенциального бытия личности, в то время как коммуникация ориентирована на сферу социального, технического и орудийного бытия персоны²⁴³. Общение как процесс личностного взаимодействия ориентирован на внутреннее выражение каждого из участников взаимодействия, она имеет эндогенную природу, связана с эндогенной нормативностью. Коммуникативный процесс включает в себя применение внешних, экзогенных, выраженных в социально приемлемых формах способов взаимодействия между ними. Коммуникация суть информационно-инструментальное взаимодействие между субъектами коллективной интеракции. Общение становится формой субъект-субъектного взаимодействия, незаменимым социо-культурным фактором гуманизации как очеловечивания предметов деятельности социальной интеракции²⁴⁴. Коммуникация в таком ракурсе трактуется в качестве внешнего выражения такого взаимодействия, позволяющего передавать человеческую сущность в социально и технически приемлемых формах. Она может мыслиться как информационно-инструментальное обслуживание повседневной жизни, средством функционирования общества и персоны в нем.

Логическим следствием такого разделения становится тот факт, что человек, вступая в коммуникацию, делает это частично, фрагментарно: мы отделяем информацию, которую хотим передать другому, от той, что остается сокрытой. Процесс общения предполагает полноценное вступление в контакт с другим субъектом взаимодействия, трансляцию целостной информации о своей сущности. На основании общения возникает возможность intersubjectивного взаимодействия между персонами, коммуникация же может быть понята как деятельность социальных субъектов, базирующаяся на рациональных основаниях совместного существования и представляющая собой результат общения как деятельности по трансляции различного рода информации.

²⁴³ Мирошников Ю.И. Аксиологическая структура социокультурной коммуникации / РФО, Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар. образования при УрГУ им. А.М. Горького. Екатеринбург, 1998. Вып. 6. С. 107.

²⁴⁴ Агальцев А.М. Общение и коммуникация // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 6. Вып. 4. С. 319–325.

Коммуникация трактуется как внешняя, выраженная в социально приемлемых формах и способах, совокупность методов и средств передачи информации между социальными субъектами, имеющих рациональное основание, поскольку для общественного взаимодействия требуется совокупность эффективных приемов достижения коммуникативных действий.

Представленное понимание коммуникации выражает сам факт взаимодействия между людьми как субъектами коммуникации, отражая как его возможность, так и актуальный процесс взаимодействия, выраженный в социально приемлемых, принятых формах общения. В таком значении коммуникация трактуется как специфически человеческая форма взаимодействия, выражающаяся в различных формах общественных интеракций. Данное понимание коммуникации позволяет выразить возможность формирования общесоциальных принципов и норм совместного человеческого существования. С нашей точки зрения, имеет смысл говорить о совокупности норм социального (экзогенного) бытия человека, имеющих коммуникационную природу. В таком понимании именно коммуникация оказывается одним из важнейших оснований формирования социальной ткани.

В процессе коммуникации как социального феномена происходит обмен информацией и ее смыслом между различными персонами как социальными субъектами²⁴⁵. При этом как передаваемая информация, так и способы ее трансляции могут быть рационализированы для повышения скорости, точности и эффективности ее передачи и получения субъектами коммуникации.

Понимание коммуникации как социального феномена означает, что структурным элементом, входящим в состав коммуникационного процесса, является человек, причем как активный член общества. Он вступает в социальную интеракцию, которая культурно, исторически и иными способами детерминирована. Так понятая коммуникация позволяет, как показывает Е.С. Борцева, воздействовать на общество и его структурные элементы: «под

²⁴⁵ Тульчинский, Г.Л. Роль и значение осмысленной коммуникации // Инженеры смыслов: от концепта к профессионализации. Коллективная монография. СПб., 2024. С. 59-91.

коммуникацией подразумевают передачу и массовый обмен информацией с целью воздействия на общество и его составные компоненты»²⁴⁶. Можно утверждать, что коммуникация как социальный феномен представляет собой основание для трансформации общественной системы.

Коммуникационный процесс предполагает участие множества социальных субъектов – участников процесса, чье взаимодействие позволяет совместным образом творить как общественную ткань, так и его самого. А.В. Назарчук по этому поводу отмечает, что «коммуникация – это социальный процесс сотворения, сохранения-поддержания и преобразования социальных реальностей. В самом фундаментальном смысле коммуникация есть состояние человеческого бытия, способ человеческого существования, основополагающий социальный процесс, в котором люди воспроизводят и преобразуют социальные миры»²⁴⁷. Формы и способы реализации коммуникативного процесса становятся эффективным механизмом формирования общества.

При этом крайне важно понимать, что субъекты коммуникации выступают отправителями и получателями сообщения не последовательно, а одновременно и что любой коммуникативный процесс включает в себя, помимо настоящего, непременно и прошлое, а также проецируется в будущее. Процесс общения представляется континуальным и бесконечным, и границы «коммуницирования» не всегда можно четко определить. Это отсылает нас к области постоянства коммуникационного процесса, формируя необходимость постоянного участия в нем социальных субъектов. Значимым становится тезис о том, что сущность самих акторов, участвующих в коммуникации, в значительной степени формируется в ходе соответствующего взаимодействия и в определенной степени зависит от него.

Изучаемое понятие приобретает достаточно широкое содержание и понимается как процесс передачи информации, связанный с источником этой

²⁴⁶ Борцова Е.С. История понятия «коммуникация» в науке, философии, методологии и социальном управлении // Вестник московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 2015. №2. С. 449.

²⁴⁷ Там же.

информации и ее приемником. Существенной стороной коммуникационного процесса выступает ее социальность. Это значит, что данный процесс является общественным феноменом или, говоря более точно – социальным процессом, в который вступает множество субъектов – членов общества.

Существует формальная структура коммуникативного процесса. Процесс передачи и хранения передаваемой информации предполагает наличие трех существенных компонентов данного процесса: оратора, речи и аудитории. Такая идея была заложена в трудах Аристотеля, который утверждал, что «речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)»²⁴⁸.

Будучи социальным явлением, процесс коммуникации включает в себя и другие структурные элементы, влияющие на процесс передачи информации. Так, Р. Якобсон полагает, что принципиальным оказывается код как структурный элемент коммуникации: с его помощью реализуется передача информации от адресанта к адресату. Важной представляется необходимость учета контекста коммуникационного действия по передаче информации. Кроме того, значимым оказывается регулирование коммуникации, поскольку с его помощью регламентируется поведение каждого из участников данного процесса²⁴⁹. Ценность такой модели заключается в том, что она предполагает возможность учитывать не только язык и двух включенных в коммуникационный процесс субъектов коммуникации, но также и контекст, в котором протекает данный процесс.

В качестве структурных элементов коммуникационного процесса можно вслед за К. Шенноном выделять источник информации, кодирующее устройство, само сообщение, канал, по которому движется сообщение, декодирующее устройство, а также приемник. Коммуникация как процесс передачи

²⁴⁸ Аристотель. Риторика. М., 2000. С. 14.

²⁴⁹ Гладкова З.В. Дифференциация концептуальных интерпретаций понятия «коммуникация» в современной философии // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. №166. С. 71.

информации непосредственно связана с внешними факторами, которые искажают сообщение, нарушают его целостность и возможность восприятия приемником. Для исследователя проблемным полем стал так называемый предел избыточности, то есть повторения элементов сообщения для предотвращения коммуникативной неудачи.

Предполагается, что языки примерно наполовину избыточны, как показывают исследователи, можно уничтожить половину слов текста или стереть половину слов в радиовыступлении, при этом все же сохранится возможность понять содержание сообщения в целом. Из этого следует, что в процессе передачи информации необходимо бороться с шумом с помощью избыточности языка. Это необходимо для правильной и точной передачи смысла сообщения адресантом, а также точного его понимания адресатом.

Можно говорить о существовании множества коммуникационных барьеров - препятствий на пути достижения полноценного взаимопонимания коммуницирующих субъектов – личностей. К ним можно отнести семантические, синтаксические, стилистические, межъязыковые и ряд других барьеров. Как справедливо показывает Н.В. Ерохина, от части из них можно полностью или частично избавиться²⁵⁰, однако некоторые остаются непреодолимыми, поэтому в ряде случаев приходится мириться с деформациями в процессе передачи информации.

Иным оказывается понимание коммуникации с технической точки зрения, в соответствии с которой данный процесс представляет собой путь сообщения от источника информации к адресату, форма связи, выраженная в технических или иных средствах²⁵¹. Такая трактовка данного понятия содержит в себе функциональный и содержательный аспекты²⁵². Под первым понимается способ взаимосвязи множества субъектов коммуникации, которые вступают в процесс

²⁵⁰ Ерохина Н.В. Коммуникационные барьеры и пути их преодоления // Информационное обеспечение научно-технического прогресса: анализ проблем и поиск решений: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2020. С. 166–169.

²⁵¹ Морозова О.Н., Базылева О.А. Определение понятия коммуникации в современной лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета. 2011. Том 7. №1. С. 204–211.

²⁵² Моторина Л.Е. Феномен коммуникации в жизни современного человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. №3-1. С. 6–10.

передачи информации. В данном случае не имеет принципиального значения, кто мыслится как участник коммуникативного действия, это может быть человек как экзистенциальный или социальный субъект, социальная группа, любое живое существо или даже техническое устройство, позволяющее передать на расстоянии необходимую информацию. Важным оказывается лишь процесс трансляции информации, производимый с помощью технических средств. Содержательный аспект коммуникации предполагает наличие передаваемой информации, которая и становится предметом, реализующим коммуникационный процесс.

Представленное понимание коммуникации как процесса выражает необходимость применения технических средств передачи информации, позволяющих осуществить любую форму интеракции между акторами коммуникационного взаимодействия. Такая передача информации может быть осуществлена численно большим, рассредоточенным аудиториям²⁵³. Технические гаджеты трактуются как важнейшие средства коммуникации. При этом несущественно, кто именно вступает в процесс передачи, обмена, распределения и потребления информации, главным остается техническая и технологическая возможность такого взаимодействия.

Технические средства коммуникации могут быть поняты в качестве основания формирования культуры. Так, в некоторых концепциях, среди которых можно выделить теорию коммуникации Х.А. Инниса, выделяется два вида средств массовой коммуникации временной и пространственной, которые определяют два вида обществ закрытые и открытые. Ученый полагает существование связи между временными (устными) средствами коммуникации и закрытым обществом, а также пространственными (визуальные и печатные) средствами коммуникации и открытым обществом²⁵⁴.

²⁵³ Третьякович Е.В. К вопросу о понятии и функциях коммуникации в современной лингвистике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №4-2. С. 118–121.

²⁵⁴ Архангельская И.Б. Теория коммуникации в трудах Х.-А. Инниса и Г.-М. Маклюэна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. №3 (8). С. 148–152.

Имеются и иные трактовки коммуникации как совокупности технических средств, среди которых наиболее известной оказывается концепция М. Маклюэна²⁵⁵, понимающего данный феномен в расширительном смысле: не только как совокупность технических средств, но также и культурные, социальные формы освоения мира (электричество, дороги, транспортные средства, одежду и прочее). Все представленные элементы понимались как технические средства трансляции информации, с помощью которых последняя передается в различных формах принимающей стороне.

В.А. Родина²⁵⁶ в процессе анализа концепции медиа канадского мыслителя указывает, что технические средства коммуникации трактовались им как продолжение человеческой сущности, отдельных элементов его телесности. Например, одежда и жилище понимались канадским ученым как продолжение кожи, транспорт – продолжение ног и т.д. Одежда, изначально выполняющая функцию защиты от переохлаждения, мыслителем понимается как социальный индикатор, показатель состоятельности человека. Помимо выполнения заложенной в ней прямой функции, она позволяет описать и в социально приемлемых формах передать информацию о ее хозяине другим социальным субъектам. Таким образом, можно говорить, что коммуникация как совокупность технических средств становится внешним выражением сущности как отдельной персоны, так и целых социальных групп. Закодированное в технической форме сообщение передается от источника к реципиенту, который декодирует его и потребляет как готовую информацию.

В целом можно утверждать, что в рамках представленной логики изменение сущности коммуникации как совокупности технических средств приводит к трансформациям принципов социальной организации и оснований социального бытия человека. Возникновение новых технических принципов построения коммуникации, как справедливо показывает М. Маклюэн, создает

²⁵⁵ Маклюэн Г.М. Понимание медиа. Внешнее расширение человека. М., 2007. 464 с.

²⁵⁶ Родина В.А. Концепция коммуникаций Г.М. Маклюэна и современность // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №1 (39). С. 83–86.

совершенно новый тип социальных связей. Например, роль электричества, как утверждает канадский ученый, состоит в ускорении коммуникативных контактов между людьми, стирании границы между днем и ночью, а также формировании «глобальной деревни» – принципиально новом этапе развития общественного бытия.

Коммуникация как совокупность технических средств определяет принципы общественного бытия отдельных субъектов, ее изменение приводит к появлению новых каналов связи между коммуницирующими субъектами, давая возможность привнесения новых форм социальных интеракций. Динамика коммуникации как совокупности технических средств становится вектором развития всей социальной системы.

В результате можно сказать, что под коммуникацией понимается внешняя, выраженная в социально приемлемых формах, приемах и способах совокупность методов и средств передачи информации между социальными субъектами. Она имеет рациональное основание, позволяющее повысить скорость, точность и эффективность ее передачи и получения субъектами коммуникации. Ее эффективность как социального процесса зависит от способности социального субъекта к разумному, обоснованному и, тем самым, полезному способу трансляции информации, социальному взаимодействию, а также социально значимому способу бытия коммуницирующих субъектов. Рациональность коммуникации позволяет отделить ее от сигнальных способов связи между животными и выразить способность субъектов коммуникации к совместному согласованному действию, основанному на выработке общих нормативных оснований совместного бытия множества персон как социальных субъектов. Изменение коммуникации как технических средств передачи информации в определенном смысле влияет на социальные преобразования и формирование принципиально новых форм общественного устройства.

Основанием коммуникации как социального процесса является общение – процесс взаимоотношения социальных субъектов, в котором они обмениваются опытом (знанием, навыком). Ее технические средства представляются внешними

способами передачи информации, в том числе о сущности персоны. Различие между общением и коммуникацией состоит в том, что под первым понятием выражается совокупность эндогенных форм взаимодействия участников социальной интеракции, а под вторым – информационно-инструментальное взаимодействие, отражающее экзогенные формы такой интеракции.

Исходя из представленного понимания сущности коммуникации как социального процесса, можно говорить о двух взаимодополняющих моментах соотношения нормативности и коммуникации: это нормативность коммуникации и коммуникация нормативности. Под первым понятием можно понимать совокупность норм, которые определяют возможность коммуникации как вида социального взаимодействия. Такие нормы определяют принципы и способы взаимодействия между субъектами коммуникации и позволяют выработать общие основания для самой возможности коммуникативного действия.

Нормативность коммуникации, с авторской точки зрения, включает в себя аскриптивные и дескриптивные нормы. Аскриптивные нормы выражают условия возможности коммуникативной деятельности как формы социального взаимодействия, дескриптивные же нормы трактуются нами как результат социального соглашения, целью своей имеющего достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами, а также взаимного понимания между ними.

В некоторых научных разработках высказывается положение, согласно которому существуют биологические основы коммуникации. Утверждается, что в современной науке формируется биологический или, говоря шире, естественно-научный поворот в исследовании природы языка и коммуникации, что выражается:

- в формировании концепций, содержащих в себе идеи и представления о генетических, физиологических и когнитивных основаниях языка и

коммуникации, появлении таких наук, как нейролингвистика и когнитивная лингвистика²⁵⁷;

- в изучении различных биологических, когнитивных и соответствующих им социокультурных систем, которые определяют функционирование языка и иных средств коммуникации²⁵⁸;

- в изучении биологических (генетических и негенетических) оснований эволюции языка и связанной с ней коммуникации²⁵⁹.

В рамках представленной логики утверждается, что существуют генетические, физиологические и когнитивные основания, которые позволяют человеку реализовать самую заложенную в его естественную биологическую природу способность к языковой и коммуникативной деятельности. Утверждается, что языковая действительность есть *«естественная и универсальная познавательная способность, компетенция (competence, internal-language, I-language), которая может реализовываться посредством разных форм и средств коммуникации в разных социокультурных традициях»*²⁶⁰. В рамках представленной логики язык сводится к определенным биологическим основаниям, определяющим способность человека к воспроизводству коммуникативной формы взаимодействия с другими людьми. Это значит, что в человеческой природе существуют биологические нормы, которые частично детерминируют возможности коммуникативного взаимодействия.

Более того, в некоторых фундаментальных исследованиях и трудах лингвистов, начиная с XIX века, утверждается естественнонаучное понимание языка как основания коммуникативной деятельности. Язык трактуется рядом ученых, среди которых А. Шлейхер, М. Мюллер, Э. Ренан, О.Ж. Шаве и некоторых других, в качестве результата развития человеческого организма, поскольку он возник вместе с появлением человеческого вида и развивается в

²⁵⁷ Fitch W.T., Huber L., Bugnyar T. Social cognition and the evolution of language: constructing cognitive phylogenies // *Neuron*. 2010. Vol. 65. P. 795–814.

²⁵⁸ Maran T., Kull K. Ecossemiotics: main principles and current developments // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2014. Vol. 96 (1). P. 41–50.

²⁵⁹ Данилова М.И., Суховерхов А.В. Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии // *Вопросы философии*. 2015. № 12. С. 77–87.

²⁶⁰ Там же. С. 80.

процессе трансформации социальной группы²⁶¹. Он представляет собой результат эволюции человека как вида живых существ и трансформируется исключительно в соответствии с развитием человеческого рода в зависимости от внешних условий²⁶².

Отчасти представленные положения подтверждаются результатами научных достижений ряда ученых, которые изучали внутривидовую коммуникацию как в природе, так и между человеком и обезьяной. Такие исследования показали, что у шимпанзе при определенном обучении формируется небольшой «словарный запас» и сравнительно короткие синтаксические предложения²⁶³. Мы видим, что в рамках естественных наук утверждается существование биологических условий языковой и коммуникативной деятельности. Такие естественные причины могут быть поняты в качестве природных условий формирования коммуникации как социального взаимодействия.

Более того, в ряде других концепций формируется гипотеза о существовании так называемого «критического» или «сенситивного периода», в рамках которого происходит усвоение языка. При этом утверждается, что если такое обучение не происходит в раннем детстве, то человеком усваиваются лишь некоторые аспекты языковой реальности, полноценное обучение языку оказывается невозможным²⁶⁴. Нормы естественного существования человека как биологического и социального существа определяют саму возможность коммуникации как социального процесса. Такие нормы позволяют реализовать заложенную в человеке возможность к коммуникативной деятельности.

В рамках воспроизведенной логики разумным было бы говорить о том, что в рамках коммуникативных практик, имеющих экзогенную природу, и общения, имеющего, с авторской точки зрения, эндогенную природу, формируется

²⁶¹ Стреколыщикова И.В. Вопрос о сущности языка в трудах лингвистов натуралистического направления // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №20 (375). Филология. Искусствоведение. Вып. 97. С. 110–116.

²⁶² Hovelaeque A. La linguistique. Paris: C. Reiwald, Librairie d'editeur, 1881. 436 p.

²⁶³ Pinker S., Bloom P. Natural language and natural selection // Behavioral and Brain Sciences. 1990. Vol. 13. P. 707–784.

²⁶⁴ Hurford J.R. The evolution of critical period for language acquisition // Cognition. 1991. Vol. 40. P. 159–201.

двуединый процесс, связанный с реализацией нормогенеза, с одной стороны, и обменом, передачей и усвоением существующих норм – с другой. Первый связан с процессом происхождения и формирования нормы как должного, регулятора общественных отношений, а также способов бытия, действия отдельных субъектов – участников социального процесса. Анализ процесса нормогенеза позволяет, как нам представляется, транслировать социально значимые свойства отдельным личностям как участникам социальной интеракции.

Сущность нормогенеза И.Д. Невважай²⁶⁵ предлагает проанализировать через анализ идеи равенства как отношения взаимной заменимости объектов. Центральным является положение о первичности установления равенства перед выделением одинаковых свойств предметов и проведением формально-логической операции абстрагирования (то есть формирования понятия). Для нас представленный принцип означает первичность нормативного основания перед совокупностью свойств личности. Нормативное измерение первично перед сравнимыми индивидами и их свойствами. На примере анализа правовых норм справедливой представляется идея о том, что субъекты правоотношений не являются равными по своим свойствам, однако становятся равными как субъекты, подчиненные единым нормам. При этом для И.Д. Невважай принципиальным выступает положение о том, что правовое равенство конституируется реальной практикой коммуникации социальных субъектов, оно есть результат коммуникации между свободными индивидами.

Можно утверждать, что описываемые биологические основания языковой и коммуникативной деятельности представляют собой нормы аскриптивные, поскольку обязывают определенным образом использовать ресурсы человеческого тела для языкового и коммуникационного взаимодействия. Более того, такие нормы представляют собой заложенные в природе человека условия возможности коммуникативной деятельности. Реализация таких норм становится возможной исключительно при определенной форме воздействия на

²⁶⁵ Невважай И.Д. Нормогенез в процессе коммуникации // Проблемы методологии и философии права. Самара, 2015. С. 39.

человека, социализации его биологических способностей, которая приводит к тому, что человек использует свою телесность в социально приемлемых рамках. Мы видим, что коммуникация как социальная деятельность имеет вполне очевидные биологические основания и отчасти может быть сведена к ним.

В качестве наиболее яркого примера такой биологической детерминированности коммуникации как социальной деятельности можно считать известный феномен так называемых феральных людей. Сам термин предложил Карл Линней «для обозначения немых существ, выросших в изоляции от людей и воспитанных животными. Сегодня феральные люди или ферусы (от лат. *feralis* – мертвый, погребенный) – это люди нецивилизованные и социально потерянные для общества»²⁶⁶. При этом в некоторых медицинских и социальных изданиях утверждается, что не существует на сегодняшний день никаких подтверждений того, что феральные люди после возвращения в общество успешно социализируются. Это для нас означает, что биологические свойства человека, а также биологически обусловленные нормы человеческой коммуникации в процессе изоляции от общественной системы не были реализованы в биологически определенный и необходимый момент, что сделало невозможным дальнейшую социализацию биологического существа человека, а также делает невозможным последующее общественное существование феральных людей в качестве социально коммуницирующих субъектов. Невозможной оказывается коммуникация с другими участниками социальной и коммуникативной интеракции.

В итоге мы видим, что одним из оснований коммуникации как социального феномена становится совокупность биологических норм, которые в определенной степени определяют саму возможность реализации способности человека к коммуникативной деятельности и интеракции. Отсутствие или неполноценная реализация таких норм делает (практически) невозможной коммуникативную деятельность как социального феномена.

²⁶⁶ Шелудько А.Н., Жданова Ю.К., Павлова Л.А. Феральные люди // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. №5. С. 591.

Другим основанием коммуникативной деятельности становится совокупность дескриптивных норм, которые представляют собой множество правил и техник коммуникативного взаимодействия. Описательный характер таких норм коммуникации состоит в том, что они представляют собой результат социального соглашения, целью своей имеющего достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами – участниками коммуникации, а также взаимного понимания между ними.

В этом отношении справедлива логика И.Д. Невважай о коммуникативной природе нормативности. Мыслитель пишет: «Вся социальная жизнь пропитана сетью эквивалентных обменов. И эквивалентность есть условие стабильности социальных связей»²⁶⁷. Идея равенства, выраженная в принципе нормы как единого принципа организации системы, подчиняющего себе отдельные ее элементы, определяет стабильность системы.

Понимание нормогенеза традиционно связывается с тремя этапами его становления: формирования социального заказа, связанного с интересами и потребностями человека, создания условий для его практического выполнения, а также отбора и интеграции новаций, в результате чего возникают нормы. Природа так понимаемого процесса нормогенеза связывается объективным (стихийным) и субъективным (основанным на авторитетных и властных инстанциях) процессе формирования норм²⁶⁸. В рамках предлагаемой нами логики размышлений следует говорить о том, что наличие аскриптивных и описательных норм складывается на основании консенсуса по организации социального процесса.

Так, Ю. Хабермас в своей концепции коммуникативного действия использует термин «консенсус». Под ним, как показывает Ю.Н. Давыдов, немецкий философ понимает аутентичное взаимопонимание, «которое характеризует "естественное" речевое общение людей в жизненном мире, не

²⁶⁷ Невважай И.Д. Нормогенез в процессе коммуникации // Проблемы методологии и философии права. Самара, 2015. С. 46.

²⁶⁸ Доржиев Ж.Б. О нормогенезе и социальных нормах в монгольском обществе XII–XIII вв. // Известия Байкальского государственного университета. 2004. №4. С. 71–74.

искаженном вторжением антагонистических, основанных на насилии общественных систем»²⁶⁹. Понятие «консенсус», таким образом, выражает стремление социальных субъектов, для нас – личностей, к достижению общих принципов построения коммуникации и способности множества субъектов коммуникации передавать, получать и обрабатывать информацию таким образом, чтобы появился общий уровень значений, характерный для субъектов, вступающих в коммуникацию. На основании такого множества единых для субъектов значений появляется возможность взаимного понимания и, как следствие, – коммуникации. Естественность речевого общения в данном случае означает, что оно характерно человеческой природе и в качестве своего основания предполагает использование изначально данных принципов взаимодействия между участниками коммуникативного взаимодействия.

Представленное понимание единства значений реализуется в понятии «дискурс», вокруг содержания которого в философии ведется множество споров. Существует два наиболее общих подхода к пониманию понятия «дискурс». Один из них выражает в себе деятельную, процессуальную природу и связывает его с реальным речевоспроизводством, созданием речевого произведения различного уровня²⁷⁰, будь то отдельное предложение или целый текст. Дискурс трактуется как механизм создания любого текста, который мы производим и с помощью которого передаем значение и смысл. Как следствие, дискурс понимается как множество текстов, которые представляют собой результат речевой деятельности. Такой результат связан семантическими отношениями, а также объединен коммуникативными, функциональными и целевыми отношениями.

Вместе с тем, дискурс трактуется как «последовательность (особым образом организованных) высказываний, восприятие которых может воздействовать на образцы индивидуального опыта человека, его представление

²⁶⁹ Давыдов Ю.Н. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия: От М. Вебера к Ю. Хабермасу. М., 1994. С. 357.

²⁷⁰ Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

о мире, его взгляды и поступки»²⁷¹. В данном понимании дискурса мы видим множество норм, правил, в соответствии с которыми появляется возможность реализовывать коммуникацию как деятельность по передаче, получению и пониманию смыслов и значений передаваемой информации. Такие нормы подчиняют себе модели и способы коммуникации и тем самым формируют социально и коммуникативно эффективные принципы взаимодействия между социальными субъектами коммуникации.

Исходя из представленной логики, мы можем согласиться с Т.П. Поповой, для которой дискурс представляет единство двух начал: он есть деятельность, но никак не ее результат, а также дискурс представляет собой совокупность правил, инструкцию к построению структуры высказывания. Дискурс как совокупность норм и принципов передачи информации в социальной среде определяет возможность коммуникации как социального феномена. Таким образом, мы видим, что коммуникация как социальный феномен основана на дискурсивных практиках и предполагает совокупность норм, определяющих различные формы взаимодействия между социальными субъектами - участниками социальной интеракции.

Из этого следует, что консенсус представляет собой основание для достижения взаимного понимания множества социальных акторов, которые вступают в коммуникативную интеракцию. При этом суть консенсуса состоит в том, что множеством социальных субъектов признается совокупность высших ценностей и высших принципов целеполагания, которые позволяют найти и/или сформировать общее основание как для коммуникации, так и адаптировать последнюю в соответствии с изменяющимися требованиями времени, в котором они живут²⁷².

Высказанное положение позволяет говорить о том, что нормы имеют коммуникационную природу, которая, как справедливо полагает И.Д. Невважай,

²⁷¹ Попова Т.П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6, ч. 2. С. 296.

²⁷² Белоусова В.М. Дискурсивное толкование понятия «консенсус» в политико-правовом учении Ю. Хабермаса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 91–96.

выражается в идее равенства (эквиваленции) обмена услуг между социальными субъектами в процессе возникновения норм. Принципиальной оказывается идея первичности отношения равенства перед соизмеримостью свойств сравниваемых объектов. На основании анализа правовых норм ученый высказывает данное положение, апеллируя к необходимости возмещения ущерба и закрепления выведенного принципа во всем многообразии правовых норм²⁷³. Нормогенез связан, таким образом, с развитием отношения равенства, поскольку признается принципиальная возможность наличия всеобщего эквивалента общественных отношений в целом и отношения обмена – в частности.

Полезной можно считать идею ученого, согласно которой система общественных отношений пронизана множеством эквивалентных обменов, что становится условием стабильности социальных связей. Нормы в целом и правовые нормы в частности позволяют уравновесить ущерб, понесенный каждым из субъектов общественных отношений, за счет получаемых взамен благ. Как итог, в норме реализуется ее коммуникационная природа, позволяющая участникам социальной интеракции передать свои притязания и признать аналогичные действия со стороны других субъектов – участников взаимодействия.

Консенсус, включающий в себя множество норм коммуникации как социального взаимодействия, предполагает практическую реализацию нормативного коммуникативного взаимодействия, под которым понимается «поведение, принятое в данной лингвокультурной общности и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью языкового коллектива»²⁷⁴. К описываемым коммуникативным нормам А.А. Муханалиева относит общекультурные (характерны для всего сообщества и отражают общие правила этикета), групповые (закреплены в профессиональных, возрастных или

²⁷³ Невважай И.Д. Коммуникативный право́генез // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. №4 (123). С. 216–223.

²⁷⁴ Муханалиева А.А. Нормативное коммуникативное поведение // *Lingua mobilis*. 2012. №4 (37). С. 68.

социальных группах), ситуативные (определяются конкретной языковой ситуацией) и индивидуальные (отражают персональную культуру и коммуникативный уровень персоны) нормы.

Заметим, что все представленные группы норм коммуникации имеют описательную природу, поскольку показывают принципы и механизмы, применение которых позволяет участникам коммуникации достигать взаимного понимания. При этом неисполнение представленных норм оставляет возможность каждой из сторон коммуникационного процесса высказаться, но не приводит к полноценному взаимопониманию. Неисполнение дескриптивных норм данного вида интеракции оставляет в человеке или социальной группе возможность быть социальным субъектом.

Достижение консенсуса предполагает возможность выражения эндогенных свойств и интенций персоны, что способствует реализации нормогенеза, выражающегося в формировании нормативных оснований коммуникативных форм интеракции. Одновременно с этим процесс общения и коммуникации, выраженный в процессе достижения консенсуса, позволяет сообщить каждому отдельному индивиду необходимость обладания социально значимыми свойствами. Это становится возможным благодаря обмену, передаче и усвоению уже существующих нормативных оснований коллективного бытия.

Любое лицо в концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса, как показывает исследователь творчества немецкого философа Е.Н. Чекушкина, способно выдвигать такие претензии, как то, что его высказывание истинно или правильно, то есть легитимно в аспекте определенного нормативного контекста или правдоподобно, что означает, что намерение говорящего адекватно выражено в высказывании. При этом данные претензии на значимость выдвигаются и реализуются самим лицом в процессе дискурса. Под понятием «дискурс» понимается совокупность слов и выражений, составляющая общий фон речи как таковой со множеством смыслов и значений, которые возникают в нем. При этом, как показывает сам немецкий мыслитель, дискурс необходим для того, чтобы вернуть человеческой, разговорной коммуникации разумный,

осознанный характер, избавив человека от пагубного влияния искаженной передачи информации.

Из этого следует, что понятие дискурса Хабермаса теснейшим образом связано с коммуникативным действием, которое «относится в конечном счете к интеракции как минимум двух способных к речи и действию субъектов, которые – вербальными либо экстравербальными средствами – вступают в интерсубъективное отношение»²⁷⁵. Следует отметить, что для Хабермаса принципиальным моментом оказывается межличностное отношение, в которое вступают способные к общению и действию субъекты.

Как итог, можно говорить о том, что нормативность коммуникации следует связывать с процессами нормогенеза как формированием системы норм на основании достигнутого консенсуса, а также обменом, передачей и усвоением уже существующих норм. Так понимаемый двуединый процесс создания нормативности коммуникации может считаться основанием для согласования интересов индивидов по формированию и экстраполяции вовне эндогенной нормативности и основанной на ней персональной идентичности с экзогенной нормативностью и основанной на ней системе требований к социальным формам бытия персоны.

Коммуникация нормативности, с авторской точки зрения, представляет собой возможность обмена информацией между личностями как субъектами, имеющими эндогенную нормативность, а также их способность применять для обмена информацией нормативные основания собственного существования. При этом совокупность аскриптивных норм дает возможность сформировать общие основания коммуникативной деятельности. Она представляет собой способ формирования общих принципов коммуникации как социального феномена, что дает направление для взаимного понимания социальных субъектов. Множество дескриптивных норм позволяет на основании общих принципов общения и коммуникации в максимальной форме проявить и в явной форме показать

²⁷⁵ Цит. по: Чекушкина Е.Н. Коммуникативная теория Ю. Хабермаса и культура информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2014. №1. С. 26.

другим участникам взаимодействия собственный мир, себя как участника взаимодействия. В рамках коммуникации нормативности в полной мере реализуется обмен, передача и усвоение уже существующих норм.

Представленная логика реализуется в популярном в XXI в. направлении философской, этической и социальной мысли – концепции коммунитаризма. В качестве причин ее популярности оказывается либертарианство, философская и социально-политическая традиция, заложенная в теории общественного договора, которая содержала в себе идею индивидуализма, примата прав и свобод отдельной личности, верховенства права и формальных норм²⁷⁶. Все это приводило к пониманию ограниченности функционала политических и всех прочих институтов, что способствовало поиску компромиссов в общественно-политических отношениях, формированию системы сдержек и противовесов, которые предполагали ограничение требований со стороны всех общественных субъектов и возможность взаимного контроля за действиями государственных политических структур со стороны всего общества.

Одновременно либертарианство предполагало наличие примата дескриптивных норм, которые позволяли отдельным личностям полноценно выразить себя в социальной форме. Проблемным в данном случае оказывается формирование общих оснований взаимодействий между субъектами общественных отношений, что приводит в конечном счете к разрыву социальной ткани, как это показывается в нарративистской концепции норм. Такой разрыв выражается в невозможности использования общих нормативных оснований человеческого существования, что делает коммуникацию нормативности крайне затруднительной и порой практически невозможной. Персоны, имеющие эндогенную нормативность, не стремятся найти общие принципы и нормы совместного существования, аскриптивная нормативность со временем может быть исключена из общих принципов организации, основными принципами существования личности оказываются дескриптивные нормы.

²⁷⁶ Павкин Л.М. Либертарианство: принципы, теория, оценка // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. №1. С. 27–33.

Главная идея коммунитаризма состоит в необходимости заботы о сообществе наравне со свободой и равенством²⁷⁷. Общество трактуется как совокупность общих социальных практик, культурных традиций, принципов и способов общественного взаимопонимания. Коммунитаристы признают существование совокупности общепринятых норм, свойственных для участников социальной интеракции. Такое признание оставляет возможность неинституционализированности общественно значимых норм: социальные, политические, экономические и прочие институты могут не существовать, однако общественные способы коммуникации все же будут реализовываться. Общие нормы коммуникативной деятельности в форме аскриптивных норм существуют не в институциональной, а в индивидуализированной форме в каждом отдельном человеке.

Логика коммунитаристского подхода может быть понята в кантовском смысле в форме стремления к так называемому гражданскому обществу, сущность которого немецкий мыслитель видит в том, что возникает «состояние индивидов в отношении друг к другу в составе народа, которое имеет своим фундаментом верховенство права, создающее правовое состояние и гарантирующее свободу от естественного состояния»²⁷⁸. Для И. Канта вполне был актуален вопрос о том, как возможна реализация практического разума в системе intersубъективных общественных отношений. Эта проблема своим основанием имеет факт затруднительности всеобщей реализации принципов универсальной морали в общей социальной среде. Таким образом, «правовое состояние общества ограждает свободу отдельно взятого индивида, тем самым создавая условия для человека действовать сообразно морально-категорическому императиву, не испытывая при этом давления со стороны других людей, обладающих равной свободой по отношению друг к другу»²⁷⁹. Из этого следует, что универсальный нравственный принцип, содержащийся в

²⁷⁷ Молчанов А.В. Коммунитаризм как альтернатива классическим идеологиям // Pro Nunk. Современные политические процессы. 2017. №1 (17). С. 51–57.

²⁷⁸ https://www.bsmu.by/downloads/kafedri/k_filosofi/publikacii/monografii.pdf (дата обращения: 10.10.2025)

²⁷⁹ Там же.

категорическом императиве, является своего рода теоретической умозрительной конструкцией, для реализации которой требуется эмпирическая поддержка. Таковой становится система формального, то есть юридического законодательства, которая и лежит в основании гражданского общества и, как бы сказали современные исследователи, – правового государства. Гражданское общество в философской системе Канта²⁸⁰ становится практической стороной реализации принципа свободы людей и гарантией реализации морального априоризма.

Таким образом, основание кантиански понимаемого гражданского общества и коммунитаризма заключается в том, что государственные структуры перестают определять принципы существования людей. По этой причине принципы организации общественных отношений суть условия возможности рационального и нравственного поведения, заложенного в каждом человеке как априорные принципы его бытия как человека. Практическая реализация такого принципа дает возможность достигнуть общечеловеческих норм, принципов существования, взаимодействия, социальной интеракции, и, в конечном счете, эффективной коммуникации между личностями как социальными субъектами. Исходя из такой логики, коммуникация нормативности основывается на априорных принципах бытия персоны как персональной идентификации нормативности.

Следует признать, что коммуникационный процесс предполагает наличие аскриптивных норм двух типов. Один из них связывается с совокупностью природных норм, описывающих функционирование телесности человеческого существа. Совокупность таких норм позволяет реализовать в социально приемлемой форме потенциал, заложенный в структуре человеческого тела. Другой тип аскриптивных норм, с нашей точки зрения, следует связать с социальными задатками человека, такими как способность к разумности и нравственности. И. Кант определил их как априорные формы познания и

²⁸⁰ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 17.

нравственности. Такие формы аскриптивных норм отличают человека от не-человека и тем самым определяют векторы нашего существования и основания нашей рациональной и нравственной деятельности. В дальнейшем такие аскриптивные нормы могут быть поняты как условия возможности существования человека как человека, актуальная их реализация переводит человекоподобное существо в человека, бытующего в качестве реализованного социального существа.

Подводя итог, следует говорить о том, что необходимость достижения согласия интересов между обществом и персоной может быть реализована на основании коммуникации, под которой понимается внешняя, выраженная в социально приемлемых формах, приемах и способах, совокупность методов и средств передачи информации между социальными субъектами. Коммуникацию необходимо отличать от сигнальных форм трансляции информации, которые позволяют согласовывать взаимодействия элементов биологической системы как на уровне отдельного индивида, так и межсубъектной интеракции. Отличие коммуникации как социального феномена состоит в ее рациональности и целенаправленности. Коммуникацию следует понимать в качестве вида общения как процесса взаимоотношения социальных субъектов, в котором они обмениваются опытом. Различие между общением и коммуникацией состоит в том, что под первым понятием выражается совокупность эндогенных форм взаимодействия участников социальной интеракции, а под вторым – информационно-инструментальное взаимодействие, отражающее экзогенные формы такой интеракции.

В рамках коммуникативных практик и общения формируется двуединый процесс, связанный с реализацией норморгенеза, с одной стороны, и обменом, передачей и усвоением существующих норм – с другой. Первый элемент связан с процессом происхождения и формирования экзогенных норм, что позволяет транслировать социально значимые свойства отдельным личностям как участникам социальной интеракции. Другой элемент выражает интериоризацию

личностью имеющихся норм, создание персоной эндогенной нормативности для формирования персонально значимых свойств.

Экзогенная нормативность определяет возможность коммуникативной деятельности благодаря регламентации внешних форм трансляции информации. Отсутствие или неполноценная реализация совокупности таких норм затрудняет или делает невозможной коммуникативную деятельность персоны. Эндогенная нормативность определяет способность самовыражения персоны и основанную на ней способность к обмену информации между участниками коммуникативного процесса. Единство двух выделенных нормативных оснований дает возможность прийти к социальному соглашению, целью своей имеющего достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами – участниками коммуникации, а также взаимного понимания между ними.

§2. Персональная идентификация в системе «Я - Другой»: проблема нормативности и общения²⁸¹

Изучение персональной идентификации нормативности включает в себя решение важного вопроса соотношения персонального бытия с существованием иных, несводимых к конкретной личности, людей. Значимой представляется проблема Другого, в которой центральным можно считать право человека на практическую реализацию собственного отличия, инаковости, на конкретные формы идентификации нормативности, которые в полной мере отражают интенции конкретной личности. За такие формы персонального бытия, как полагают некоторые исследователи, имеет смысл бороться²⁸². По этой причине можно говорить о том, что отношение «Я – Другой» включает в себя проблему

²⁸¹ В данном параграфе использованы материалы статьи: Ерохин, В.С. Персональная идентификация, нормативность и коммуникация в системе «Я – Другой» / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 9. – С. 1867–1871.

²⁸² Крючкова С.Е. Проблема Другого в современных социально-культурных практиках // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. №2. С. 63–72.

способности персоны отстаивать свое право на способ самореализации, поскольку разнообразные ее формы могут быть поняты как альтернативы персональному бытию человека в качестве способов существования других людей, социальных групп, всего общества в целом.

Представленная проблема актуальна по нескольким основаниям. Поскольку сущность Другого может содержать в себе принципиальную инаковость по отношению ко мне, конкретному субъекту, возникает вопрос о том, что из себя представляет Другой или Чужой как субъект, могу ли я его признать в качестве имеющего право на существование, в качестве существующего наравне со мной. Речь в данном случае идет о возможности признания культурного, социального, персонального, политического, религиозного, в целом – Другого во всех формах и способах его проявления. Вместе с тем, современный мультикультурализм предполагает возможность выстраивания практически любой субъектности, поэтому Другой и Чужой обладает правом формирования любого варианта самого себя в обществе и культуре любым человеком. Проблемным оказывается наличие единых стандартов социально приемлемых форм идентификации, которые дают возможность сохранять универсальное социальное основание совместного бытия различных персональных идентификаций нормативности.

Кроме того, существование нарративной концепции идентификации и ее практической реализации влечет утверждение о принципиальном праве идентифицирующих субъектов на реализацию практически любых форм самореализации и самопроявления. Это способно привести к деструкции социальной ткани, что делает особенно актуальным философский поиск норм как оснований совместного существования всех личностей – идентификаций нормативности.

Не менее важным представляется вопрос об основаниях и принципах коммуникативной деятельности, о способах трансляции значимой информации между персонами как социальными субъектами. Изменение нормативного основания совместного существования отдельных персон как идентификаций

нормативности приводит к крайнему затруднению принципов кодирования, передачи и декодирования транслируемой информации. Таким образом, изучение вопроса о сущности Другого и признания в нем актуального единства аскриптивных и дескриптивных норм позволяет утверждать возможность сохранения эффективности процесса коммуникации между субъектами intersubjectивных связей и отношений.

Представленная логика весьма эффективно реализуется в феноменологической традиции. Так, ученик Э. Гуссерля Адольф Райнах²⁸³ ввел понятие респонсивности, то есть «ответности» сознания, что позволяет описывать социальные акты и ожидать ответные действия агента коммуникации. Данная логика позволяет говорить о совместимости интенциональности и респонсивности сознания, регламентируя разные стороны социальной интеракции множества ее участников – личностей.

Вместе с тем Другой как Чуждый трактуется Б. Вандельфельсом²⁸⁴ как способный не следовать нашим правилам и оттого выходящий за пределы установленного нашим разумом порядка. Критическое переосмысление представленных положений трактуется И.Д. Невважайем как необходимость поиска единых нормативных оснований совместного бытия Я и Другого: «чуждость и ответ составляют единое целое, но таким образом, что "чужое" бросает нам вызов тем, что уклоняется от схватывания, и тем, что выходит за пределы нашего понимания»²⁸⁵. Использование известного аргумента последователей Э. Гуссерля позволяет говорить о включенности в сознании моего Эго оснований Другого Я, что определяет возможность коммуникации между субъектами и перспектив интеракции между ними²⁸⁶. Представленная

²⁸³ Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001.

²⁸⁴ Вандельфельс Б. Мотив чужого. Минск, 1999.

²⁸⁵ Невважай И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. №6 (335). С. 74.

²⁸⁶ Невважай И.Д. Как возможна общая теория норм? // Мир человека: нормативное измерение – 5. Постигание нормативности и нормативность познания: сб. трудов меж. науч. конф. (Саратов, 12–14 июня 2017 г.) / [редкол.: И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2017. С. 6–21.

логика требует от нас проведения анализа аргументов феноменологического понимания нормативных оснований бытия личности в системе «Я – Другой».

Истоком постановки вопроса о сущности Другого можно считать философские концепции Дж. Локка и Р. Декарта, которые, пытаясь ответить на вопрос о сущности Другого, его познании и признании, предлагали аргумент «по аналогии». Суть этого аргумента состоит в том, что знание о другом сознании, о другом Я обусловлено знанием собственного Ego²⁸⁷. Мне всегда известны типичные корреляции между состояниями своей субъективной реальности и их внешними проявлениями. Наблюдая такие внешние реакции у другого, я могу судить о состоянии его субъективной реальности. Кроме того, часто ссылаются на аналогичную телесную структуру. Следует отметить, что использование представленной логики познания Другого хоть и признается сравнительно эффективным, однако связывается с определенными недостатками «аргумента по аналогии»²⁸⁸ и поэтому справедливо подвергается критике. Противоречивость данного аргумента состоит в том, что:

- достаточно трудно разграничить феномен тех, кто принадлежит области моего (жизни, сферы интересов и прочего). Сам аналоговый перенос связан с персональным опытом переживаний Других, поэтому необходимым оказывается отделение личного восприятия от существования иных людей;

- затруднительным оказывается обоснование того, что тот, кого я воспринимаю в качестве похожего на меня, есть точно такой же человек, как и я, то есть равный мне. Аналоговый перенос не дает достоверного результата познания Другого и, как следствие, делает потенциально невостребованным его принятие в качестве равного себе.

Возникает вопрос о критерии признания существования Другого в качестве равного мне. Один из интереснейших вариантов решения вопроса о сущности Другого был предложен в так называемом конструктивистском

²⁸⁷ Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» // Вопросы философии, 2008. №1. С. 22.

²⁸⁸ Там же. С. 23.

подходе к субъекту, к которому традиционно относят феноменологическую традицию в целом и философские воззрения Э. Гуссерля в частности.

Понимание сущности Другого в конструктивизме Э. Гуссерля основано на понимании содержания *Cogito*, которое трактуется мыслителем как сознание, мыслящее Я, как все пространственно-временное бытие, значимое для меня благодаря тому, что оно дано мне в опыте, восприятии. Бытию мира предшествует бытие *ego* (Я-модусы) и *ego cogitations* как текучая часть сознания, в которой живет тождественное Я²⁸⁹. Такое сознание обладает свойством интенциональности в форме совокупности актов переживаний (сознавания) феноменов восприятия²⁹⁰. Интенциональность сознания определяется немецким феноменологом в связи с переживанием человека смысловой структуры воспринимаемых явлений, предметов, событий. Главным оказывается содержательное переживание человеком мира, что формирует естественную установку познающего субъекта, позволяющую ему воспринять мир так, как он дан, и одновременно сформировать систему значимостей.

Ego – согласованные системы интенциональности, существует для себя самого в непрерывной очевидности, то есть непрерывно конституирует себя в самом себе как существующее. Оно существует в хабитуальных ориентациях – в системе привычных решений, оценок и волевых актов. Сюда, таким образом, относится и действие как процесс (естественно, в рамках привычных оценок и значимостей, поскольку Я представляет собой систему ценностных ориентиров, которые в результате интенциональности *Cogito* реализуются в восприятии и сознавании трансцендентального мира), и отстаивание осуществленного действия, поскольку оно представляет собой самоактуализацию «Я». Таково конструирование «Я». В дальнейшем Гуссерль проводит демаркацию Я и *Ego*. Первое характеризует хабитуальность человека (своего рода точка отсчета), а второе – полиморфность его интенциональной жизни. Оба элемента включены в *Cogito*.

²⁸⁹ Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010.

²⁹⁰ Калининченко В. Заметки об интенциональности // Логос. 2007. №6. С. 108–109.

Не менее важным свойством *Cogito* становится его конституитивность. Во-первых, способность к конструированию направляется *Cogito* на самого себя, соответственно, осуществляется формирование собственного поля, системы интенциональности. Во-вторых, конституитивность направлена на трансцендентальный мир, где выражается в способе оформления феноменов сознания. Здесь осуществляется синтез, происходящий с переживаниями под воздействием Я, которое «живет» в своих переживаниях. Восприятие вещи в силу ее пространственности нюансируется во множестве актов, но благодаря синтезирующему «взгляду» Я множество нюансов образуют целое. Это подобно тому, как множество «фотографий», полученных сознанием в ходе восприятия вещи, соединяются в единое восприятие вещи²⁹¹.

Феноменологическое понимание *Cogito* позволяет трактовать личность как кинестезо-протентно-ретентное образование, основанием единства которого можно считать конституитивную характеристику *Cogito* как активный синтез (генезис), в рамках которого Я действует в качестве созидающего, конституирующего посредством специфических Я-актов субъекта²⁹².

Другой в феноменологических воззрениях Э. Гуссерля понимается как результат деятельности интенционального *Cogito*, которое видит в Другом такого же конституирующего субъекта, как и он сам. В рамках уже известного аргумента по аналогии возникает утверждение, что телесность, аналогичная моей, вполне может иметь аналогичное конституирующее сознание. Другой – это такой же конституирующий субъект, как и я, который познаваем исключительно на уровне аналогии. Его признание в качестве такого же, как и «Я», базируется на принятии области примордиальности в виде культурных или национальных оснований совместного бытия, а также утверждения о том, что точно так же, как и я конституирую Другого, он осуществляет такое же действие как в отношении меня, так и в отношении всего мира. Вместе с тем мир

²⁹¹ Husserl E. De la synthèse passive. Paris, 1993.

²⁹² Ерохин В.С. Жизненное пространство личности в феноменологии Э. Гуссерля // Цивилизация и человек, 2010. №2. С. 57–58.

становится полным множеством отдельных субъектов, не имеющих общих точек соприкосновения между собой.

Феноменологическое понимание Другого, таким образом, основано на утверждении принципиальной значимости восприятия внешнего, телесного, поэтому проблемным остается разделение человека и не-человека. Совершенно непонятным оказывается, по каким критериям становится возможным отделение Cogito человека от животного или технического устройства, обладающего искусственным интеллектом. Телесность не позволяет провести достоверное различие между воспринимаемым предметами, крайне затруднительным оказывается доказать способность воспринимаемого Другого к конститутивности.

Кроме того, проблемным представляется содержание области примордиалитета, поскольку не существует до конца обоснованной связи между восприятием телесности и существованием общечеловеческих принципов взаимного понимания и совместного существования. По этой причине можно говорить об ограниченности классического конструктивизма в форме феноменологической трактовки Другого. Таким образом, телесность как основание признания Другого в качестве равного мне и имеющего право на равное отношение оказывается ограниченной и требующей дополнений иными средствами и основаниями.

Проблемным становится тот факт, что в классическом конструктивизме в системе «Я – Другой» нормативность трактуется как способность Я (Ego) навязывать собственное восприятие Alter Ego (Другому). Последний более не принадлежит себе, он оказывается зависимым от конституирующего его субъекта восприятия, существует как результат его деятельности и существования. Невозможной оказывается самостоятельность отдельной персоны, сохраняется лишь ее зависимость от восприятия со стороны Других Ego.

Результатом такого действия становится навязывание стандартов и принципов существования как отдельному субъекту общественных отношений,

так и целым культурам, обществам. Некоторые исследователи, среди которых стоит выделить А.В. Алимпиеву, утверждают, что в системе общественных связей и отношений имеется социальный институт «подавляющего большинства»²⁹³, которое понимается исследователем как инструментальное понятие, содержащее в себе заранее заданную реальность и включающее совокупность заранее заданных ценностей и человеческих ориентиров. Данный социальный институт используется для достижения поддержки подавляющим числом (в идеале всеми) субъектов общественных отношений определенных ценностей и норм поведения.

Идеология «подавляющего большинства» позволяет противопоставить «нашего» как отражающего ценности и позицию «большинства» и «ненашего» как иного, с последующей стигматизацией и дискриминацией представителей последнего²⁹⁴. Как следствие, политические «верхи» как социальный субъект, по логике ученого, преднамеренно определяют вектор развития общественных отношений, реализуя собственную конститутивную сущность в системе «Я (политические верхи) – Другой (общество)».

Идея А.В. Алимпиевой для нас означает наличие способности социального субъекта, обладающего определенными конструктивными ресурсами, изменять, контролировать Другого через применение идеологической, культурной, исторической и прочих форм идентичности. Происходит насаждение определенных свойств и элементов персональной идентичности в качестве нормальных, то есть «единственно приемлемых, безусловно правильных и соответствующих некоей культурной традиции»²⁹⁵. Персональная идентификация нормативности оказывается в таком случае результатом насаждения, конструирования Другим, а не итогом эволюции личности как Я, Ego.

²⁹³ Алимпиева А.В. Социальная идентичность в условиях культурного многообразия: поиск или навязывание? (на примере Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 11. С. 60–66.

²⁹⁴ Алимпиева А.В. Социальная идентичность в условиях культурного многообразия: поиск или навязывание? (на примере Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 11. С. 61.

²⁹⁵ Там же. С. 62.

Следует полагать, что представленное насаждение свойств и форм идентичностей опирается на заранее сформированную систему нормативных оснований, с помощью которой производится разграничение на свое как «нормальное» и Другое как «не-нормальное», аномальное и анормальное, то, которое должно подчинить известному порядку. Свое принимается «нормальным», поскольку собственные свойства максимально близки конкретному субъекту, отвечают его интересам и способствуют персональному развитию. Любое «отличие» может восприниматься в качестве опасного, деструктивного и от того анормальным и потенциально неприемлемым.

Так понимаемая нормативность, определяющая формы и способы идентичности персоны, интерпретируется нами как экзогенная, поскольку всегда выражена внешними по отношению к личности правилами и требованиями. Такая нормативность, действительно, не дает возможности в полной мере выразить персоне собственный мир, которая вынуждена подстраиваться под требования со стороны индивидуализированного (отдельный человек) или коллективного (социальная группа) субъекта. Как следствие, активный синтез, предложенный Э. Гуссерлем как основание нормирования, содержит в себе совокупность принципов и требований, с которыми подчиненному субъекту следует считаться, но с которыми он потенциально не идентифицирует себя, осознавая их как внешние ограничители, регламент коллективной интеракции.

В результате мы видим, что в классическом конструктивизме проблема персональной идентификации и достижение ее результата – идентичности личности может быть связана с возможностью потери самостоятельности в процессе достижения самотождественности на основании использования экзогенной идентичности. Сохраняется принципиальная ориентация на персональные, субъективные ожидания и требования к коллективным способам существования. Крайне затруднительным, а порой невозможным становится корректное совместное бытие множества отдельных личностей, использующих экзогенную нормативность при построении персональной идентификации, что обладает деструктивным влиянием на общественное бытие. Выявленное

затруднение отчасти было решено в рамках концепций некоторых последователей Э. Гуссерля.

Развитие представлений о сущности Другого традиционно связывается с идеями ряда французских мыслителей (Ж.П. Сартра и его идеи диалектики взгляда, М. Мерло-Понти с его теорией межтелесности), в частности – с концепцией Э. Левинаса. Отметим, что философ высказывал критические замечания в адрес известных идей Э. Гуссерля, суть которых заключается в том, что конституирование alter ego через аналогическую аппрезентацию исходя из сферы субъективности ego приводит к нейтрализации абсолютной инаковости. Данную идею мы выразили в форме навязывания Ego своей нормативности Другому, для которого она может и оказывается экзогенной, как следствие – потенциально противоестественной, не отражающей его самость и, как результат – не дающей возможности полноценно реализовать персональную идентификацию.

Суть такой нейтрализации состоит в том, что конституирующее сознание определяет сущности и содержание Другого исходя из собственной идентичности, персонального опыта существования. Такое конституирование Другого не дает ему права быть иным по отношению к моему Ego, что убивает, нейтрализует в нем иное, альтернативный, несводимый к моему опыту способ существования. По этой причине встреча с Другим как опыт взаимодействия с альтернативным способом персонального бытия субъекта как личности²⁹⁶ в левинасовском значении позволяет уйти от прикованности к собственному способу существования. Кроме того, принципиальным оказывается тот факт, что чуждость, друговость перестает быть жертвой готовой институциональной или языковой общности, а сохраняет собственную уникальность²⁹⁷.

Основанием для такой критики становится расхождение мыслителей по вопросу о соотношении пассивного и активного синтеза, реализуемого в

²⁹⁶ Левинас Э. Время и Другой // Левинас Э. Время и Другой. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 35–40.

²⁹⁷ Вальденфельс Б. Мотив чужого: сб.; пер. с нем.; науч. ред. А.А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Минск: ПроPILEI, 1999. С. 156–157.

процессе формирования структуры субъекта. Левинасовское понимание Другого основано на системе контрастирующих отношений (в отличие от конституирующих – в феноменологической концепции Э. Гуссерля), содержание которых философ сводит к нередуцируемому различию между идеальностью и материальностью ощущений. Такие отношения сводятся мыслителем к антагонизму между Ego и Alter Ego, в котором Другой оказывается определяющим в процессе формирования содержания субъекта, в нашем случае – личности.

Сами ощущения имеют двойственный характер: первичное чувствование возникает, как показывает Э. Левинас, благодаря наличию «чужого», именно он оказывается первичным по отношению к ощущениям, именно «чужое» впечатляет²⁹⁸. Французский мыслитель отмечает необходимость изначального наличия Другого для возможности взаимодействия с ним и, как следствие, возможности возникновения ощущений и желания контакта с ним. Вместе с тем, ощущения принадлежат Эго, то есть тому, кто затронут впечатлением пережитого опыта. Поскольку Другой как «чужое», «чуждое конкретному Ego» оказывается определяющим, в каждом Ego формируется ощущение ответственности за совершенные действия, за то несоответствие ожиданиям Другого, которые возникают в процессе взаимодействия в системе «Я – Другой». Каждый отдельный субъект, личность, Ego оказывается Другим по отношению ко всем остальным субъектам взаимодействия, вследствие чего формируются взаимные ожидания и ответственность за совершенные действия.

В результате можно говорить о различных внесубъектных основаниях, позволяющих, с одной стороны, сохранить способность к конститутивности множества отдельных личностей как Ego, а с другой – признать за каждым из них право на формирование собственной персональной идентификации, выразить природу отдельных личностей, а также сформировать общие основания социального бытия и возможности коммуникации личностей как

²⁹⁸ Drabinski J.E. Sensability and Singularity. The problem of Phenomenology in Levinas. State University of New York, 2001. P. 141.

субъектов общественных отношений, выраженных в форме множества форм и способов персональной идентификации. Представленное решение дает возможность использовать ресурсы эндогенной нормативности при достижении различных форм персональной идентичности. Личность получает возможность в полной мере выразить собственный мир через эндогенную нормативность и согласовать его с нормативными основаниями коллективного бытия.

Для концептуального анализа описанных процессов Э. Левинас вводит понятие «гипостазис», в содержании которого мыслителем обозначается событие, предполагающее соединение акта существования и существующего в бытии любой персоны, отдельного социального субъекта. Гипостазис представляет собой способ становления Я, наделение акта-существования самостью персоны²⁹⁹. Конкретный субъект ощущает состояние заброшенности в мир и необходимости формирования своей природы в экзистенциально-персональном смысле³⁰⁰. Происходит поиск себя, согласование эндогенной нормативности и соответствующих форм персональной идентификации с экзогенными нормативными основаниями, выраженными в требованиях социально приемлемых форм существования личности. При этом таким способом формируются все отдельные персоны, что делает их иными, «чужими» друг по отношению к другу.

Другой трактуется Э. Левинасом не как материал для интеграции, а как Лицо³⁰¹: иное Cogito представляет собой не продолжение собственного Я, а принятие и признание в alter ego субъекта, равного по статусу воспринимающему субъекту. Если в феноменологии Э. Гуссерля субъект, то есть Cogito, представлял собой результат формирования самого себя сознающего субъекта в единении множества когитаций, а Другой воспринимался как вещь среди вещей, как продолжение меня как сознающего и воспринимающего субъекта, то в идеях

²⁹⁹ Половникова В.М. Я и Другой: концепции М. Бубера и Э. Левинаса // Эпистемы-2: матер. межвуз. семинара: альманах / сост. и общ. ред. Н.В. Брянник; Рос. филос. о-во [и др.]. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 92–96.

³⁰⁰ Левинас Э. Время и Другой // Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998. С. 37–41.

³⁰¹ Валитов С.Р. Этика Эммануила Левинаса // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 2008. №1. С. 105.

Э. Левинаса признается равноправие в существовании множества конкретных субъектов. При этом Другой имеет столько же прав и возможностей, сколько и воспринимающий его субъект.

Стремление к Другому определяется его содержанием. Поскольку Э. Левинас черпал основания своих идей в феноменологической концепции Ego, в его идеях существенным оказывается соотношение активного и пассивного синтеза. Если для Э. Гуссерля принципиальным свойством Cogito оказывается именно конститутивность как способность Я формировать самого себя и мир, в том числе Alter Ego, то для Э. Левинаса существенным становится пассивный синтез, характерный для любого субъекта. В первом случае Cogito навязывает свой уклад миропонимания, точки видения, содержаний и значений Другому, определяя тем самым его существование для себя и навязывая принципы совместного бытия.

Для Э. Левинаса именно Другой оказывается организующим началом для меня, он определяет принципы взаимодействия, правила игры, совместного существования в обществе: «лицо другого человека демонстрирует свой собственный, императивный способ надления смертного Эго тем или иным значением путем истощения его эгологической Sinngebung»³⁰². Таким образом, Другой оказывается создателем, организующим принципом формирования системы отношений в социуме, он толкуется как определяющий содержание сущности Ego, поскольку в процессе столкновения с ним формируется система отношений между различными субъектами.

На этом основании возможно признание ответственности перед Другим и различных форм оправданий перед ним³⁰³. Кроме того, существование Другого определяет совокупность норм, принимаемую в конкретной системе интересубъективных отношений. Персональная идентификация, основанная на эндогенных нормах, в результате определяется не отдельным воспринимающим

³⁰² Levinas E. Diachronie et representation // Entre nous: essays sur le penser-a-l'Autre. Paris, 1991. P. 192.

³⁰³ Полещук И. Понятие интересубъективной темпоральности в философии Левинаса // Левинас Э. Путь к Другому: Сб. статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб., 2006. С. 2–36.

субъектом, а системой интерсубъективных отношений, в которую включено все множество Других (субъектов общественных, культурных и прочих отношений). Именно нормативность в форме аскриптивных норм определяет возможность социального существования интерсубъективных отношений. Дескриптивные нормы оставляют право на формирование субъективного способа существования отдельных Ego.

Реализация такого проекта заложена во «Втором поле»³⁰⁴ С. де Бовуар, в идеях которой вопрос признания Другого как второго пола решается не как результат проекции или продолжения маскулинного начала, а как принципиально отличного, иного, но вместе с тем не менее значимого и ценного.

Существенной, как отмечается в некоторых публикациях, оказывается проблема преодоления одиночества отдельных персон, сформировавших собственную идентичность на основании эндогенных норм. Такое состояние представляет собой «нерасторжимое единство существующего и его акта-существования, что не зависит от какой-либо предположенности другого»³⁰⁵. Конкретный субъект предстает перед всем миром в своем одиночестве, значимой оказывается проблема признания и познания Другого, только уже не на основании недостаточности аргумента по аналогии, а на основании закрытости персон как монад. Личности оказываются неспособными к общению и коммуникации. По этой причине известная логика Г.В. Лейбница требует использования ресурса внешней инстанции (например, в форме Бога) для реализации процесса передачи информации и возможности преодоления изолированности личностей как монад, однако вопрос о самостоятельной коммуникации персон между собой остается неразрешенным.

Обозначенная проблема решается Э. Левинасом нестандартным образом. Мыслителем утверждается, что конкретный субъект проявляет свою сущность в телесном существовании, загромождает себя материальными предметами. В стремлении заботы о вещах субъект, в нашем случае – личность, стремится уйти

³⁰⁴ Бовуар С. де. Второй пол. М. СПб., 1997. Т. 1 и 2.

³⁰⁵ Левинас Э. Время и Другой // Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998. С. 39.

от одиночества, что влечет его в область сначала предметного мира, а потом – в область коммуникации с Другим, который понимается Э. Левинасом в качестве принципиально непознаваемого, однако необходимого, поскольку он мыслится в качестве формы принципиально иного способа существования. Данная необходимость связывается философом с взаимонаправленным движением множества интенциональных ценностных субъектов к абсолютно иному. Каждый из таких субъектов друг для друга являются Другими, поэтому, признавая неспособность постигнуть сущность друг друга, они тем самым стремятся друг к другу. Такое стремление определяет наличие общих оснований интерсубъективности, что позволяет множеству личностей как идентификаций нормативности сформировать область единых для всех значений, норм, определяющих принципы взаимодействия между ними, а также способы идентификации каждого из взаимодействующих субъектов.

Взаимная направленность в дальнейшем была трансформирована Левинасом в понятие Дела – литургии, которая образно обозначается юношеским максимализмом щедрости³⁰⁶. Абсолютную друговость философ понимает как совокупность значимых смыслов, существующих в культуре и социуме и высвечивается в контексте как самовыстроенный. Лицо как выражение самой инаковости в Другом по отношению ко мне заставляет меня реагировать на другого как на Другого. Его эпифанию (явленность) Левинас называет «посещением, желая тем самым обозначить момент новизны "прихода к нам"»³⁰⁷. В этом смысле и выстраивается проблема признания Другого в качестве иного. Его признает существование и сущность Alter Ego после того, как оба субъекта вступили в интеракцию.

Другой как иное трактуется Э. Левинасом через призму отличных принципов формирования норм существования субъекта. Не давая единого определения Другого, французский философ указывает на то, что каждый

³⁰⁶ Валитов С.Р. Этика Эммануила Левинаса // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 2008. №1. С. 108.

³⁰⁷ Там же. С. 109.

отдельный субъект, Я, содержит в себе совокупность эндогенных норм, определяющих способы своего существования. Другой имеет право определить себя в соответствии с совокупностью норм, свойственных для него. В результате можно утверждать, что Другой определяется не телесным существованием, как это предлагалось в конструктивистской феноменологической традиции, а культурным, духовным, нормативным, скорее – нравственным, способом существования. Этика, нравственность, которая, с точки зрения Э. Левинаса, определяет саму возможность бытия Другого и взаимодействия множества отдельных субъектов, дает возможность увидеть Другого как персону, сохраняющую направленность на человеческое, в определенном смысле альтруистическое отношение к иным субъектам.

При этом Другой представляет собой Лик, принципиально Иное по отношению к конкретному субъекту. Сущность и значение этого Другого состоит в том, что он вынуждает сознание уйти от направленности на самого себя, что в конечном счете выводит конкретного субъекта из эгоизма и вводит его в систему этических отношений с принципиальной друговостью³⁰⁸. В данном случае эгоизм субъективного существования определяется ориентацией отдельного субъекта на телесное существование.

Такой выход за пределы эгоизма можно категорировать через способность коммуницирующих субъектов применять для передачи информации речь в вербальной форме, позволяющей выразить все многообразие смыслов и значений в знаковой (в том числе словесной) форме, а также в невербальной форме, выраженной в способности множества субъектов передавать духовный опыт, духовную связь между Я и Другим, характеризующий внутреннее взаимодействие между субъектами коммуникации. Можно говорить о том, что возникает необходимость использования ресурсов коммуникации как внешней форме трансляции информации, выраженной в социально приемлемых формах,

³⁰⁸ Звягинцева Е.И. Понятие «Другого» в творчестве Э. Левинаса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. №5 (43) : в 3 ч. Ч. 1. С. 92–94.

и общении как процесса личностного взаимодействия, ориентированного на внутреннее выражение каждого из участников взаимодействия.

Язык как внешняя форма коммуникации выражает персональный опыт отдельного субъекта (Я или Другого), в результате чего становится возможным выход субъектов коммуникации за свои пределы и формирование диалогичного интерсубъективного взаимодействия Я и Другого как личностей. При этом отличие левинасовского понимания интерсубъективности от его гуссерлевого толкования состоит в том, что мыслитель предлагает ассиметричность интерсубъективности³⁰⁹. Если в идеях немецкого мыслителя согласованность между сознаниями могла быть объяснена схожестью конституированных одинаковым образом существ, а язык мог быть сведен к системе знаков, которые бы вызывали близкие по значению мысли у субъектов, то для французского ученого такая согласованность определяется экзистенциальным единством субъектов взаимодействия без «посредников» и «слияния».

Таким образом, с нашей точки зрения, речь идет о различных формах взаимодействия между субъектами интерсубъективных отношений. Внешняя, экзогенная форма такого взаимодействия может быть трактована как коммуникация и связана с языковой и телесной формой социальной интеракции, в то время как внутренняя, эндогенная, форма взаимодействия может быть описана через общение и характеризуется с точки зрения экзистенциального опыта интеракции между ее субъектами.

В результате использования ресурсов коммуникации и общения происходит снятие заикленности на свободе-для-себя и реализуется ориентация на «абсолютно иное»³¹⁰. Здесь, как показывает О.В. Пастушкова, формируется некий аутентичный уровень существования, где естественным ограничителем поведения выступает ответственность. Я (субъект) являюсь ответственным за Другого (другого субъекта).

³⁰⁹ Аббасова Н.Т. Опыт инаковости Другого в философии Э. Левинаса // Вестник СамГУ. 2007. №5/1 (55). С. 94–99.

³¹⁰ Пастушкова О.В. Три лика гуманизма: Хайдеггер, Сартр, Левинас // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2011. Т. 7. № 11-3. С. 121–124.

Признание Другого в качестве равного себе и необходимость ответственности за него и перед ним формирует поле свободы, которое в качестве базовой характеристики признает Э. Левинас и которое становится основанием для сохранения себя как целостности и самостоятельно уникального субъекта. Представленную логику можно транслировать не только на отношения между конкретными субъектами как людьми, но и на отношения между социальными группами и даже народами.

Наиболее известным концептуальным выражением реализации активного синтеза можно считать концепцию властвования и политизации субъекта М. Фуко. Мыслитель в своей концепции вводит знаменитый принцип «власть – знание» и признает наличие двух видов субъектности – внешней и внутренней. Отметим, что такое выделение для мыслителя более чем формально, поскольку во многих своих трудах он указывает на зависимость подчиняющегося от властных, в том числе политических инстанций.

Внешнюю субъектность французский мыслитель связывает с формированием тела определенного субъекта. Речь идет о том, что «тело [преступника] образует элемент, который благодаря целой игре ритуалов и испытаний свидетельствует о том, что преступление имело место, что оно само и совершило это преступление, показывает, что преступление запечатлено в нем и на нем, подвергается операции наказания и чрезвычайно наглядно является его результатом»³¹¹. Как следствие, в рамках логики французского мыслителя внешняя сущность субъекта подчинения становится конструируемой политическими практиками, целью которых становится нормирование человека, то есть подведение его под действия стандартного, определенного образца. Это становится возможным через введение соответствующих социальных институтов и принципов их организации. М. Фуко использует известный образ тюрьмы (паноптикума), больницы или учебного заведения, а также иных

³¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 14–15.

учреждений, позволяющих дисциплинировать, то есть нормировать человека как субъекта общественных отношений и его идентичность.

Представленная логика размышления М. Фуко говорит нам о том, что через практики дисциплинирования реализуется навязывание личности форм и способов ее персональной идентификации. Экзогенные нормы как основание достижения и регламентирования личностной идентичности институционализируются в различных формах властных полномочий (от требований врача до реальных политических практик).

Вместе с тем, в идеях М. Фуко существуют и техники внутренней субъективации как заботы о себе. Проведение определенных техник позволяет субъекту вернуться к себе, то есть сформировать собственный мир в самом себе. Данный аспект позволяет закрепить именно эндогенные нормативные основания персонального бытия и идентификации. Нередко внешние и внутренние практики резко противоречат друг другу, поскольку субъект, с одной стороны, стремится сформировать свою уникальность, которой управлять крайне сложно, а с другой стороны, субъект становится предметом манипулирования и стандартизации для облегчения способов реализации властных полномочий в обществе и организации социальной ткани как таковой³¹².

Культура себя как культура, «в которой были усилены и переоценены внутренние связи с самим собой и повышена значимость отношения к себе»³¹³, становится принципиально важной техникой для существования субъекта. Из этого следует, что вопрос о Другом состоит в идеях М. Фуко можем ли мы признать за Другим право на формирование себя самого как самостоятельного субъекта или общество как господствующий мегасубъект, как Другой по отношению к отдельной личности, будет стремиться к полному ее дисциплинированию. М. Фуко настаивает на втором варианте, что не позволяет личности полноценно реализовать персональную идентификацию. Как

³¹² Голенков С.И. Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. №1. С. 54–66.

³¹³ Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе. М., 1998. С. 35.

следствие, французский мыслитель настаивает на приоритете экзогенной нормативности при формировании и реализации практик персональной идентичности.

Фуколдианская логика продолжается в концепциях Дж. Агамбена, М. де Серто и некоторых других современных мыслителей. Так, итальянский мыслитель формирует идею понимания человека как тела, которое в определенных (чрезвычайных) ситуациях может по решению суверена потерять все гражданские и естественные права и полностью подчиняться воле господина³¹⁴. Естественные и гражданские права или полностью утрачиваются, или временно приостанавливают свое действие, что позволяет власть имущему, суверену как Другому контролировать человека и навязывать ему все возможные действия³¹⁵. Таким же образом реализуется процедура навязывания идентичности и нормативности персонального и социального существования, в результате чего личность как субъект социальных, политических, равно как и любых других отношений, теряет самостоятельность в процессе достижения персональной идентификации нормативности.

Аналогичные, однако ориентированные на политико-экономическую сторону вопроса, идеи высказывает М. де Серто, утверждая, что обладатели ресурсов имеют возможность навязывать определенные, выгодные им социальные практики тем, кто не обладает ресурсами, используя при этом доминирующую культурную экономику и применяя собственные правила игры для подчинения общественных масс, не обладающих ресурсами управления³¹⁶.

Вне зависимости от истоков принуждения и направленности действия идентификация персоны, основанная на экзогенной нормативности, оказывается подчиненной внешним воздействиям, что крайне затрудняет, а порой делает

³¹⁴ Кудина О.М. Оппозиция человека священного (*homo sacer*) и человека политического в концепции Дж. Агамбена // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. №4 (22). С. 73–82.

³¹⁵ Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. №4-2 (10). С. 261–271.

³¹⁶ Степанов М.А. Поэтика изобретения. Рецензия на книгу Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» // Международный журнал исследования культуры. 2013. №3 (12). С. 157–160.

невозможной ее совершение таким образом, который соответствует интенциям самоидентифицирующего субъекта.

Мы видим, что проблема персональной идентификации в системе «Я – Другой» может быть решена с помощью использования ресурсов активного (экзогенной нормативности) и пассивного (эндогенной нормативности) синтезов, каждый из которых связывается с исполнением определенных функций, позволяющих достигнуть элементов самоидентификации личности.

Отметим, что в истории философии активный синтез связывался с высшей способностью человеческого разума, в то время как пассивный синтез (который, например, в рамках схоластической философии определялся как пассивный интеллект) трактовался в качестве низшей способности человеческого разума, имевшей дело с чувственными данными и оттого не способной к восхождению к универсалиям.

В рамках ряда современных философских концепций, в том числе в конструктивизме Э. Гуссерля, сложилась идея единства и взаимодействия активного и пассивного синтеза в форме способности человека к рекурсивности деятельности и познания. Как следствие, «отношения между активным и пассивным представлением феноменов сознания следует рассматривать не как конфликт, а как дополнительные способы описания того, о чем мы собираемся говорить (в синхронии) и как рекурсивное взаимодействие (в динамике)»³¹⁷. С нашей точки зрения, такая логика позволяет описать идентификативные практики личности, определить границы влияния активного и пассивного в процессе достижения персоной самоидентификации. Единство пассивного и активного синтеза дает возможность достигнуть устойчивости процесса персональной идентификации и ее детерминации нормативными основаниями, избежать множества издержек цивилизации, которые появляются в социальном бытии человека.

³¹⁷ Кудряшова Т.Б. Активные и/или пассивные компоненты познавательного процесса // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 6, №1. С. 7.

Представленная логика реализуется в некоторых современных исследованиях, в которых развивается идея формирования границ, позволяющих отделить «своего» от «другого» как чужого. В частности, известны идеи Ф. Барта, для которого наличие границы является фактом утверждения не столько конкретного индивидуализированного Другого, сколько процесса творения образа коллективного Другого как культурно-символической формы³¹⁸. Предполагается, что нет необходимости инвентаризировать конкретного субъекта как Другого, выделяя его характеристики и указывая на его отличие от Ego, следует исследовать характерные свойства коллективного субъекта как культурно иного, Другого. На этом основании идентичность конкретного субъекта, в нашем случае – личности, не может быть в полной мере достигнута им самим, он вынужден для ориентации в мире и социуме принимать, заимствовать экзогенную нормативность и формировать соответствующую ей идентичность, тем самым определять свою принадлежность к культурной, этнической, цивилизационной, социальной или какой-либо иной группе.

Таким образом, реализуется идея единства активного и пассивного синтеза, суть которой состоит в навязывании культурой и обществом как Другим нормативного бытия отдельной персоны (активный синтез, выраженный в экзогенной нормативности) и перенимании последней необходимых для интерсубъективной интеракции (пассивный синтез, содержащий в себе совокупность эндогенных нормативных оснований) общесоциальных свойств. Происходит адаптация внешней идентичности к персональному бытию отдельной личности.

Для уточнения реализации представленного процесса Р. Барт использует взятый им из психологии термин «аттракция», под которым понимается процесс формирования привлекательности человека, цель которого состоит в достижении баланса, при котором все участники взаимодействия или взаимно довольны, или одновременно недовольны друг другом. Применение ресурсов

³¹⁸ Денисова И.А. Понятие субъекта и Другого в современной философии культуры // Вестник СамГУ. 2007. №1 (51). С. 213–219.

аттракции как механизма психологического влияния позволяет приблизиться межличностным отношениям к состоянию баланса посредством взаимной симпатии партнеров по общению³¹⁹. Использование механизма аттракции реализуется, как полагает Р. Барт, в трех компонентах:

- познавательного, в рамках которого указывается, что неизвестным оказывается, что обо мне думает Другой;
- аффективного, в котором выражается весь спектр эмоциональных отношений к Другому;
- поведенческого, в рамках которого утверждается, что образ Другого формируется в процессе развития беседы, коммуникации с Другим³²⁰.

Как итог, достижение персональной идентификации, основанной на нормативной детерминации, реализуется в процессе единства активного и пассивного синтеза в форме навязывания личности норм и принципов общесоциального существования, их переработки персоной и адаптации к индивидуальным нуждам. Такие нормы становятся основанием для коммуникативного процесса между Я и Другим, что позволяет полноценно реализовывать процесс идентификации нормативности каждого Ego (личности).

Предлагаемое решение позволяет утверждать, что появляется возможность преодолеть повседневные различия перспектив личностей как субъектов интерсубъективных взаимодействий. Это достигается через применение двух идеализаций – взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантности, а также через признание соучастия множества личностей в текущей жизни Другого³²¹. Такое положение дел позволяет говорить о взаимном соучастии множества персон в социальном существовании друг друга, что дает возможность достигнуть взаимного понимания Я и Другого, конструируя типичный образ действия, типичные, лежащие в его основании мотивы,

³¹⁹ Киреева З.А. Аттракция и интеграция в контексте межличностных отношений // Вестник Курганского государственного университета. 2006. Вып. 2. С. 91.

³²⁰ Грива О.В. Аттрактивные характеристики Другого в структуралистической концепции Р. Барта // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №3 (45). С. 13–15.

³²¹ Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. С. 131, 133.

установки личности. Принятие таких установок представляет собой освоение социальных норм, или, иначе, процесс социализации, в результате которой индивид со всей присущей ему индивидуальностью, приобщается к типичным конструктам, унифицированной точке зрения «мы-группы»³²². На таком основании Другой может пониматься как равный, что позволяет возникнуть диалогу.

Идея разделения Другого на равного и неравного реализуется в концепции М. Бубера, для которого отношения «Я – Оно» и «Я – Ты» не тождественны друг другу. «Оно» трактуется мыслителем в качестве вещи среди вещей. Отклик, даваемый Ты как субъектом диалоговых отношений, дает возможность создать знания, действия, символы и образы, которые позволяют перевести воспринимаемое «Оно» в «Ты» как личность³²³. Именно в таких отношениях оказывается возможным возникновение intersубъективных и диалоговых отношений.

В дальнейшем в ряде диалогических концепций таких мыслителей, как М.М. Бахтин, В.С. Библер, Х. Аренд и некоторых других, взаимность речи определяется как основание любого диалога. Отдельные личности благодаря общим социальным основаниям получают возможность выразить себя с помощью культурного кода и тем самым определить персональный способ личностной идентификации³²⁴. Экзистенциальная направленность коммуникации личностей – участников социальной интеракции реализуется как способ сообщить о себе и своем присутствии и как основание для взаимодействия с Другими. Таким образом, коммуникационное взаимодействие в системе «Я – Другой» приводит к возможности достижения личностью персональной идентификации, а также ее самореализации и достижения признания в системе социальных статусов и ролей.

³²² Там же. С. 132.

³²³ Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 15–92.

³²⁴ Наумов С.А. Игра как способ представлений реальности публичных коммуникаций // Вопросы философии. 2008. №6. С. 32.

В рамках известной логики В.С. Библера³²⁵ механизм социализации личности за счет единства активного и пассивного синтеза в форме приобщения персоны к общим социальным нормам и ценностям делает возможным диалог между сознающими субъектами, множественность которых предполагает наличие известной сформированной позиции, видения мира, общества и Другого, а также коммуникации как столкновения несовпадающих точек зрения. Именно таким образом формируется диалоговая форма организации культуры и общества, что дает возможность реализовать в полноценной форме персональную идентификацию³²⁶.

Культура, используя ресурсы активного синтеза как Другого по отношению к отдельному субъекту – личности, в значительной степени его детерминирует. Вместе с тем, соучаствуя в культурной традиции через усвоение культурной традиции, культурных ценностей и норм социального бытия, а также через совместное творение культурных феноменов, персоне получает возможность и способность реализовать собственную идентичность через формирование комплекса культурно и социально значимых черт, характерных для каждой персоны. На основании пассивного синтеза формируется возможность достигнуть уникальности, неповторимости персональной идентификации нормативности в форме отдельной личности.

Диалог индивидов как личностей есть общение их как реальных культур. Отстраняя себя в производстве культуры, индивид изобретает свое собственное бытие, запечатляя его в произведениях культуры, тем самым формируя то, что он мог бы предложить в качестве уникального, характерного только для него основания для диалога, общения. Так понимаемая личность может существовать и развиваться как личность конкретного индивида только в диалоге, общении только в со-бытии Я и Ты: Я живет в сознании Ты и наоборот. С учетом внутренней речи, в которой возможен диалог автора с самим собой, Я и Ты живут

³²⁵ Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1990. С. 281–282.

³²⁶ Черняк Л.С. Внеаходимость в диалогике: самодетерминация мысли и детерминации неммысленные // Владимир Соломонович Библер. М., 2009. С. 10–128.

в одном сознании и мышлении. На основании взаимопроникновения Я в Ты становится возможным взаимопонимание Я и Другого, личности и социума. Возникает внутренний диалог между индивидуальным и социальным в структуре личности. На основании пассивного синтеза становится возможным достижение взаимопонимания и коммуникации как социального процесса. Непринятие пассивного синтеза делает невозможным коммуникационный процесс. В результате пассивный синтез реализуется в форме наличия и использования множеством личностей как субъектов intersубъективных взаимодействий единого поля значений, норм и принципов существования, что позволяет говорить о генеративности связей социальных субъектов.

Мы видим, что значимым результатом пассивного синтеза оказывается так называемое единое поле значений, которое реализуется в форме коллективного социального начала в персоне. Такое единое поле значений Дж. Мид определил как «Ме» – обобщенный образ социального субъекта, принятый в конкретном сообществе. Вместе с тем, поскольку отклик на перспективы других людей – это отклик личностного горизонта видения, который выступает в качестве сугубо индивидуального центра активности, то личность наряду с коллективным «Меня» включает в себя и творческое измерение, которое Мид называет «Я»³²⁷. Единство двух этих начал выражает процессы социализации в форме приобщения к общим нормам коллективного (в том числе культурного) существования, и индивидуализации. Как итог, персональная идентификация включает в себя результат конформности личности по отношению к обобщенному другому (обществу) в единстве с активной собственной индивидуальной перспективой.

«Меня» содержит в себе включенность личности в историческую и социальную перспективу, поэтому коллективное содержание личности может быть понято как ее включенность в систему генерации. Такая логика позволяет утверждать способность персоны к освоению и воспроизведению

³²⁷ Розентол С.Б. Этическое измерение человеческого существования: прагматический путь Мида за пределами абсолютизма и релятивизма // Вопросы философии. 1995. №5. С. 138.

социокультурного опыта. Оно представляет собой соответствие личности прошлому, нормам и обычаям прошлого, в то время как «Я» как уникальное творческое измерение человеческой деятельности, происходящее в неисчерпаемом настоящем, богатом возможностями, возникающими благодаря аккумуляции прошлого, ориентировано в бесконечное будущее. «Я» понимается в качестве интенционального акта, направленности в будущее, способности и возможности к самотворению.

В результате можно говорить, что процесс нормативно детерминированной персональной идентификации как достижение личностью собственной самоидентичности реализуется на основании диалога как формы идентификации, в котором личность сознает принадлежность к социальности на основании диалога как социальной интеракции и реализует диалоговую форму идентификации на индивидуальном уровне. Таким образом, можно утверждать коммуникационную природу персональной идентификации.

Подводя итоги, можно говорить о том, что проблема персональной идентификации в системе «Я – Другой» может быть решена через признание двух взаимодополняющих оснований: пассивного и активного синтеза нормативных оснований бытия отдельных субъектов. Первый выражается в эндогенной нормативности, второй – в ее экзогенном аналоге. Активный синтез может быть трактован двудеинным образом. Направленный идентифицирующим субъектом на себя, он позволяет определить основные принципы экзогенной нормативности идентификации личности, формируя в ней саму себя. Направленный вовне, то есть на признание Другого, активный синтез оказывается истоком признания внешнего существования субъекта, тела человека. Экзогенная природа нормативности, заложенная в активном синтезе, может сделать невозможным сохранение за конституируемым субъектом личности по причине навязывания модели идентификации конституирующим воспринимающим субъектом.

Пассивный синтез позволяет увидеть в Другом равного субъекта, личность, поскольку содержит в себе эндогенные нормативные основания

совместного бытия, которые позволяют определить общекультурные, цивилизационные, а также иные нормы персональной идентификации. Представленный процесс позволяет каждой личности установить свое место в структуре социальных, культурных, исторических и прочих интеракций, достигнуть персональной идентичности.

Пассивный синтез в системе «Я – Другой» позволяет использовать ресурсы эндогенной нормативности для сохранения общесоциальных оснований intersубъективных отношений. Это дает возможность реализовать персональную идентификацию благодаря сохранению общих принципов совместного существования личностей. Такие нормативные основания приводят к сохранению различных способов и форм коммуникации между Я и Другим в системе intersубъективных отношений. Сохраняются единые значения, принципы и нормы, определяющие возможность взаимодействия и коммуникации между Я и Другим и позволяющие достигнуть персональной идентификации каждым из взаимодействующих субъектов.

Единство эндогенной и экзогенной нормативности дает возможность достигнуть устойчивости процесса идентификации личности, а также избежать множества издержек столкновения интересов социальных субъектов. Такая идея фундирует адаптацию экзогенной идентичности к эндогенному бытию отдельной личности. Таким образом, появляется основание для формирования и реализации коммуникативного процесса между Я и Другим, что фундирует полноценно реализовывать нормативно детерминированный процесс идентификации каждой личности.

Глава 3. Нормативность в практическом бытии личности

§1. Социальные практики и персональная идентификация: нормативное измерение³²⁸

Философское понимание социальных практик представляется важным по ряду причин. Так, понимание места человека в обществе определяется его способностью к практической и преобразовательной деятельности. Устанавливается возможность и способность социального субъекта использовать доступные общественные институты и их ресурсы для оказания воздействия на социальную систему с целью ее изменения³²⁹.

Кроме того, существенным оказывается трансформация самого субъекта хотя бы на том основании, что он является участником общественной интеракции. Значимыми представляются трансформации персональной идентичности, соответствующие историческому и культурному состоянию. Практики, применяемые в процессе общественного взаимодействия, позволяют реализовать в различных формах и способах процесс персональной социализации посредством психологических, традиционных цивилизационных (например, семейных), институциональных, стилизованных (через погружение в культуру или субкультуру), межличностных механизмов социализации³³⁰. Представленный механизм позволяет полноценно реализовать персональную идентификацию, выраженную в нормативно закрепленных формах, и изучать трансформации, происходящие с ней.

Под «практикой» в философии мыслится сугубо человеческий способ влияния на окружающий мир. Содержание данного термина состоит в признании разумности человеческой деятельности, которая своим основанием имеет

³²⁸ В данном параграфе использованы материалы статьи: Ерохин, В.С. Социальные практики и персональная идентификация / В.С. Ерохин // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2021. – № 4. – С. 145–157.

³²⁹ Плотникова Н.М. Социальные практики как средство профессионального воспитания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Том 23. №4. С. 17–21.

³³⁰ Мудрик А.В. Социальная педагогика. М.: Академия, 2000. С. 13–15.

способность субъекта к целеполаганию и осуществлению преобразовательной деятельности, в том числе направленной на самого человека. Понятие «практика» можно отнести ко всему многообразию видов человеческой деятельности и мышления и использовать в различных контекстах философского дискурса для описания:

- любых видов поступка и деятельности вне зависимости от нравственной и социальной оценки проведенного действия. Существенным представляется тот факт, что как позитивные, так и негативные оценочные суждения не являются единственным достаточным основанием, который имел бы принципиальное значение в процессе реализации практик как поступков или видов реализации сущности человека;

- всех возможных проявлений технико-инструментального или практически ориентированного разума, который объединяет в себе различные (нравственные, эстетические, когнитивные) способности разума и рассудка. Важной в данном случае представляется способность человека к реализации в форме практик собственного потенциала, ресурсов персонального и социального существования личности в различных, пусть даже социально неприемлемых формах поведения и действия;

- универсального способа отношения человека к миру, который в обобщенном виде может быть представлен в рамках схемы «цель – средства – результат»³³¹. Способность целеполагания, применение эффективных методов и средств достижения поставленных целей, а также возможность субъекта достижения желаемых результатов отличает практики от всех остальных видов действия.

В научной литературе отмечается, что существует некоторое затруднение в определении сущности понятия «практика». Так, А.В. Дьяков в своем стремлении развить теорию практик утверждает, что не существует четкого рабочего определения понятия «практика», однако имеет место длительный

³³¹ Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 321.

дискурс о практиках, который берет свое начало в античной философии в идеях Аристотеля. Стагирит ввел в использование понятие «праксис», под которым понимается «ценностно ориентированное социальное действие, основанное на личном знании и апеллирующее к фронезису (phronesis) – личной практической мудрости, которая приобретается только путем социального взаимодействия»³³². Формируется социально-этическая концепция практики, развитая в современной философии в философских и социальных воззрениях различных мыслителей, среди которых можно выделить некоторых неомарксистов, М. Вебера и ряда других ученых.

Иным представляется понимание практик в марксизме, в рамках которого разделяется прaxis и практика в собственном смысле этого слова. Под первым понятием мыслится родовая сущность человека, выражающаяся в трудовой преобразовательной деятельности. Таковой, с точки зрения К. Маркса, оказывается «целесообразная предметная преобразующая продуктивная деятельность (Tätigkeit, Thätigkeit), которую он в разных контекстах называет трудом (Arbeit), праксисом (Praxis), практикой (Praktik)»³³³. Праксис в форме труда в концепции немецкого мыслителя выражает родовую сущность человека и субстанцию социального бытия, выраженную в результатах трудовой деятельности, праксисе. Иначе говоря, мыслителем признается, что «любое социально-историческое явление представляет собой либо саму деятельность, либо какой-то ее модус, какое-то ее состояние, какой-то ее результат»³³⁴. Таким образом, утверждается социальное основание практической деятельности как природы человека.

Другое понимание практики позволяет обозначить все материально ориентированные виды человеческой деятельности, в которой раскрывается неотчуждаемая сущность человека и «освобождает человека от репрессии

³³² Дьяков А.А. Практики как предмет социально-философского дискурса // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. №3 (28). С. 209.

³³³ Кондрашов П.Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. №10. С. 71.

³³⁴ Там же.

необходимости, от культурных и природных детерминант»³³⁵. Формируется личностный, экзистенциальный план, основание понимания практик, позволяющий выразить персональную природу отдельного человека в результатах его практической деятельности.

При этом идея диалектики опредмечивания и распредмечивания труда позволяет нам говорить о нормативной природе праксиса в форме способности человека к созидательной деятельности и его возможности соответствующим образом использовать созданный предмет. Таким образом, формируется интерсубъективная природа праксиса, выраженная в том, что для всех участников деятельности создается идентичная значимость созданного предмета в рамках как материальной, так и мыслительной деятельности. Преобразованная в предмет вещь содержит в себе значимое содержание и принципы, нормы взаимодействия с ним. Нормативное основание праксиса реализуется через усвоение схем, а также механизмов совместной и отдельной предметно-орудийной деятельности, на основании которых могут быть сформированы идентичные структуры мышления субъектов социальных отношений.

Итак, можно утверждать, что в философии со времен марксистской традиции можно выделить два вида понимания понятия «практика»: социально-этический, идущий от Аристотеля и выражающий общечеловеческую деятельность природу, и персонально-экзистенциальный, выражающий способность отдельного индивида реализовывать его персональные возможности и способности.

В социальной философии, начиная с XIX в., под практикой понималось «преобразование человеком окружающего мира, деятельность социально-исторического субъекта, устремленная на изменение системы общественных отношений»³³⁶. Исследователи отмечают преобразовательную природу человеческого существа, реализуемую в форме различных практик.

³³⁵ Дьяков А.А. Указ. соч. С. 210.

³³⁶ Родионова В.И. Деятельностный подход и понятие «социальные практики» в современной философии //

Содержание понятия «практика» может быть раскрыто в единстве множества компонентов, среди которых традиционно выделяются:

- регулярная повторяемость тех или иных действий. Такое свойство позволяет говорить об общесоциальной, экзогенной природе практического действия, поскольку возможность повтора практики может быть реализована различными социальными субъектами. Кроме того, представленное свойство дает возможность утверждать наличие способности субъекта действия к целеполаганию, его ориентации на достижение результата, изначально заложенного в практическом действии. Использование уже имеющихся практик как моделей поведения, а также формирование принципиально новых видов деятельности;

- укорененность практических действий в общественной системе. Представленное свойство позволяет говорить о том, что не существует практик вне общественной действительности. Таким образом, утверждается, что практика имеет сугубо социальную природу и может быть реализована исключительно в ней;

- наличие смыслового, содержательного основания практик, значение которых состоит в возможности объяснить способ закрепления того или иного вида практики³³⁷.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что под практикой понимается деятельность, направленная на преобразование окружающей действительности и самого человека. Она имеет исключительно социальную природу, поскольку предполагается возможность и способность человека использовать ресурсы собственного разума для достижения и реализации его преобразовательной активности, основанной на целеполагании и стремлении достигнуть желаемого результата. Кроме того, субъектом любой практики для

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №6 (44): в 2 ч. Ч. 1. С. 171.

³³⁷ Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. С. 8–12.

достижения поставленных целей и результата используются ресурсы общественных связей, отношений и актуальных институтов.

Практика как деятельность человека, направленная на трансформацию действительности, предполагает две стороны жизнедеятельности людей - объективную и субъективную. Первая содержит в себе акцент на социально-этической стороне практического действия и выражается в общесоциальной природе человеческой деятельности. Как следствие, содержание понятия «практика» основано на признании и использовании экзогенной нормативности, поскольку предполагается выражение общесоциальных способов действия. В рамках второй стороны понимания практик утверждается индивидуальная способность человека по совершению практических действий. В данном ракурсе трактовка понятия «практика» фундируется эндогенной нормативностью, поскольку имеется необходимость отражения сугубо персонального способа бытия отдельной личности с ее интенциями и ценностным измерением, закрепленным в нормативной форме.

Представленное понимание сущности практик можно обнаружить в концепции П. Бурдьё, для которого «практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире... Следовательно, можно сказать, что практика является изменением социального мира, производимым агентом»³³⁸. При этом практика не сводится ни к объективному и целенаправленному преобразованию общества как мира, ни к субъективному опыту отдельного человека и его сознания. Практика может и должна трактоваться как событие социального мира, реализованное социальным субъектом, сочетающим в себе оба представленных нормативных основания.

Следует говорить о том, что практики, поскольку имеют социальную природу, нормируют поведение человека в системе интерсубъективных отношений. Это становится возможным благодаря габитусу, который трактуется как «система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и

³³⁸ Шматко Н.А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 552–553.

его представления»³³⁹. Так понимаемый габитус позволяет классифицировать практики и их результаты, что определенным образом позволяет регламентировать, то есть подчинить нормативному измерению, стили жизни субъектов практик.

Габитус трактуется Ю.М. Резником как «способность свободно производить практики, но в то же самое время она образует жесткий каркас, ограничивающий эту производительную способность определенными правилами и процедурами»³⁴⁰. Исходя из такой логики, мы можем утверждать не только о социальной, но и нормативной природе практик, реализуемых личностью как субъектом intersубъективных интеракций. Практики регламентируют общественные формы существования персоны, взаимодействия между индивидами и группами.

Одновременно с этим необходимо говорить о нормативной детерминации практик персонального и коллективного (intersубъективного) поведения. С одной стороны, габитус имеет надиндивидуальную природу, поскольку через подведение под необходимые модели поведения человека унифицируется практическая деятельность индивида. Так понимаемая унификация предполагает использование экзогенной нормативности. Вместе с тем интериоризация таких норм может считаться основанием для возможности формирования индивидуальных практик через закрепление в мировоззрении человека приемлемых моделей поведения.

Последний процесс имеет собственный механизм формирования, результатом которого становится эндогенная нормативность. В рамках психологических исследований рядом мыслителей (Л.С. Выготский, О.В. Лысун, В.А. Момов и некоторые другие) обозначается идея о развитии эндогенной нормативности на основании передачи и усвоения социального опыта. В рамках идей Л.С. Выготского отчетливо утверждается, что развитие нормативности в онтогенезе определяется психическими функциями. Так, более простые функции

³³⁹ Цит. по: Резник Ю.М. Человек и его социальные практики // Интелрос. 2008. №4/6. С. 85.

³⁴⁰ Там же. С. 85.

(например, память и ориентировка в пространстве) вызревают раньше. Поскольку межличностное общение является одним из необходимых условий развития нормативности, интерпсихические и интрапсихические процессы становятся основанием становления человеческой психики. Как итог, воспитание и обучение формами сознательно направляемого воздействия на процесс социализации личности.

Ученые утверждают, что развитие нормативности детерминировано усвоением социального опыта, что в разных возрастных группах реализуется по-разному. Так, в детстве формирование эндогенной нормативности связано с аффективным (эмоциональным) переживанием ситуации. Закрепление нормы осуществляется через связь внешних факторов и внутренних переживаний ситуации³⁴¹. С развитием и взрослением человека происходит переход от эмоциональной стороны восприятия ситуации и основанного на ней закрепления эндогенной нормативности к функции мышления и рефлексивному восприятию требований общества, системы эталонов и мер для оценки Другого. Такие требования транслируются через устойчивые образы взрослых (например, родителей или учителей) и формируют рефлексивное основание эндогенной нормативности.

Как следствие, в процессе социализации и инкультурации закрепляются ценные модели поведения, которые впоследствии трактуются как нормальные, то есть подчиненные заложенной норме. Нормативность становится эндогенной, когда знание о нормальном (социально приемлемом, ценном) воспринимается человеком как нечто «свое», то есть адресованное лично ему (его большой или малой социальной группе)³⁴². Только после этого становится возможной реализация всех возможных, в том числе хабитуальных, практик.

Видовым по отношению к понятию «практика» является термин «социальная практика» за счет указания признака общественно-исторической и

³⁴¹ Нурмухаметов Э.А. Постановка и анализ проблемы нормативности в онтогенезе // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. Т. 5. № 2. С. 96–102.

³⁴² Востриков И.В., Сулимов С.И. Проблема структуры мировоззрения // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №1. С. 148–149.

культурной ориентированности. В научной, социальной и философской литературе, в том числе в различных трудах отечественных и зарубежных исследователей в классической философской мысли, распространена идея о том, что понятие «практика» позволяет описать в значительной степени трудовую преобразовательную активность человека.

Понятие «социальная практика», как справедливо показывает В.И. Родионова³⁴³, расширяет методологический и эвристический потенциал понятия «практика» путем ее адаптации к повседневности. Социальные практики могут включать в себя не только трудовые, но также и познавательные, речевые, коммуникационные и множество других феноменов. Именно ориентация на повседневность позволяет в современной постнеклассической социальной мысли использовать данное понятие.

Поскольку понятие «социальная практика» является видовым, свойство рациональности представляется существенным для его содержания. Общественная и практическая ориентированность рациональности социальных практик может быть интерпретирована как основание принципа предопределенности знания его социальным и культурным окружением, а также ценностными предпочтениями субъекта деятельности³⁴⁴. В научной литературе утверждается, что принципиальным является необходимость влияния различных событий на конкретное принятое решение и, как следствие, реализованное действие, социальную практику. Формируется, таким образом, идея взаимного влияния объективного и субъективного в социальной практике как деятельности личности – субъекта социальных взаимодействий.

Значимой в понимании сущности социальных практик представляется возможность применения принципов рационального и практического действия в социальной, политической, экономической деятельности и знании. Речь идет не

³⁴³ Родионова В.И. Деятельностный подход и понятие «социальные практики» в современной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №6 (44): в 2 ч. Ч. 1. С. 170–173.

³⁴⁴ Лубский А.В. Постнеклассическая рациональность и неклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Научная мысль Кавказа. 2015. №1. С. 21–30.

только о возможности реализовать рациональный метод в сфере социальных и гуманитарных наук, но также и в области повышения эффективности деятельности субъекта социальной интеракции.

Имеет смысл утверждать, что социальные практики основаны на принципе рациональности человека, который ориентирован на необходимые социальные нужды. Такой характер социальных практик в рамках постнеклассического их понимания представляет собой основание реализации практической деятельности человека и общества. В процессе совершения целесообразной деятельности личность может быть трактована «как узловой пункт соотношения природы и очеловеченной природы»³⁴⁵. Таким образом, формируется связь человеческой (как культура и общество) и естественной (как Вселенная) природы. Культура и общество в таком случае могут быть поняты как раскрытая книга человеческих сил и возможностей, хотя бы на том основании, что в них каждый из субъектов культурных и социальных интеракций реализует себя в наиболее эффективных формах и способах самореализации. Как следствие, социальные практики, основанные на рациональности человека, ориентированной на повседневность, выражают возможность продвижения рациональных условий социального и персонального бытия личности как идентифицирующего субъекта.

Говоря конкретнее, рациональность общественно ориентированного практического субъекта, имея социальную природу, предполагает необходимость самореализации в общественной системе и множестве социальных интеракций. П.П. Гайденко писал, что «вопрос о природе рациональности – не чисто теоретический, но прежде всего жизненно-практический вопрос. Индустриальная цивилизация – это цивилизация рациональная, ключевую роль в ней играет наука, стимулирующая развитие новых технологий»³⁴⁶. Представленную логику можно пролонгировать на

³⁴⁵ Мендрул М.Ю. Рациональность в контексте познания, науки и культуры // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnost-v-kontekste-poznaniya-nauki-i-kultury/viewer> (дата обращения: 10.10.2025)

³⁴⁶ Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 9.

постиндустриальное и цифровое общество, а также общество знания, в каждом из которых рациональность субъектов персональной идентификации оказывается определяющим принципом социальных практик участников социальной интеракции. Кроме того, качество такого взаимодействия находится в зависимости от степени эффективности применения в повседневной жизни принципа рациональности в форме использования различных видов техники и технологий.

В современной литературе отмечается дискуссия о формах и приемах применения рациональности как свойства личностей – субъектов социальных практик. Среди прочих выделяется:

- формирование способности практического субъекта к целеполаганию и выбору наиболее эффективных методов достижения поставленной цели. Рациональность личности как субъекта социальных практик позволяет достигать поставленных целей наиболее эффективными и полезными методами и путями;

- реализация соотношения повседневной деятельности и системы ценностей, которая определяет принципы познавательной и социально ориентированной деятельности. Такие ценности определяют возможность совершения общественно приемлемых и эффективных моделей поведения личностей как участников социальной интеракции;

- формирование нормативного и методологического основания получения знаний об условиях социального бытия и возможности применения социально приемлемых практик и моделей поведения³⁴⁷. Некоторыми исследователями утверждается, что рациональность личности представляет собой совокупность правил и норм, определяющих принципы функционирования принятых форм получения знаний, которые воспринимаются сообществом в качестве научных, социально приемлемых и эффективных.

Можно сделать вывод о том, что социальные практики нормируют деятельность личности через реализацию принципа рациональности социальной

³⁴⁷ Агафонова Т.П. Право и рациональность // Философия права. 2010. №5 (42). С. 29.

интеракции. Такой принцип позволяет достигнуть высокой эффективности деятельности личности в общественном взаимодействии, ее способности к целеполаганию, выборе персоной правильных методов достижения результата.

В данном случае следует говорить о том, что принцип правильности в использовании методов достижения результатов деятельности детерминруется двумя факторами. Один из них детерминирован экзогенной нормативностью, которая определяет возможность использования совокупности моделей поведения (практик), приемлемых в конкретной социальной системе. Будучи внешней по отношению к отдельной персоне, экзогенная нормативность закрепляет требование к личности по ее применению разрешенных и поэтому ценных практик. Другой фактор «правильности» использования методов достижения результатов связан с использованием эндогенной нормативностью, которая в свою очередь основана на интериоризации, усвоении схем мышления, связанных с практиками. На основании эндогенной нормативности формируется габитус, который впоследствии становится основанием поведения (практик) человека и личности.

Рациональная природа социальных практик дает возможность адаптации, согласования экзогенных требований к поведению персоны с эндогенными нормативными основаниями социального бытия субъекта интеракции. Это способствует актуализации выбора социально и персонально эффективных форм взаимодействия между участниками общественной динамики за счет выбора актуальных моделей повседневного поведения.

В наиболее общем виде термин «социальная практика» выражает совокупность способов существования социальной действительности, проявляющих себя в многообразии общественных сфер деятельности человека. Вместе с тем данный термин выражает различные формы воспроизводства социальности в повседневной жизни человека. Содержание понятия «социальная практика» включает два компонента: индивидуальный, позволяющий обозначить высокую роль человеческой деятельности как отдельного социального существа, и социальный, в рамках которого демонстрируются

социальные условия реализации деятельности человека. Первый трактуется нами через понятие «эндогенная нормативность», второй – через понятие «экзогенная нормативность».

В рамках своего социального компонента термин «социальная практика» может быть понят как вид регулярно повторяющихся действий, разделяемых субъектами интерсубъективной интеракции и значимых для всего сообщества. Отображается реальное соотношение сил между материально-экономическим и коммуникативно-символическим началами социума³⁴⁸. Как следствие, социальные практики выступают в качестве основания существования общества и средства его трансформации, поскольку обладают актуальными ресурсами в виде множества общественных институтов, субъектов и отношений³⁴⁹, позволяющих реализовать поставленные цели и задачи, а также основаны на рациональном использовании имеющихся ресурсов. Таким образом, социальные практики являются выражением экзогенной нормативности, поскольку в них институциализируется совокупность внешних требований по использованию личностью коллективно значимых ресурсов, что приводит к закреплению в бытии персоны общественно ценных моделей поведения.

Индивидуальный компонент социальных практик изучается в идеях П. Бурдьё, который определял данное понятие как любое проявление личности в обществе. Понятие «социальные практики» трактуется ученым как способность социальных агентов, в нашем случае – личностей, соотносить собственное поведение с имеющимися представлениями об общественном устройстве и корректировать его в случае необходимости. Полагается необходимость нивелирования расхождения между экзогенной и эндогенной нормативностью с целью выработки социально приемлемого, но дающего возможность полноценной самореализации поведения. На таком основании социальные практики оказываются индикатором социально приемлемых моделей поведения

³⁴⁸ Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. С. 8–12.

³⁴⁹ Резник Ю. Человек и его социальные практики // URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf (дата обращения: 10.10.2025)

и могут быть поняты как средство приспособления, адаптации к обществу³⁵⁰. В этом смысле социальные практики являются выражением эндогенной нормативности.

Кроме того, индивидуальный компонент социальных практик реализуется в способности персоны изменять социальный мир, совершая повседневные поступки³⁵¹. Используя ресурсы габитуса как совокупности правил и процедур, которые ограничивают производительную и преобразовательную деятельность социального субъекта, персона свободно формирует и реализует практики таким образом, чтобы максимально выразить собственную идентичность. Габитус, будучи множеством устойчивых структур, правил и норм, формирующих персональные социальные практики и представления агентов интересубъективных интеракций, регламентирует социальные практики как результат деятельности персоны. Как следствие, процесс ее социализации реализуется через способность личности создавать и реализовывать такие модели поведения, которые бы отражали ее интересы и осуществлялись социально приемлемыми способами.

Можно утверждать, что на основании экзогенного компонента практик персональной идентификации формируется совокупность общих норм, интегрирующих человека в структуру общественных связей и отношений. Эндогенный компонент нормативности социальных практик позволяет сформировать каждой персоне уникальный проект нормативной системы, идентифицируя себя с которой личность формирует неповторимый мир собственных приоритетов. Как итог, габитус выражает совокупность социально приемлемых практик и принципов поведения, которые могли бы быть использованы для достижения личностью эндогенных оснований персональной идентификации, в полной мере выражающих ее сущность.

³⁵⁰ Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 276–280.

³⁵¹ Шматко Н.А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 548–562.

Объединяя два компонента социальных практик, можно утверждать, что общество как система и входящие в него институты могут быть поняты как объективированный продукт социальных практик, организующий повседневную жизнь людей. Социальные практики для Э. Гидденса оказываются основанием для совместного творения как личности, так и общественного устройства³⁵², поскольку прикреплены к определенному социальному, культурному, историческому, пространственному и временному фону.

Очевидным представляется единство экзогенных и эндогенных нормативных оснований практического поведения индивида и форм его действия отдельного субъекта intersубъективных отношений. Общество в таком случае может быть понято как синергетическая социальная практика, для которой характерны отработанные отношения взаимной зависимости индивидов и групп. Учитывается наличие границ и свойств такой социальной практики, которые обусловлены признаками активного актора связей и отношений, а также мира, который он пытается изменить. Существенными представляются такие свойства, как объяснимость практик, их наблюдаемость и сообщаемость, рефлексивный характер практик. На этом основании следует с уверенностью утверждать рациональную и коммуникационную природу социальных практик, позволяющую личностям вступать в социальную интеракцию и активно взаимодействовать с Другими.

Значимым представляется утверждение о том, что экзогенная природа социальной практики состоит в воспроизводстве рутинных общепринятых действий, реализуемых привычным (то есть закрепленных в социально приемлемых формах персонального действия) способом в процессе ежедневной деятельности персоны. Доминирующей целью такого процесса оказывается унификация, упрощение социального бытия персоны, что, как нам представляется, может быть основанием и содержанием повседневности. Габитус предполагает постоянную основу для воспроизведения человеческой

³⁵² Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2003. С. 15–17.

деятельности с максимальным уменьшением затрат и институционализацией³⁵³, поэтому он может мыслиться как средство повышения эффективности человеческих действий и социальных практик.

Вместе с тем социальные практики могут быть поняты в качестве результата формирования совместной деятельности людей, цель которой – изменение качества жизни персон в соответствии с интенциями личностей как субъектов социального взаимодействия, а также имеющихся у них ресурсов. В таком случае возможным становится компромисс между пониманием практики как выражения экзогенной и эндогенной нормативности. Наличие хабитуальных оснований поведения индивида в обществе, хоть и дает ему основание для типичных действий, но тем не менее не ограничивает возможность и способность индивидуального субъекта реализовывать себя в качестве уникального неповторимого актора социального взаимодействия.

Персональная идентичность выражается в совокупности социальных практик, которые представляют собой институционализированное выражение персональных интенций. Эндогенная нормативность, выражающая формы и способы проявления личностной идентичности, закрепляется в экзогенной форме как совокупности способов социального бытия участников социальной интеракции, возможных в определенных условиях и на определенном временном отрезке³⁵⁴. На таком основании становится актуальной способность, а также возможность личности сформировать персонально ориентированные социальные практики, позволяющие идентифицировать себя как самостоятельного субъекта с имеющимися ресурсами и интенциями. Социальные практики могут быть интерпретированы как совокупность умений, а также телеологической деятельности, с помощью которых человек получает возможность реализовать себя в определенном социальном качестве.

³⁵³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. С. 89–92; Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 277–278.

³⁵⁴ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 22.

Хабитуальные основания поведения личности имеют двойственную природу. С одной стороны, они индивидуальны и позволяют унифицировать, стандартизировать необходимые ее модели поведения для облегчения социального существования и формирования коллективных, общественно приемлемых и принимаемых в коллективе нормативного измерения персональной идентификации. Вместе с тем хабитуальные основания практической деятельности индивида оставляют возможность формирования индивидуальных практик, выражающих субъективные элементы персональной идентификации.

Амбивалентный характер социальных практик проявляет себя в способности личности понимать содержание реализуемых процессов, определяющих специфику развития и функционирования конкретного общества в целом на данном историческом этапе и на фоне конкретной культуры. Эндогенная нормативность измерения практик персональной идентификации суть выражение усвоения требований социума к личности, а также к реализуемым ею практикам, институционализированным в экзогенной форме. Так понимаемые социальные практики персональной идентификации демонстрируют основные способы социального существования, допускаемые в конкретных культурно-исторических условиях. В этом отношении социальные практики могут быть поняты как упорядоченные совокупности навыков деятельности, которые позволяют раскрыть возможности человека состояться в конкретной форме персональной идентификации³⁵⁵.

Исходя из представленного утверждения, можно сделать вывод о том, что социальные практики, объединяя в себе экзогенную и эндогенную нормативность и являясь их следствием, становятся областью достижения социально приемлемых форм реализации персональной идентичности. Техническое перевооружение общества, как мы показывали ранее, влияет на все

³⁵⁵ Волков В.В., Хархордин О.В. Указ. соч. С. 22.

виды совершаемых человеком практик и, как следствие, на нормативное измерение социального бытия личности.

В философской, социальной и гуманитарной мысли выделяется несколько тенденций трансформации социальных практик и соответствующих им форм персональной идентификации. К таковым можно отнести стандартизацию, массовизацию социальных практик, а также их симулякризацию. Каждая из них определяет одно из направлений изменения социальных практик персональной идентификации. В литературе отмечается множество субъективных (например, потребность в комфортном образе жизни)³⁵⁶ и объективных (техническое и технологическое перевооружение общества) причин³⁵⁷. Появляется социальный запрос на адаптацию персоны и ее идентичности к многообразным социальным изменениям. Одним из значимых ответов на ускоряющуюся технизацию общества становится стандартизация и упрощение социальных практик, которая дает возможность организовать социальную жизнь, эффективно достигать поставленных целей, удовлетворять потребности людей в хабиитуализации, понимании и толковании происходящего. Они позволяют творить и воспроизводить устойчивый порядок, дают ощущение стабильности и безопасности.

Упрощение социальных практик в повседневных практиках осуществляется в форме их стандартизации и архаизации через институционализацию деятельности личности как участника социальной интеракции. Деятельность персоны подводится под множество экзогенных норм, прошедших процесс интериоризации и по этой причине укорененных в общественном сознании. Постоянное использование таких норм приводит к их хабиитуализации, что в свою очередь фундирует реализацию устойчивых форм совместной деятельности людей. Таким образом, экзогенная нормативность переходит в

³⁵⁶ Николенко Н.А. Общественное мнение и социальные практики: причины трансформации в современном обществе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Филос. 2012. №3 (18). С. 188–195.

³⁵⁷ Зотов В.В. Становление информационно-коммуникативной среды как основание общественных трансформаций // URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/4-2008-2/zotov.pdf (дата обращения: 10.10.2025)

эндогенную, что становится основанием достижения возможности использовать побудительные мотивы поведения личности³⁵⁸, соединения в социальных практиках двух видов нормативности и, как следствие, реализации эффективного воспроизведения социально значимых моделей персональной идентификации.

Следует говорить о том, что стандартизация социальных практик детерминирована экзогенной нормативностью в том смысле, что общество как система формирует общие (стандартные) схемы (или нормы) общественной интеракции для моделирования поведения субъекта взаимодействия. Такие требования усваиваются (интериоризируются) личностями, что приводит к достижению единых моделей поведения.

Стандартизация социальных практик дает возможность достигнуть структурирования ролевого поведения персоны в различных областях ее поведения, что позволяет сформировать более предсказуемое поведение личностей как социальных субъектов, а значит, дает дополнительные ресурсы для контроля и управления субъектами социальной интеракции³⁵⁹. Вместе с тем стандартные социальные практики обезличиваются и не позволяют в полной мере выразить персональные свойства персоны. Именно в этом смысле экзогенная нормативность мыслится нами как то, чему персона вынуждена подчиняться, даже в тех случаях, когда требования не отражают ее интенции при формировании персональной идентичности.

Явной формой стандартизации социальных практик персональной идентификации выступает массовизация культуры, в которой тиражируются стандартные модели социального существования человека. Широкой аудитории предлагаются шаблоны типичного социального действия, которые воспринимаются как легитимные и оттого доступные.

³⁵⁸ Журавлева И.А. Институционализация социальных практик и трансформация социальных институтов в обществе знаний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №7. Ч.2. С. 77–82.

³⁵⁹ Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном обществе // Историческая психология и социология истории. 2013. №2. С. 29–45.

В наиболее яркой форме идею массовизации общества и сопутствующую ей типизацию социальных практик персональной идентификации предложил испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, который в своей философской системе обратил внимание на вопрос о сущности техники, которая трактуется как средство сокращения количества усилий человека, используемых для поддержания собственного существования, и как то, что позволяет снять часть нагрузки на человека, добиться удовлетворения минимальных потребностей минимальной ценой. Техника есть, по мысли ученого, выражение избыточности человека, что обеспечивает каждому из нас способность не зависеть от природы³⁶⁰.

Из процесса создания техники философ выводит понятие «изобретенная жизнь», смысл которого состоит в том, что человек, избавляя себя от повседневных затрат и перекладывая стандартные действия на технику, сохраняет для себя огромное количество свободного времени. Однако мыслитель «констатирует кризис современной цивилизации и в частности европейского общества. Это он объясняет главным образом технизацией всех сторон общественной жизни, которая отчуждает человека от его человеческой сущности и распространяется на все сферы человеческой деятельности»³⁶¹. Технические средства, хоть и освобождают для человека много времени для творческой деятельности, тем не менее настолько ставят человека в зависимость от себя, что он прекращает всяческие преобразовательные процедуры. Человек прекращает творить, ослабляется его «жизненная программа»³⁶², способность персоны приспосабливаться к любым условиям своего существования.

В качестве наиболее значимых причин массовизации, таким образом, выделяется наличие излишков, которые за счет стремления человека к комфорту

³⁶⁰ Демин И.В. Ортега-и-Гассет об экзистенциальных предпосылках современной техники // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. №9 (111). С. 28–31.

³⁶¹ Титов В.Ф. Футурологические идеи Хосе Ортеги-и-Гассета // Философия и общество. 1998. №5. С. 202.

³⁶² Соловьева С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара: Самарский университет, 2009. С. 203.

уничтожают в нем стремление к созданию чего-то нового, а также бурная технизация общества.

Именно по этой причине идея массовизации практик персональной идентификации следует трактовать не только и не столько как отсутствие способности субъекта к преобразовательной деятельности вовне, т.е. трансформации окружающей первой и второй природы. Речь идет об утрате человеком собственной конструктивистской природы, неспособности создавать себя, собственную идентичность. Процесс стандартизации, доведенный до формы массовизации, предполагает замену эндогенной нормативности ее экзогенным «собротом». Персона перестает ориентироваться на собственные интенции, используя только те нормативные основания персональной идентичности, что предлагаются извне.

Как следствие, под массовым человеком можно понимать множество среднестатистических людей, объединенных между собой определенными связями³⁶³. Человек массы сводит себя и окружающих к простейшим действиям, реакциям, мыслям, его цели, даже образ жизни стандартизированы до такой степени, что невозможно определить его уникальность и самостоятельность. Понятие «масса» в понимании Х. Ортеги-и-Гассета выражает психологическую установку на стереотипные механизмы мышления и деятельности³⁶⁴. Меньшая часть современного общества воспринимается в качестве «избранного творческого меньшинства», способного формировать уникальные результаты деятельности, большинство же не способно на это³⁶⁵.

Таким образом, стандартизация образа жизни и социальных практик приводит к формированию стереотипных моделей поведения, которые принимаются массами на основании стадного инстинкта, психологии толпы. Суть последней определяется ориентацией на экзогенную (навязанную извне) нормативность, исходящую из неспособности к преобразовательной

³⁶³ Алексеев Н.А. Ортега-и-Гассет о человеке в массовом обществе // Вестник ТГПИ. 2010. №2. С. 5–8.

³⁶⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 11–209.

³⁶⁵ Пащак И.В. Представление Х. Ортеги-и-Гассета о современной европейской культуре и проблема социальных отношений // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. №4-4. С. 27–30.

самостоятельной деятельности, созданию себя. Как итог, технологическое перевооружение общества приводит к трансформации социальных практик персоны в виде стандартизации и массовизации действий личности. Такие социальные практики нормируют персональное бытие человека, поскольку определяют на повседневном уровне механизмы его существования. Отметим негативные последствия стандартизации и массовизации социальных практик и соответствующим им формам персональной идентификации: личность более не является уникальным проектом, самостоятельно определяющим собственное бытие, а оказывается проектом общества как Другого.

Значимой тенденцией трансформации социальной практики персональной идентификации является ее виртуализация, суть которой состоит в переходе идентифицирующего субъекта из стремления достигнуть физическую самотождественность в область цифровой формы тождества себя. Понятие «виртуальная идентификация» можно определить как способность субъекта отождествить себя с набором текстовых, графических и аудиокомпонентов, которые определяют свойства личности в онлайн-среде. Главная цель виртуальной идентификации состоит в самопрезентации персоны и отражении ее реальных характеристик в виртуальном мире в глобальной сети Интернет³⁶⁶.

В широком смысле актуальным становится противостояние виртуального материальному, а также реализация процесса персональной идентичности в форме символических и коммуникативных действий. В узком смысле практику виртуальной персональной идентификации можно трактовать как отождествление себя с комплексом знаков, существующих «в электронной среде, которая выступает носителем-субстратом этих знаков»³⁶⁷. Важным является утверждение некоторых ученых о том, что сама форма виртуального существования личности имеет скорее функциональное значение, поскольку

³⁶⁶ Погорелов Д.Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2020. №4. С. 262–263.

³⁶⁷ Мамедов А.К., Коркия Э.Д. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития. 2017. №2. С. 10.

субъект социальных отношений может выполнять роль киберсубъекта, не имеющего физического воплощения.

Виртуальная персональная идентификация базируется на стандартных основаниях, нормах и компонентах сети Интернет и регламентируется соответствующим интерфейсом. Заметим, что данная тенденция сродни стандартизации и массовизации в том смысле, что предполагает опору персональной идентификации на экзогенной нормативности. Однако ее специфика определяется техническим регламентом использования средств массовой информации (в частности, сети Интернет), что подчиняет себе эндогенную нормативность персональной идентичности.

В некоторых научных разработках отмечается позитивное значение виртуальной идентификации как социальной практики на том основании, что цифровая среда (например, социальные сети) предоставляет множество возможностей для самореализации, которых нет в реальном мире, что служит основанием для более полного развития «идентичности личности как комплексного представления о собственной личности в контексте принадлежности к различным социоэкономическим, национальным, религиозным, профессиональным группам»³⁶⁸. К возможностям социальной практики виртуальной идентификации можно отнести:

- значительное расширение спектра возможности идентификативных практик, дающих возможность сконструировать себя из множества социальных «масок» благодаря снятию культурных рамок;
- редукция личности к тексту, то есть к бестелесности и онтологической незавершенности, предполагающей постоянное становление самого себя;
- повышение роли вербальной коммуникации и сведение практики невербального общения через использование различных эмодзи.

Вместе с позитивными возможностями виртуальной персональной идентификации можно говорить о негативной ее стороне. Так, возможная утрата

³⁶⁸ Погорелов Д.Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2020. №4. С. 263.

корреляции с физическим воплощением виртуального субъекта дает повод для беспокойства о сохранности физического, социального и прочего существования персоны, поэтому требует гарантий, служащих основанием для подтверждения человечности в виртуальном субъекте, а также его способности участвовать в социальных связях и отношениях. Одним из методов верификации тождества виртуальной и физической личности может стать комплекс биометрических информационных технологий, позволяющих подтвердить аутентичность личности как виртуального субъекта путем использования качественных входных данных, среди которых выделяются оцифрованные биометрические характеристики человека³⁶⁹.

Такие основания верификации виртуальных социальных практик персоны материальными основаниями ее существования влекут за собой трансформацию юридических способов подтверждения виртуальной персональной идентификации личности. В специальной юридической литературе отмечается, что таковым может стать использование введенной в оборот в Российской Федерации в 2013 г. универсальной электронной карты, заменяющей по своему функционалу ряд привычных документов, а также электронного паспорта как средства электронной идентификации личности гражданина и платежного документа. Подобная процедура осуществляется благодаря встроенному микрочипу и содержащейся на нем визуальной и электронной информации о персональных данных владельца, в том числе с описанием его биометрических данных: результатов дактилоскопических исследований, рисунка радужной оболочки глаза, анализа ДНК-исследования, роста-весовых показателей человека и иных его антропометрических данных³⁷⁰. Наличие таких технологий персональной идентификации и верификации личности как субъекта социальных связей и отношений дает персоне возможность реализовать право на получение государственных и муниципальных услуг и услуг иных организаций

³⁶⁹ Маркелов К.С. Идентификация и верификация личности – комплексная биометрическая информационная технология // *International Journal of Open Information Technologies*. 2015. Vol. 3. No. 5. P. 12–19.

³⁷⁰ Головин Е.Г., Большакова В.М. Электронная идентификация личности гражданина: за и против // *Власть*. 2014. №8. С. 33–36.

в цифровой форме и без привязки к физическому месту пребывания субъекта-заявителя.

Вместе с тем хранение столь важной информации о биологических, естественных и гражданских свойствах и правах человека на электронном носителе ставит под угрозу правовое положение гражданина и личности, поскольку оказывается возможным манипулирование и подделка официальных данных о нем как субъекте правовых взаимоотношений.

Вызывает опасения невозможность реализации принципа свободы личности и ее убеждений. Становятся возможными:

- массовое вторжение государства в личную жизнь граждан. Невозможным становится сохранение конфиденциальной информации обо всех сторонах жизни человека. Достаточно простым оказывается отслеживание всех сторон жизни человека: начиная от его перемещения, совершения им покупок и заканчивая принципиальными для жизни персоны социальными практиками;

- трансформация роли человека в обществе и системе социальных практик. Его социальное благополучие ставится в зависимость от электронного идентификатора, который в перспективе может стать единственной возможностью для совершения юридически и социально значимых действий. Социальное бытие человека определяется наличием, корректным функционированием и безопасностью такого идентификатора, а значит, потенциальное его использование влечет за собой тотальное подчинение личности как субъекта общественных отношений;

- отсутствие полной гарантии защищенности персональных данных, что не способствует перспективам планирования сколько-нибудь социально важных форм персональной идентификации и реализации социальных практик. Более перспективным становится совершение таких социальных практик, которые можно признать симулятивными и обеспечивающими хоть какую-то, пусть и невысокую, степень безопасности персонального и социального бытия персоны.

Как итог, можно говорить о том, что тенденция виртуализации социальных практик персональной идентификации представляет собой переход к цифровой

самотождественности персоны с набором соответствующих признаков, отличающих конкретную личность. Цифровая идентификация содержит в себе множество знаков, отражающих возможности цифрового функционирования отдельной персоны.

Тенденция виртуализации функционирует на основании норм и принципов компонентов сети Интернет. Принципиальным для нас является положение о доминировании экзогенной нормативности (выраженной в совокупности технических и связанных с ними норм) над экзогенной системой норм. Такое положение дел предполагает необходимость адаптации в форме подчинения вторых над первыми, что в определенной степени ставит под угрозу возможность формирования и достижения сугубо персональной идентичности.

К позитивным сторонам виртуальной идентификации можно отнести предоставление личности таких возможностей для самореализации, которые дополняют физическую, реальную самотождественность. Существует фундаментальная возможность дополнения себя желаемыми принципами (а значит – и свойствами) существования. Негативная сторона виртуализации персональной идентификации состоит в возможности утраты субъектом связи с реальной самотождественностью и потери социальных и гражданских свойств. Необходимой является верификация цифровой персональной идентификации юридически приемлемыми документами. Возможным становится утрата персоной частной жизни, зависимость ее социального бытия от электронных носителей и идентификаторов, а также недостаток защищенности персональных данных личности как субъекта социальных связей и отношений.

Внедрение в повседневность новых технологий имеет ряд последствий, среди которых значимым для нас представляется возможность создания симулякров, под которыми понимается ложный знак, заменяющий что-либо. Такой знак, как замена реальности, содержательно сконструирован как привлекательный символический объект, который ориентирован на

удовлетворение потребностей потребителя³⁷¹. Симулякр как символ трактуется в научной и философской литературе как ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе в качестве его заменителя. Ж. Бодрийяр указывает на наличие нескольких уровней существования симулякров в истории: подделка, производство и непосредственно сама симуляция. Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности³⁷².

Являясь по своему содержанию знаком, симулякр должен пройти несколько стадий своего существования. Сначала он выражает сущность предмета, который обозначает. Далее в симулякре происходит маскировка, сокрытие наиболее значимых элементов и свойств предмета. Следующий шаг – маскировка отсутствия реальности, что приводит к полному разрыву с реальностью, обозначаемым предметом. Симулякр как обозначающее приобретает свой подлинный смысл, поскольку обмен информацией между обозначающим (симулякром) и обозначаемым (реальностью, предметами) прекращается.

Значимой для возможности претворения процесса симуляции в современном обществе представляется способность контролировать временную (историческую, биографическую) характеристику существования предмета, в нашем случае – персоны. В.И. Демченко справедливо отмечает, что симулятивной становится темпоральная характеристика воспроизводства самого себя³⁷³ хотя бы на том основании, что историческая перспектива отдельной личности в форме ее биографии может быть понята как критерий подлинности смысла и достоверности существования феномена культуры, общества и личности: «история – основа, однажды заложенная, связь, с которой мы

³⁷¹ Демченко В.И. Симулякризация социокультурного пространства // Вестник Ставропольского университета. 2009, №61. С. 111–119.

³⁷² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 179 с.

³⁷³ Демченко В.И. Симулякризация социокультурного пространства // Вестник Ставропольского университета. 2009. №61. С. 111–119.

сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека»³⁷⁴. Нарушение, разрыв исторической перспективы как биографии персоны могут привести к искажениям, симуляции реальности и персональной идентичности личности.

Не менее важной видится возможность контроля над исторической памятью, основной функцией которой является категорирование самоидентификации определенного сообщества через подчеркивание отличий от остальных сообществ и преуменьшение возможных разногласий внутри него самого. Более того, благодаря событиям, запечатленным в ней, достигается единение социальной общности и личности как ее отдельного субъекта³⁷⁵. Происходит выстраивание определенной конфигурации памяти в отношении исторического прошлого субъекта.

В рамках современного общества симулякра персоне не предоставлено иной реальности, кроме той, что окрашена в идеологические тона и вписана в самую его суть³⁷⁶. Симулякр становится общим правилом универсума, а реальность – скорее исключение. Иллюзия сопротивляется объективности реальности и ее объективации, в равной мере как это же делает и реальность, борясь с мистификацией и иллюзорностью. Status понимается как равномерность иллюзии и реальности, причем «чрезвычайные явления» становятся имманентными свойствами реальности. Более того, такие явления могут быть эффективно использованы для искажения действительности и формирования определенных социальных практик и, как следствие персональной идентификации личности.

В философской литературе предлагается идея дистрибуции социальных практик и реализации концепта социальной инженерии для организации принципов коллективного и персонального бытия отдельной личности в

³⁷⁴ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 240.

³⁷⁵ Аникин Д.А. Ментальная топология города: пролегомены постструктуралистского подхода // Жизнь: бытийственный, ценностный и аксиологический аспекты: Сборник статей молодых ученых. Саратов, 2008. С. 3–8.

³⁷⁶ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

обществе симулякра. Некоторые ученые как прикладной экономической, так и общепсихологической направленности утверждают, что дистрибуция социальных практик и соответствующих им форм персональной идентификации предполагает необходимость управления каналами сбыта актуальных социальных практик, позволяющих акцентировать внимание на процессе управления персональной идентификацией личности как социального товара.

Наличие таких каналов определяет использование нормативных оснований трансляции симулякра: определяющей оказывается именно экзогенная нормативность, позволяющая создать необходимый образ индивидуального и/или коллективного «мы». Такой образ становится базисом для усвоения персоной социально приемлемых нормативных требований, что приводит к трансформации форм персональной идентичности.

В рамках представленной системы необходимо контролировать процесс дистрибуции и осуществлять «отбор, мотивацию участников, а также контроль и оценку качества их работы»³⁷⁷. Подобному управлению поддается контекст социальных практик, что позволяет формировать общие тренды действий субъектов социальной интеракции. Формально главной целью дистрибуции каналов социального взаимодействия персон является «достижение выигрышной ситуации для всех участников – отношений, ведущих к кооперации и бесконфликтности»³⁷⁸, однако не существует однозначных гарантий того, что данные действия не будут направлены во благо интересов всего общества.

Исходя из такой логики, общество как Другой по отношению к личности осуществляет активный синтез, цель которого – навязывание готовых нормативных схем персональной идентификации через управление социальных практик отдельной личности. Таким образом, реализуется так называемая социальная инженерия, причем за всю историю философской, социальной и гуманитарной мысли предлагалось множество механизмов ее применения.

³⁷⁷ Давыдов Р.М. Эффективное управление дистрибуцией // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. Выпуск 12 (56). С. 404.

³⁷⁸ Давыдов Р.М. Эффективное управление дистрибуцией // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. Выпуск 12 (56). С. 404.

Развитие общественных связей и отношений, основанное на современном техническом перевооружении общества, влечет за собой необходимость использования современных методов трансформации социальных практик и способов достижения персональной идентификации.

Изменение социальных практик и соответствующих им форм достижения результатов персональной идентификации на уровне повседневности определяется в значительной степени влиянием массмедиа. СМИ в таком ракурсе могут быть поняты как каналы коммуникации, по которым транслируется множество желательных социальных практик и идеалов, воспринимаемых отдельными персонами как пример для подражания. Можно говорить о визуализации повседневных практик, повышении роли симулякров и создании фейковых новостей, в том числе для формирования общественного мнения и контролирования процессов достижения персональной идентификации нормативности.

Фейки как феномен современности определяют реализацию социальных практик, с помощью которых становится возможным достигнуть нужных (внешне контролируемых, желательных для власть имущих слоев) форм персональной идентификации. Таким образом реализуется активный синтез со стороны властных субъектов как Другого по отношению к персоне.

В литературе утверждается, что чаще всего используются психологические или манипулятивные приемы воздействия, среди которых наиболее известной оказывается система методов, объединенная общим термином фрикинг, под которым понимается «набор технологий, позволявший произвести взлом уличных телефонов, а далее с помощью методов СИ получить доступ к управлению телефонными сетями»³⁷⁹. Представленная идея может быть распространена на все сферы общественной жизни, она включает такие методы психологического влияния и манипулирования, как тайное вмешательство, позволяющее расфокусировать, отвлечь человека от значимых для него

³⁷⁹ Ламинина О.Г. Возможность социальной инженерии в информационных технологиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №2. С. 21.

ценностей, ориентиров и персональных предпочтений, психологическое давление в форме перехвата инициативы, суггестия в различных формах и способах реализации, фишинг и т.д.³⁸⁰.

Вне зависимости от применяемых методик социальной инженерии личность как социальный субъект совершает такие социальные практики персональной идентификации, которые от него требуются, и формирует себя в нужном для социального инженера русле. Заметим, что практика социальной инженерии вынуждает трансформировать нормативно-правовую базу для регламентации социальных взаимодействий субъектов общественной интеракции. Однако вместе с вводимыми запретами на использование тех или иных форм реализации методов социальной инженерии возникает спрос на использование косвенных методов дистрибуции социальных практик для реализации политики социальной инженерии.

Применяются такие методы, которые позволяют использовать ресурсы СМИ и PR-технологий. Используются приемы нейромаркетинга, в рамках которого «повторное проговаривание информации о товаре, ссылки на авторитетное или экспертное мнение, эксплуатация стереотипных образов – это самые популярные уловки рекламщиков, несомненно устаревшие, но все также эффективные»³⁸¹. В средствах массовой информации могут быть использованы различные приемы дистрибуции социальных практик, начиная с навязывания определенных моделей поведения и заканчивая воздействием на чувства и подменой понятий. В таком ракурсе СМИ оказываются ресурсами продвижения персональных, групповых и даже массовых социальных практик с помощью манипуляции общественным мнением и сознанием как личности, так и общества в целом³⁸².

³⁸⁰ Ермаков И.К., Ермолатий Д.А., Пителинский К.В. Социальная инженерия как технология нарушения информационной и экономической безопасности субъекта экономики // Вестник Московской международной академии. 2019. №1. С. 74–83.

³⁸¹ Бирюков М. Социальная инженерия, или как не стать обманутым // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2018. №2. С. 23.

³⁸² Повернинов И.Е. Пропаганда, манипуляция сознанием, коммуникационные технологии // Инженерные технологии и системы. 2004. Т. 14. № 1-2. С. 55–60.

Известным фактом является использование метода «шоковой сенсации», позволяющего официальным властным структурам, используя ресурсы массмедиа, внушить желаемое общественное мнение. Применяется дозированная подача информации с теми акцентами, которые способствуют поддержанию необходимых настроений в массовой психологии. Применение таких методов дистрибуции социальных практик становится возможным по причине неспособности большей части членов общества к критическому переосмыслению происходящего. Кроме того, использование представленных методов основано на стремлении властных структур внедрить новые социальные практики с минимальными временными, производственными, социальными, финансовыми и прочими затратами.

Можно утверждать, что описанные способы и формы дистрибуции социальных практик в современном обществе используют схемы воздействия, основанные на неспособности человека критически³⁸³ относиться к получаемой информации. Это позволяет формировать в мировоззрении человека желательную установку, в соответствии с которой в дальнейшем субъект социальных отношений будет реализовывать социальные практики. Используются ресурсы субъективности восприятия информации в современном обществе для продвижения конкретных способов мировосприятия³⁸⁴. Как итог, изменяются социальные, политические, статусные практики человека. Изменяется общественное положение личности, которая может лишаться части естественных и гражданских прав и свобод и трансформирует собственные социальные практики, адаптируясь к актуальным социальным условиям. Более того, со временем происходит адаптация личности к новым правовым, политическим и социальным реалиям: отторжение действий сменяется на их принятие и человек идентифицирует себя как принимающего актуальные правила и модели поведения.

³⁸³ Василенко (Колесова) Е.П. Критическое мышление как современная проблема личности // Концепт. 2013. №12. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13259.htm> (дата обращения: 10.10.2025)

³⁸⁴ Николин В.В., Пастухова Е.В. Нарратив как средство субъективного воздействия на читателя // Вестник Омского университета. 2018. Т. 23, №1. С. 65–68.

Кроме того, изменяются социально-политические практики государств и межгосударственных политических субъектов, которые стремятся наладить взаимное со-действие института национального государства с иными межгосударственными и наднациональными объединениями, не противопоставляя их друг другу³⁸⁵. Изменяется статус, функционал и полномочия различных государственных органов исполнительной власти и специальных служб, формируются новые инструменты принуждения. Таким образом, личность, будучи подчиненным субъектом социальных отношений, приобретает новые специфические социальные практики и соответствующие им формы персональной идентификации, исполнение которых нормативно закреплено.

Исходя из проведенного анализа, можно говорить о том, что персональная идентификация, основанная на экзогенной нормативности в системе симулякров, не предполагает возможности достижения идентичности, отражающей интенции самой личности. Соответствующие социальные практики позволяют достигнуть только маски, внешней формы персональной идентичности³⁸⁶. Обладание такой маской воспринимается как социально приемлемое, нормированное внешним, экзогенным. Персоны, вступающие в социальное взаимодействие, не способны ориентироваться на эндогенное, значит, они не могут предложить ничего для объяснения и обоснования собственного существования. Общество симулякров формирует в персоне как субъекте интеракции беспричинную ненависть, онтологически присущую каждому человеку³⁸⁷. Эта ненависть формирует в личности неспособность и невозможность быть человеком, его персональная идентификация переходит в область симуляции и представляет собой подделку, сформированную самим же человеком. Человек выброшен на свалку истории, выключается из социума, живя как бы вне его и не получая никакой возможности повлиять на ход истории.

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000. С. 81.

³⁸⁷ Бодрийяр Ж. Город и ненависть. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm (дата обращения: 12.10.2025)

Будучи симулякром, человек получил полноту свободы, причем не в экзистенциальном смысле, который предполагает всю полноту ответственности. Речь идет о свободе без ответственности, вызванной отсутствием фундаментальности человека и общества как таковой: «У нас теперь поистине царство *полной свободы* – всеобщей ни-к-чему-не-привязанности, ни-кому-не-обязанности, ни-во-что-неверия; раньше еще была какая-то магия, какая-то магическая обязанность, приковывающая знак к реальности, капитал же освободил знаки от "наивной веры", бросив их в чистый оборот»³⁸⁸. Из такого положения дел складывается неспособность людей формировать собственные решения насущных проблем³⁸⁹. Люди становятся полностью угнетенными на том основании, что она, масса, составленная из молчаливого большинства, не имеет хоть какой-либо компетентности и привязанности к чему бы то ни было. В результате, персоне удастся реализовывать исключительно симулированную практику персональной идентификации. Человек более не формирует себя как самостоятельную сущность, значит, его самость более не является чем-то определенным и уж тем более чем-то заранее данным.

Таким образом, можно утверждать, что понятие «практика» выражает деятельность человека, направленную на преобразование окружающей действительности. Так понимаемая практика имеет социальную и рациональную природу и выражает способность человека к целеполаганию, а также к стремлению достигнуть желаемого результата. Она детерминирована экзогенной и эндогенной нормативностью, причем первая выражает социально-этическую сторону практического действия и реализуется в наличии внешних требований к человеческой деятельности, вторая же дает возможность выразить индивидуальную способность человека к совершению практических действий.

Через понятие «социальная практика» категоризируется адаптация преобразовательных действий человека к повседневности, социальному контексту. Содержание понятия «социальная практика» включает в себя

³⁸⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 52.

³⁸⁹ Стоян А.А. Идеология массы в философии Жана Бодрийяра // *Juvenis Scientia*. 2016. №2. С. 80–82.

необходимость соединения экзогенной и эндогенной нормативности, детерминирующей формы и методы достижения персональной идентичности. Первый вид нормативности позволяет выразить совокупность требований к социально значимым регулярно повторяющимся действиям субъектов интеракции как основания формирования общества, а также средства его трансформации. Второй вид нормативности как компонент социальных практик дает возможность продемонстрировать индивидуальные интенции личностей к самореализации и достижению персональной идентичности.

Как следствие, социальные практики персональной идентификации имеют двуединую нормативную природу, поскольку позволяют персоне использовать социально приемлемые модели поведения для адаптации к актуальным условиям социального бытия. Реализуется возможность согласования поведения персоны, основанного на эндогенной нормативности, с экзогенными требованиями социальной системы. Иными словами, у персоны возникает возможность соотносить собственное поведение с имеющимися представлениями об общественном устройстве и формировать социально приемлемые модели персонального поведения

Необходимо отметить ряд тенденций трансформации социальных практик в современном обществе и соответствующих им форм персональной идентификации. К таковым можно отнести стандартизацию, выраженную в совокупности упрощенных форм персональной идентификации, массовизацию, выраженную в тиражировании стандартных моделей социального поведения человека. Важно говорить о виртуализации социальных практик, выраженной в переходе на новые, цифровые формы действия персоны и способы подтверждения личности человека. Кроме того, значимой представляется симулякризация социальных практик и форм персональной идентификации, выраженной в реализации действий по подмене действительного положения вещей и достижению ложной формы персональной идентификации. Принципиальным в каждой из тенденций оказывается доминирование экзогенной нормативности над эндогенной, что не позволяет в полной мере

достигнуть именно персональных форм идентичности личности. Происходит заимствование субъектом принципов организации практик персональной идентификации извне без создания собственных аналогов и способов самовыражения.

§2. Нормативность и практики гендерной идентификации

Одной из важных для социальных и гуманитарных наук на современном этапе развития представляется проблема соотношения мужского и женского. Это выражается в социальных и биологических аспектах проблемы, в частности в численном превосходстве женщин в мире и России. Г.Г. Силласте в своей работе «Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы» указывает, что в настоящий момент разрыв между численностью мужчин и женщин составляет около 10-11%, при этом имеется тенденция к увеличению такого разрыва³⁹⁰. В результате она делает вывод о том, что намечается тенденция вполне чувствительной трансформации социальной структуры общества и перспектив фундаментального влияния на изменение гендерной структуры общества, «на социальный статус мужчин и женщин, их положение на рынке труда, занятости и профессий, на ценностные ориентации и репродуктивное поведение»³⁹¹. Происходит так называемая фундаментальная феминизация современного общества. Как следствие, изучение вопроса о сущности гендерной идентификации и выявление ее нормативных оснований представляется крайне важным и перспективным.

Существенным представляется вопрос о равенстве гендеров в их статусно-ролевой модели поведения. Г.С. Пак справедливо отмечает, что наличие гендерных стереотипов, легитимирующее соответствующее неравенство, не дает прямого ответа на вопрос о том, зачем это равенство необходимо. Как

³⁹⁰ Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. №9. С. 77.

³⁹¹ Там же.

следствие, ценным представляется изучение не тождества гендерных статусов и ролей, а их различий, что имеет высокий эвристический и социально-прогностический потенциал³⁹².

Значимость изучения практик гендерной идентичности и идентификации заключается в том, что в современном постиндустриальном обществе возникают трудности с определением роли (нормативного положения) мужчины и женщины, а также расплывчатости понятий «маскулинность» и «феминность». Кроме того, появляется проблема так называемого среднего пола, отражающего сравнительно небольшую, но тем не менее существующую группу людей. Изучение проблемы гендеров связывается с традиционными стереотипами, обусловленными выполнением мужчинами и женщинами функций и ролей, социальным образом женственности и мужественности, с помощью которых удастся регламентировать модели поведения субъекта общественной интеракции³⁹³. Можно говорить о трансформациях образов мужского и женского в современном обществе, которые воспринимаются отчасти негативно представителями традиционного общества.

В рамках психологической литературы проводится анализ различных концепций гендера (З. Фрейд, С. Бэм и ряд других отечественных и зарубежных исследователей) и формулируется общий вывод о возможности обеспечения внутренней согласованности, персональной интерпретации социального опыта, а также соизмерении своих способностей с социальным опытом. Все представленные факторы делают значимым формирование и переосмысление гендерной идентичности с психологической точки зрения³⁹⁴.

Важным представляется решение вопроса о возможности сохранения традиционных гендерных ценностей и нормативных ориентиров, что дает ресурсы для стабильности общества и связи поколений. Так, в российском

³⁹² Кутявина Е.Е., Пак Г.С., Шинкаренко Е.А. Старение и гендер // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. №2 (74). С. 92–100.

³⁹³ Нестерова В.Л., Баранов С.Т. К вопросу о динамике гендерных стереотипов в современном постиндустриальном обществе // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 61–69.

³⁹⁴ См. напр.: Шишлова Е.Э. Трансформация гендерной идентичности: социально-психологический аспект // Вестник МГИМО-университета. 2012. №1 (22). С. 204–210.

правовом поле отметим принятие Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, в которых определяются формы внешнего деструктивного идеологического влияния, необходимость борьбы с ними, а также основные векторы политики по реализации традиционных ценностей³⁹⁵. Предложенный нормативный подход позволяет, в частности, сохранить такие традиционные ценности, как крепкая семья, преемственность поколений и ряд других.

Кроме того, проблемным видится вопрос о справедливости и достаточности оценки социального и персонального бытия человека в структуре общества, а также о его возможности полноценно реализовать свои способности и ресурсы в тех или иных условиях.

Особое значение приобретают технические средства коммуникации, которые принципиально изменяют способы и пути гендерной идентификации персоны. Логика трансформации общественной системы О. Тоффлера говорит нам о том, что семья как первичный традиционный институт социализации заменяется на более влиятельные и в некотором смысле эффективные массовые технологии, применяемые в телевидении, глобальной сети Интернет, СМИ и рекламе. Такие технологии видоизменяют нормативные основания гендерной идентичности, что способно привести к деструкции семейных ценностей и, как следствие, к ряду демографических проблем в том числе на государственном уровне.

Знаковой концепцией, разделяющей понятия «пол» и «гендер» является феминизм, история становления которого привела к содержательному разведению данных терминов. Первый «описывает биологические различия между людьми, определяемые генетическими особенностями строения клеток,

³⁹⁵ Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/c595db4951fa2b3967c0a1bcc5e5bbf7332e9c38/ (дата обращения: 06.06.2025)

анатомо-физиологическими характеристиками и детородными функциями»³⁹⁶. Выражаются биологические характеристики человека, его естественный статус, который дает возможность выделить только две демографические группы.

Некоторые ученые полагают, что становится возможным замещение понятия «пол» на концепт социально-демографического показателя, позволяющего выразить совокупность биологических свойств человека (возраст, продолжительность жизни, половые признаки) и его влияние на соответствующие ресурсы общественной системы³⁹⁷. Кроме того, использование понятие «пол» дает возможность демонстрировать и на уровне массового сознания закрепить доминирование мужского начала над женским, что может проявиться в реализации «сексуальной власти» мужчин над женщинами, выраженной в политическом, экономическом, социальном и иных аспектах.

В рамках представленного понимания термина «пол» используется понятие «норма» в значении «мера», выражающее естественные способы существования живого существа. Именно они переносятся из области биологического понимания мужского и женского на социальные формы интеракции с трансляцией принципа доминирования (выстраивания социальной иерархии) на основании идеи необходимости выполнения биологически значимых функций. Представленный аспект нормативного измерения гендерной идентичности напрямую связан с экзогенной нормативностью, поскольку определяется внешними (в данном случае – биологическими и связанными с ними социальными образцами) требованиями к выполнению статусов и ролей.

Следует заметить, что изучение проблемы доминирования одного пола над другим в большей степени характерно для западного мира, чем для российского менталитета, а также отечественной социальной и гуманитарной мысли. Гипертрофирование проблемы половой идентичности в странах Запада приводит

³⁹⁶ Дусказиева Ж.Г. Гендерная психология. Красноярск, 2010. С. 26.

³⁹⁷ См. напр.: Окунев О.Б. Модели динамики демографических показателей населения России // Инновации и инвестиции. 2010. №4. С. 20–23.

к серьезной конфронтации между мужчинами и женщинами, что проявляется на идеологическом и общесоциальном уровнях.

Введение и использование теоретиками и практиками феминизма понятий «пол» и «гендер» позволяет говорить о формировании и трансформации нормативной регламентации иерархии общественных отношений. Полная, но формальная замена первого термина на второй дает возможность использовать регламент нормативных конструкций, оторванных от естественных условий существования, и поставить их на место естественных источников регламентации общественных отношений. Как следствие, становится все более явным замещение традиционных ценностей потенциально не- и даже противоестественными ориентациями, которые могут иметь деструктивный потенциал организации коллективных практик.

Постепенное осмысление проблем полового различия, вызванное техническим перевооружением общества, привело к возможности самореализации людей вне зависимости от их половой идентичности. Наличие взаимных упреков и различий в психике и поведении мужского и женского привело к необходимости решения вопроса о социальной реализации биологического пола. Существующие экзогенные нормы крайне четко определяют функциональные и реальные формы и способы бытия каждой отдельной персоны, что влечет за собой невозможность выхода за пределы заранее определенных ролевых функций. Именно это и приводит ко множеству конфликтогенных ситуаций. Конструктивистская природа персональной идентичности в описанных условиях не реализуется, что приводит к противоречиям, выраженным в столкновении экзогенной и эндогенной нормативности. Это выражается в противопоставлении эндогенной способности личности к конструированию персональной идентичности и экзогенным запретам на реализацию данного действия.

Как следствие, возник социальный запрос на осмысление понятия «гендер», которое является предметом дискуссии в западной мысли с начала 60-х г. XX в. и содержательно означает «социальный пол». Данный термин

позволяет ученым провести разграничение между социальными и биологическими свойствами человека в различных социальных и гуманитарных исследованиях и обратить внимание на отсутствие прямой зависимости мужских или женских черт характера от биологического пола. В связи с этим, все чаще звучат утверждения о необходимости изучения маскулинности и фемининности³⁹⁸.

Гендер как социальный пол человека отличается от биологического, поскольку имеет «гендерные стереотипы, гендерные нормы, гендерные роли и гендерную идентичность. При этом акцент делается на биологических, психологических, культурологических различиях полов при явной недооценке влияния социально детерминирующих их факторов»³⁹⁹. Гендер позволяет провести дифференциацию между мужчинами и женщинами на основании реализации половой идентичности в социальной среде в форме достижения персоной социальных статусов и ролей, а также реализации ею социально приемлемых моделей поведения.

Учеными полагается использование термина «норма» в значении «должное», закрепляющем в маскулинном и феминном гендере социальную функцию, определяющую способность персоны конструировать собственное положение в системе общественных отношений на основании выполнения коллективно (социально) значимых функций. Вместе с тем отмечается отсутствие прямой детерминации выполняемых статусов и ролей биологическими основаниями существования субъекта коллективной интеракции.

С течением времени содержание понятия «гендер» было дополнено социально-культурным значением, при этом «социально-конструктивистское понимание гендера как знания, которое создает значения для телесных различий, стало доминантным»⁴⁰⁰. Данное понятие стало отражать не только и не столько

³⁹⁸ Досина Н.В. Гендерные исследования в социологии. Ярославль, 2010. 148 с.

³⁹⁹ Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. №9. С. 78.

⁴⁰⁰ Досина Н.В. Указ. соч. С. 8.

биологический пол, который дает информацию о человеке в обществе с помощью определенных каналов передачи информации, сколько возможность трансляции такой информации и, как следствие, формирования собственного гендера в соответствии с самоощущением, совокупностью полученной информации, в общем, со всем тем, что характеризует человека как такового, его внутреннее самоощущение.

Следует говорить о трансформации содержания понятия «гендер» через призму перехода от экзогенной нормативности к эндогенной, приводящей к способности личности к самореализации в различных формах персональной идентификации. Использование эндогенной нормативности сохраняет за субъектом возможность сконструировать систему гендерных практик персональной идентификации, отражающих интенции конкретной личности, однако с учетом требований общественной системы, выраженных в экзогенной нормативности.

Гендер, таким образом, становится показателем исследовательской позиции, способностью отдельной персоны формировать представления о своем положении в структуре общественных отношений, и конструировать представление о себе. Гендер, соответственно, есть «социально обусловленный процесс создания, утверждения и подтверждения, а также воспроизводства представлений о мужчине и женщине как субъектах социального порядка в условиях межличностного, группового и массового взаимодействия»⁴⁰¹. Данное понятие позволяет выразить совокупность экзогенных норм (в том числе выраженных в действующих нормативно-правовых актах), ожиданий и требований, предъявляемых со стороны социальной системы, способов реализации ресурсов и возможностей человека (эндогенная нормативность). Именно такое единство нормативных оснований делает возможной регламентацию социального бытия личности, определение совокупности приемлемых моделей персональной идентичности.

⁴⁰¹ Досина Н.В. Указ. соч. С. 9.

Кроме того, понятие «гендер» представляет собой основание для определения положения человека в общественной структуре и регламентации его поведения. Введение в научное и социально-гуманитарное знание и использование в нем понятия «гендер» предопределено необходимостью отождествления конкретной персоны, социальной группы с системой культурных и социальных детерминант, выраженных в совокупности принципов ролевого полового поведения. Данное понятие дает возможность учитывать различные социокультурные, половозрастные и иные особенности формирования и коллективного бытия человека.

Понятие «гендер», включая в себя нормативную и функциональную стороны социального бытия персоны, позволяет выразить эффективный способ формирования социальной структуры общества, поскольку предполагает отсылку к стандартам множества взаимоотношений личностей как социальных субъектов. Это понятие выражает социально-психологический статус, достижение которого детерминировано социальными и культурными основаниями. Следовательно, гендер представляет собой систему социальных мер, позволяющих определить социальную сущность человека и выразить совокупность актуальных норм и принципов коллективного существования персоны, в то время как пол может быть понят как биологический сигнал к возможности применения определенных воспитательных мер. Таким образом, половая идентичность человека представляется отправной точкой формирования гендерной идентичности.

Одним из значимых свойств гендерной идентичности является способность субъекта идентификации к переоценке ценностных оснований социального бытия. Логика мыслителей, относимых к феминизму, в рамках которого развивалось изучение гендерной идентичности, содержит в себе утверждение о необходимости критики традиционной системы ценностей и переосмысления отношений между мужчиной и женщиной. Феминный гендер

более не определяется как подчиненный маскулинному и тем самым лишенный права на равенство. Формируется идея равенства гендерных ролей и функций⁴⁰².

Процесс гендерной идентификации как стремление персоны достигнуть социального и культурного способа проявления собственного биологического пола реализуется через использование ресурсов наличных половых свойств человека для их реализации в различных социальных характеристиках, которые могут быть принципиально не привязаны к биологическому полу. Это становится возможным благодаря трансформации ментальных и ценностных оснований, отходу от традиционной оппозиции «мужское – женское» и соответствующих социальных статусов, а также изменению структуры современного общества. Как следствие, каждая отдельная личность получает возможность выстроить персональную гендерную идентичность на основании удовлетворяющих ее принципов, ценностей и идеалов. В представленном контексте реализуется именно эндогенное нормативное основание персонального бытия каждого субъекта интеракции. Становится возможным выход за пределы заранее заданных моделей поведения и конструирование такой системы интеракции, которая удовлетворяет конкретного субъекта, выражая его способности, интенции, а также конструктивную природу персонального бытия.

Необходимо отметить, что гендерная идентификация позволяет сформировать иерархию общественных отношений, основанную на выполняемых персоной функциях. Традиционная логика включает в себя положение о женском гендере, выполняющем функцию выживания, и мужском гендере, главная ценность которого состоит в самовыражении. Традиционность такой позиции определяется нормой как мерой, выражающей естественное положение дел, соответствующие формы коллективного бытия, а также персональной самоидентичности.

Однако некоторые ученые полагают, что зависимость феминного гендера и свобода маскулинного исторически случайны⁴⁰³, поэтому выстроенная

⁴⁰² Бедаш Ю. Второй пол как опыт переоценки ценностей // Топос. 2010. №3. С. 34–43.

⁴⁰³ Бедаш Ю. Второй пол как опыт переоценки ценностей // Топос. 2010. №3. С. 36.

традиционная система оценок, норм и правил социального существования, и общественная иерархия оказываются результатом легитимации тех, кто выиграл борьбу за выживание и власть и, как следствие, за утверждение собственных ценностей. Экзогенная нормативность, выраженная в закреплённых в системе общественной регуляции принципах достижения персональной и коллективной идентичности, оказывается детерминированной историческими реалиями и отчасти случайна.

На этом основании можно утверждать возможность переосмысления содержания гендерной структуры общества и аналогичной идентификации субъектов общественного бытия на фундаменте трансформаций современного коллективного бытия отдельных персон и их способности выстраивать собственные формы персонального бытия и самоидентичности⁴⁰⁴. Выведенный нами эволюционный принцип развития нормативности позволяет говорить о возможности переосмысления соотношения экзогенной и эндогенной нормативности как основания формирования персональной идентичности.

Следует заметить, что выведенный эволюционный принцип развития нормативности предполагает необходимость сохранения определенного объема естественных (традиционных) норм для возможности сохранения стабильности общества, обеспечения безопасности его развития. Так, в рамках российского общества ряд нормативно-правовых актов, среди которых отметим действующий Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», законодательно закрепляют стратегии поддержания фундаментальных принципов коллективных и персональных форм идентичностей.

Вместе с тем стремление достигнуть гендерной идентичности содержит в себе способность личности отстаивать границы персонального бытия и достигать социальной безопасности как «состояния защищенности личности,

⁴⁰⁴ Бовуар С. де. Второй пол: в 2. т. М.: Прогресс, 1997. Т.1. С. 82.

социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, социальных прав и свобод»⁴⁰⁵. Нереализованность данного аспекта социального существования вынуждает персону формировать в себе необходимые гендерные свойства. Такой подход позволяет персоне достигать гарантий социальной безопасности и социальной самореализации. Именно по этой причине эволюционный принцип развития нормативной стороны бытия личности имеет эвристический потенциал, позволяющий отразить принципы организации персональной идентификации в любых условиях бытия человека через выявление баланса экзогенных и эндогенных оснований достижения практик гендерной идентификации.

В философской и социально-гуманитарной литературе отмечается, что вопрос о гендерной идентичности персоны связывается с формированием ряда представлений о роли мужского и женского полов в обществе. Последние содержат в себе знания, их эмоциональную оценку, а также ценностные стереотипы, закрепленные в нормативных основаниях бытия субъекта коллективной интеракции. Во многих концепциях утверждается несправедливость подчиненности женского гендера мужскому на основании физической слабости женщины. Основанием такого концепта становится апелляция к техническому перевооружению общества, дающего возможность достижения равенства социального положения полов.

С нашей точки зрения, идея нормативного закрепления функции человека определяла семейный и гендерный статусы. Так, некоторые ученые подвергают анализу историю становления семейно-брачных отношений и высказывают положение о различных нормативных основаниях их формирования. Центральным становится принцип эффективности выживания и развития общественных связей и отношений, что делает необходимым сохранение и поддержание конкретных их форм для потенциального развития социальной

⁴⁰⁵ Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. №9. С. 83.

интеракции⁴⁰⁶. Как итог, члены такого союза обретают соответствующие статусы и роли, определяемые доминирующим нормативным принципом. Однако следует заметить, что принцип выживания детерминирован внешними неблагоприятными условиями индивидуального и коллективного бытия, что в значительной степени дает возможность сохранять соответствующие (экзогенные) нормативные основания закрепления гендерных ролей и способов идентификации.

Кроме того, изучение истории становления семейно-брачной стороны общественной системы имплицитно предполагает использование идеи неравенства, так или иначе включенной в систему общественных отношений и основанной в том числе на ресурсах человеческой телесности. Формирование семейно-брачного союза на каждой стадии общественного развития определяет поиск наиболее социально оптимальных форм союза, взаимодействия между мужчиной и женщиной. Получаемые функциональные роли (гендеры) определяются, таким образом, нормативной системой, принятой в конкретном сообществе, находящимся на определенном историческом этапе своего развития. По этой причине, идея гендерного равенства, которая разрабатывалась в теории и практике феминизма, является результатом эволюционного развития общественной системы и не может мыслиться финальной точкой его развития. Такая идея имеет исторически обусловленный формат своего существования.

Однако необходимым представляется сохранение традиционных форм нормирования для поддержания стабильности функционирования общества. Так, в рамках европейского и общемирового сообщества в последние годы проводится политика так называемого гендерного мейнстримминга, суть которого состоит в достижении равенства между мужчиной и женщиной через отказ от разделения людей по естественным полам. В рамках представленной логики понятия «пол» и «гендер» признаются тождественными, что само по себе неверно. Такое положение дел вызывает справедливую критику по ряду

⁴⁰⁶ Раджабов О.Р., Миримова А.А. История эволюции форм брака и семьи // Социально-гуманитарные знания. 2019. №6. С. 147–152.

оснований⁴⁰⁷, среди которых целесообразно выделить идею отказа от естественного разделения на мужской и женский пол, которая приводит к формированию идеологии, фундирующей неспособность персоны определить собственную половую (и, как следствие, - гендерную) идентичность. Это приводит к слому ценностных иерархий в структуре персонального бытия, что детерминирует фундаментальные социальные деформации и катаклизмы. Одним из таковых можно считать прогрессирующую в Европе демографическую проблему, связанную с низкой деторождаемостью.

Развитие современных форм технического обустройства приводит к необходимости разделения биологической и социально-функциональной характеристик человека, а также выделения половой и гендерной форм персональной идентичности. Это влечет за собой нивелирование принципиальной значимости внешних форм регламентации персональной гендерной идентификации с возможной ориентацией на самореализацию личности в формах, соответствующих ее интенциям.

Как указывают исследователи творчества С. де Бовуар, она «утверждает, что концепция "женственности" – это результат стараний общества сделать женщин зависимыми от мужчин. Ее выражение "женщиной не рождаются, ей становятся" является одним из наиболее часто цитируемых критиками ее работ»⁴⁰⁸. Из сказанного следует, что термин «гендер» представляет собой единство двух элементов: это – коллективное навязывание человеку определенных общественных стереотипных моделей поведения⁴⁰⁹, а также персональное формирование им социального образа.

Вместе с тем сам факт формирования понятия «гендер» и его практического использования невозможно мыслить вне исторического контекста и как результат эволюционного развития общественной системы.

⁴⁰⁷ Мартин-Иогансон Э. Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства // Свободная мысль. 2019. №6 (1678). С. 35–48.

⁴⁰⁸ См. напр.: Муртазина Д.Ф. Влияние философии Симоны де Бовуар на творчество Айрис Мердок (на материале романа «Колокол» // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 2. С. 239.

⁴⁰⁹ Belshaw C. My Beginnings // The Monist. 2006. Vol. 89. No. 3. P. 371–389.

Система гендерных связей и отношений, базирующихся идее равенства полов, становится нормативным основанием именно современного общества, в котором представленный тип отношений является наиболее эффективным как для общественной системы, так и для отдельной личности. Сама идея разделения экзогенного (социального навязывания) и эндогенного (идушего из природы самого субъекта общественных отношений) нормативных оснований персональной самоидентичности, а также права личности на последнее при конструировании собственной гендерной идентичности оказывается эффективной исключительно в системе современных условий коллективного бытия, когда возникает возможность признания высокой ценности самореализации и ее доминирования над принципом выживания.

Идеи С. де Бовуар включают в себя утверждение о такой внешне навязанной ценности традиционного общества, как крепкая патриархальная семья во главе с мужчиной с присущим ему маскулинным гендером. Д.Ф. Муртазина пишет, что «в послевоенный период было принято восхищаться мужчинами, сильными, интеллигентными, образованными и авторитетными – вот характеристики, которые олицетворяли мужское превосходство, согласно Симоне де Бовуар. Другими словами, одним из неотъемлемых гендерных аспектов было желание женщины выйти замуж за такого "весомого" человека»⁴¹⁰. Целью женщины как второго пола становится необходимость «поймать на крючок» мужчину и стремиться выстроить собственную судьбу в зависимости от того, какой мужчина ей попадет. Мы видим, что феминный гендер как образец женского поведения экзогенно нормирует ее поведение и вынуждает в традиционном обществе занимать вторичное положение, не претендуя даже на статус равного, не говоря уже о лидерстве в любом его проявлении. Представленные нормы и идеалы могут быть изменены для поиска принципиально нового общественного порядка, вызванного внутренними интенциями женского гендера к получению равного социального положения.

⁴¹⁰ Муртазина Д.Ф. Влияние философии Симоны де Бовуар на творчество Айрис Мердок (на материале романа «Колокол» // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 2. С. 239.

Вторичность статуса женщины и соответствующее нормативное его описание выражается в необходимости ведения домашнего хозяйства, отнимающего у нее практически все время и не дающего возможности полноценной социальной самореализации. Экзогенно нормированная женственность и эндогенно определенное стремление к независимости женщины в традиционном обществе исключают друг друга. Именно в результате выявления представленного противоречия феминистски ориентированная идеология содержит в себе утверждение о необходимости минимизации внешнего влияния общества на женщину с целью реализации ее эндогенных нормативных интенций к самореализации в форме достижения персональной гендерной идентичности⁴¹¹.

Концептуализация экзогенной нормативности, детерминирующей традиционные формы реализации гендерной идентичности персоны, основана на ряде теорий, среди которых следует выделить утопические представления Ш. Фурье в его труде «Теория четырех движений и всеобщих судеб», экономико-социальные воззрения Ф. Энгельса, изложенные в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а также психологическую концепцию З. Фрейда. В числе прочего высказываются ряд положения, содержащие в себе экономические и биологические основания доминирования мужского гендера над женским.

Так, французский утопист Ш. Фурье признавал подчиненное положение женщин, усматривая феминное бесправие в возможности их использования как предмета любви и исполнения потребностей мужчины и невозможности ничего противопоставить маскулинному статусу⁴¹². Он полагал, что обеспечение женщин гендерно равными правами с мужчинами и их юридическое закрепление благотворно скажется на развитии общества.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия // Фурье Ш. Избранные произведения. М., 1938. Т. 1. 313 с.

В идеях Ш. Фурье утверждается тенденция, согласно которой чем более развито общество, тем большей свободой в нем пользуются женщины. Степень развитости отношений с женщиной соразмерна степени ее свободы. По этой причине неразвитость отношений с женщиной приводит к неразвитости общества⁴¹³. Соответственно, социальный прогресс связывается с ограниченным раскрепощением женщины, регресс общества детерминируется ее закабалением. Как следствие, утверждается, что равное социальное положение гендеров влечет за собой эффективное развитие всего общества. Угнетение одного из них оказывает негативное влияние на общественную систему и ее развитие. В результате, социальная динамика связывается со снятием навязанных форм закабаления женского гендера.

Марксистское понимание социального статуса женщины состоит в продолжении логики человеческого подчинения природы, которая реализуется в подчинении мужчиной женщины, что формирует идею социального насилия и гендерной асимметрии, предполагающей дискриминацию между полами «при несомненном доминировании мужчин как класса»⁴¹⁴. Такая идея основана на разделении труда и выполнении мужчиной физически тяжелой трудовой производительной деятельности. Дальнейшая логика марксизма утверждает, что «разделение труда, которое вначале было разделением труда в половом акте, стало потом разделением труда, совершавшимся само собой или «естественно возникшим» потребностям»⁴¹⁵. Примат доминирования на основании физической силы определяет использование экзогенной нормативности для закабаления женского гендера.

Неравенство полов, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, возникло в патриархальной семье, в которой женщины, дети и рабы признавались собственностью мужчин и поэтому власть последних считалась определяющей.

⁴¹³ Сидоров А.М. Воображение и реальность (Ш. Фурье и современная философия) // Таврический научный обозреватель. 2017. №6 (23). С. 98–104.

⁴¹⁴ Митина Н.Г. Марксистский гендерный проект // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2007. №1. С. 114.

⁴¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 3. С. 7.

Марксистская концепция воспринимала отношения между мужчиной и женщиной как отношения купли-продажи мужчина, будучи собственником, в традиционной патриархальной семье имел в собственности женский труд. При этом совершенно не объяснялось, как показано в ряде исследований марксистской концепции, «кто дал рабочему (этому лишенному собственности индивиду, которому, якобы, "нечего терять, кроме своих цепей"!) "право" – распоряжаться не только своим трудом, временем, здоровьем, но и временем, трудом, здоровьем своей жены и детей»⁴¹⁶. Представленный вопрос мыслителями не решался, однако подвергается критике со стороны современных отечественных и зарубежных исследователей, в том числе феминистской ориентации.

Отметим: в рамках идей марксизма признавалось, что стоимость деторождения, материнства и воспитания детей, домашней работы, выполняемой женщиной, оценивается ниже стоимости производства материальных благ, выполняемого мужчиной⁴¹⁷. Таким образом, формировался утилитарный подход к пониманию труда, усматривавший малую эффективность женского труда и отдававший преимущество труду мужчины на том лишь основании, что последний являлся социально значимым и эффективным для развития общества, женские же трудовые виды деятельности не несли практического сиюминутного значения.

Согласно представленной логике классики марксизма признавали дискриминацию женщин как вид социальной дискриминации, которая может быть преодолена через смену общественно-экономической формации и переход к социализму. Утверждалось, что «женщины-рабочие, как и мужчины, угнетены капиталистической системой, поэтому женские интересы совпадают с общими классовыми и экономическими интересами пролетариата и не имеют специфических особенностей. Следовательно, эмансипация женщин возможна

⁴¹⁶ Пушкарева Н.Л. «Женский» вопрос в теории марксизма (Почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастлив?) // Женщина в российском обществе. 2002. №1. С. 6.

⁴¹⁷ Hartman H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. N 1. P. 137–169.

только при социализме, исключая частную собственность на средства производства»⁴¹⁸. Мы видим, что женский вопрос в марксизме предполагал нивелирование статуса женщины как обладателя половой идентичности и признание за женщиной статуса рабочего, так же угнетаемого именно в социально-экономическом, классовом значении, как и мужчина. Статусного различия гендерной дискриминации марксизм не проводил, оставляя логику патриархальной семьи, применяемой на практике.

Важным основанием концепта гендерной идентификации является фрейдистская концепция, в которой гендер приравнивался к биологическому полу, а сама гендерная идентичность представляла собой результат психосексуального развития человека. З. Фрейд считал, что ключевой фактор в становлении гендерной самоидентичности – это наличие или отсутствие фаллоса как символа мужественности или женственности⁴¹⁹. В концепции австрийского психоаналитика и его последователей в конечном счете признается преимущество мужского гендера перед женским на физиологическом основании.

Классиками психоанализа утверждалось, что «развитие гендерной идентичности – всего лишь следствие развития сексуальности, основанное на осознании половых признаков тела»⁴²⁰. Телесные основания гендерной идентичности определяют перспективы индивидуального и коллективного бытия мужчины и женщины, а значит, выполнение ими социально значимых функций в семье и обществе.

В итоге можно говорить о том, что Ш. Фурье, К. Маркс, Ф. Энгельс и З. Фрейд с разных сторон подошли к одной и той же проблеме. Гендерная идентификация представляла собой процесс достижения персональной самоидентичности, основанный на социальных, экономических и психо-

⁴¹⁸ Митина Н.Г. Марксистский гендерный проект // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2007. №1. С. 115.

⁴¹⁹ Мелков С.В., Кудрина А.В. Эволюция представлений о гендере и гендерной идентичности в психоанализе от истоков до 1990-х годов // Развитие личности. 2015. №2. С. 96–119.

⁴²⁰ Там же. С. 100.

социальных требованиях, каждое из которых мыслится нами как внешнее, экзогенное, вынуждающее использовать заранее определенное гендерное положение. Соответствующие различия определяли дифференциацию выполняемых функций и статусно-ролевую иерархию, определяющую для каждого участника процесса его место в обществе. Статус полов закреплял преимущество маскулинного начала, а положение женщины оставалось недооцененным по ряду причин, выгодных мужскому мышлению. Социальный статус женщины, ее экономическое и социально-психологическое закабаление высоко оценивались мужчинами, однако для общественного развития являлись недостаточно эффективными. Приемлемость форм гендерного бытия определялась отнюдь не интенциями самого человека, а внешними требованиями коллективного сосуществования.

Однако в рамках обозначенных концепций принципиальным оказывается факт трансформации социального развития за счет эволюции нормативных оснований гендерных статусов и ролей. Изменение отношения к феминному гендеру, трансформация его экономических, социальных и психологических характеристик позволяют преобразовывать общественную ткань в целом. Это выражается в возможности выхода за пределы заранее заданных экзогенных нормативных оснований и формирования такого социального порядка, который отражал бы интересы и способности каждой конкретной личности.

Более того, достижение той или иной формы гендерной идентичности позволяет говорить о соответствующих им социальных практиках, которые предполагают выявление конкретных нормативных оснований. Изучение последних дает возможность трансформации практик достижения персональной самоидентичности для формирования максимально успешного поведения, а также способности более точной адаптации персоны к актуальным социальным условиям.

Гендер, будучи социальным полом и способом самопрезентации персоны, является средством выражения эндогенного нормирования социального бытия личности в форме выполнения ею социально значимых функций и ролей,

отражающих ресурсы и способности самой персоны. Кроме того, эндогенное нормативное основание регламентирования социальных отношений позволяет повышать эффективность использования ресурсов каждого субъекта интеракции.

Анализ двойственной природы нормативного измерения персональной гендерной идентификации следует реализовать через выявление оснований доминирования маскулинного гендера над феминным, а также изучение проблемы достижения гендерного равенства. Данные аспекты выполняют две значимые функции: один из них определяет возможность установления общественного порядка через использование экзогенной нормативности гендерной идентичности персоны, второй необходимо расценивать как стремление к самовыражению личности, что приводит к динамике развития социальной системы.

Изучение стремления к упорядочиванию социальной системы через использование экзогенной нормативности персональной гендерной идентичности реализуется через анализ различных аспектов доминирования маскулинного гендера над феминным. Сформированный образ мужского и женского используется для поддержания общественного порядка через навязывание соответствующих социально приемлемых и одобряемых ролевых образцов поведения.

Так, известный ученый Дж. Хубер утверждает, что до 1970-х г. основная гендерная стратификация базировалась на биологических предпосылках. Суть ее состоит в том, что престиж и властность полов произрастают из биологических оснований. В силу природных причин мужские и женские функции разнятся, мужчина получает статус добытчика, властного по своему естеству. Власть мужчины проистекает из его способности физически заставить женщину совершить требуемые действия.

Кроме того, значимым основанием преимущества маскулинного гендера, определяющего социальную иерархию, становится тот факт, что в традиционном обществе «наибольшая власть и престиж принадлежат людям, контролирующим

распределение материальных ценностей за пределами семьи»⁴²¹. Биологические основания доминирования трансформируются в их социальный аналог, однако содержательно принцип экзогенного нормирования остается одним и тем же: использование ресурсов физической силы определяет возможности распределения социальных ролей и направлений реализации персональной идентичности (подчиненного и доминирующего).

Основанием для обладания властью и соответствующего уровня возможности распределения ресурсов становится физическая сила и способность обеспечивать субъектов интеракции жизненно важными ресурсами. В рамках таких отношений выражается система приоритетов личностей как социальных субъектов, что дает повод утверждать определяющую роль экзогенных нормативных оснований общественной системы в процессе приобретения и практической реализации личностями форм персональной гендерной идентификации.

Техническое развитие общества нивелировало биологические различия и связанный с ним принцип физической (социальной) силы: пастеризация молока сделала доступным кормление ребенка мужчиной, формирование тяжелой техники позволило женщине работать там, где раньше это было невозможно. Миф о женском слабоумии, благодаря которому женщины не допускались в политическую сферу общества, был развеян введением всеобщего обязательного образования: в некоторых колледжах уровень баллов для поступления для женщин был выше, чем для мужчин⁴²². Это определялось тем, что женщины учились лучше и колледжи оставляли квоты для мужчин с тем, чтобы мужчины все же могли продолжить обучение.

Все это привело к осознанию того, что биологический императив о примате мужчин в обществе оказался необоснованным и, как следствие, требующим трансформации. Гендерная стратификация, хотя и становится

⁴²¹ Хубер Дж. Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 85.

⁴²² Offen K. Sur l'origine des mots «féminisme» et «féministe» // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 1987. No. 34 (3). P. 492–496.

формой социальной стратификации, тем не менее не может быть объяснена исключительно с биологической точки зрения. Трансформация выделенного принципа реализуется в форме использования эндогенных норм для возможности достижения персоной желаемого (в идеале равного) социального статуса. Как итог, мужчина и женщина в современном обществе могут выполнять равные виды работ, однако при прочих равных условиях фактор пола является определяющим при разделении труда. Такое уточнение все же сохраняет значение биологических свойств человека и личности для более эффективного выполнения социально значимых функций.

Идея сохранения аргумента в виде отсылки к биологическим признакам человека реализует интенцию к сохранению стабильности общества. Это определяется в первую очередь тем, что ни один из полов не может выполнить две функции, непосредственно связанные с выживанием общества. Разделение гендеров по функциональной значимости детерминирует необходимость формирования соответствующих социальных статусов и ролей, в том числе выполнение трудовых обязанностей. Мужчина не может родить и вскармливать грудью, а работа, которую выполняют женщины, должна быть совместима с беременностью и лактацией, если того требует воспроизводство потомства⁴²³. В данном случае реализуется выведенный нами эволюционный принцип развития нормативности, в рамках которого признается необходимость сохранения небольшого количества экзогенных (аскриптивных) норм при увеличении объема эндогенных (дескриптивных) норм. При сохранении стабилизирующей функции первых и выполнении обязательных социально значимых гендерных ролей высокое значение отдается именно достижению персональной самореализации в системе гендерных форм идентичности.

Появление новых трудовых институтов, например, института кормилиц, выполняющих функции поддержания жизни ребенка при занятости родителей, приводит к изменению форм и способов достижения гендерной идентификации

⁴²³ Хубер Дж. Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 77–98.

персоны и, следовательно, к новым формам социального порядка. Таким образом, основан скорее на социальных функциях, выполняемых человеком, с минимальным учетом биологических свойств субъекта общественных отношений. Гендерная идентификация может и должна реализовываться в соответствии с функциональными запросами современного общества, а не с преимуществом в физической силе одного биологического пола над другим. Одновременно с этим личность, адаптируясь к таким запросам, оказывается способной самостоятельно формировать персональную гендерную идентичность как следствие внутренней потребности к самовыражению. Становится возможным не только сохранение стабильности социальной системы, но и выражение персональных интенций в максимально комфортной для конкретного субъекта форме.

Другим не менее важным фактором поддержания стабильности в социальной системе, основанной на экзогенной нормативности, следует считать трансформацию положения женщины в семье и браке. Как показывает Г. Рубин, женщина в первобытных племенах имела статус подарка, то есть полностью принадлежала мужчине как главе семьи и брака. Смысл такого ее статуса определялся уже существующим запретом на инцест, а также утверждением, что подарок есть средство социального обмена и в конечном счете средство для достижения социального согласия, то есть культурная сила, определяющая общественный порядок, принцип социальной организации. Эти два фактора устанавливают способы обмена между членами общества, что позволяет сформировать запреты на внутригрупповые браки и разрешить межгрупповые брачные союзы.

Дарение женщин – наиболее значимый дар, поскольку он предполагает формирование родства как принципа организации общественной структуры. Женщина же остается каналом родственной связи, но никак не равноценным партнером в сделке. Мужчины же являются партнерами по сделке, получающими близкие по значению дары. Вместе с тем идея женщины как подарка определяет принципы организации общественных отношений, способы

взаимодействия между различными участниками социальной интеракции, в которой равноправные ее члены обмениваются товарами, среди которых женщина – вещь (товар) среди вещей (товаров)⁴²⁴. Система родства, как итог, представляет собой наложение социальных правил на биологические взаимоотношения между субъектами социальных взаимодействий, в которых гендеры имеют разные права.

На основании такого акта дарения формируется половое и гендерное разделение труда, призванное запретить «одинаковость» мужчины и женщины и разделить функциональные действия каждого из полов для повышения выживаемости общественной системы. Признается, что представители обоих полов способны выполнять одни и те же функции, поэтому, для того чтобы они не дублировались в одной семье, реализуется акт дарения для распределения ролей в семье, браке и тем самым достигается максимальная социальная адаптивность и устойчивость. Положение женщины как товара есть не столько желание принизить ее статус, сколько необходимость выживания общества как системы.

Со временем развитие общественных отношений привело к трансформации функционала семейных отношений и, соответственно, статуса женщины в семье, браке и обществе. Менялась и идеология, определяющая статус и роль женщины в обществе. Описанная функциональность женского гендера как подарка получила трансформацию в ряде исследований, в которых утверждалась идея о формировании социальной необходимости неоплачиваемого женского труда в условиях семейно-брачных отношений. Основанием для представленной идеи послужило сложившееся в истории западного общества положение дел, при котором семья и брак является органом социального обеспечения, в котором роль членов семьи состоит в образовательной, нравственной поддержке, производстве человеческого фактора.

⁴²⁴ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 99–113.

В процессе индустриализации общества происходит повышение трудовой нагрузки на маскулинный гендер как основного добытчика семейно-брачного союза, в результате чего возникает необходимость формирования компетентного ведения домашнего хозяйства и достижения женщиной статуса духовной опоры для мужчины. Формируется соответствующая идеология, определяющая необходимость вторичного положения женщины в браке и обществе, феминный гендер связывается с новой социальной ролью, профессией домоводства.

Некоторые исследователи полагают, что пренебрежение представленными правилами может повлечь за собой социальный хаос. Женский труд использовался для поддержания общественного порядка⁴²⁵. При этом в некоторых случаях применялась методика найма на социально значимые виды деятельности целых семей с целью поддержания определенных социальных функций.

Кроме того, в середины XIX в. активно использовалась идеологема о социальном предназначении брака с целью повышения эффективности работы мужского гендера, эксплуатации замужних женщин наравне с мужьями, снижения риска участия женщин в профсоюзах, а также использования разных видов рабочей силы нанимателем. Как итог, неоплаченный женский труд использовался для выполнения внутрисемейных и общесоциальных функций, определяя тем самым положение каждого из гендеров для достижения устойчивости социального порядка.

Анализ социально-экономических оснований гендерной идентификации персоны позволяет утверждать, что экономические, образовательные и статусные трансформации способствуют формированию новой идеологии, в соответствии с которой гендерная самоидентификация определяется выполняемыми личностью семейными и социальными функциями. Феминный гендер трактуется как функция женщины по достижению социального порядка через рассмотрение женщин как гаранта социального подарка, использования

⁴²⁵ Кесслер-Хэррис Э. Женский труд и социальный порядок // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 171–189.

неоплачиваемого женского труда как основания для развития общества. Маскулинный же гендер воспринимается в качестве доминирующего и руководящего по причине обладания экономическими благами. Как следствие, становится возможным формирование экономической стратификации общества в виде разделения функционала на мужские и женские виды деятельности.

При этом персональная гендерная идентичность воспринимается как эффективная тогда, когда роли мужского и женского позволяют поддержать стабильность общественной системы⁴²⁶. Персональная гендерная идентификация, таким образом, может быть понята как следствие навязанной экзогенной идеологической (нормативной) конструкции, цель которой состоит в принуждении персоны стремиться занять такое социальное положение, при котором каждый из участников процесса окажется максимально эффективным для персональных, семейных, коллективных и общесоциальных форм существования. Экзогенность так понимаемой идеологической (нормативной) конструкции определяется внешними факторами, среди которых – стремление к стабильности общественной системы и достижение коллективной безопасности.

Стремление персоны к самопрезентации и выполнению социально значимых функций и ролей, отражающих ее возможности и способности, становится возможным на основании эндогенной нормативности персональной гендерной идентичности, что реализуется благодаря усвоению психологических установок субъектов социальных отношений.

Так, Н. Чодороу полагает, что воспитание детей в семейных условиях формирует определенные конкретные образы допустимого и желательного поведения как девочек, так и мальчиков⁴²⁷. Она утверждает, что различные формы половой идентификации подготавливают мужчину и женщину к выполнению определенных взрослых гендерно принимаемых и положительно оцениваемых ролей и одновременно ориентируют женщину на роль

⁴²⁶ Maynard, M. Beyond the «big three»: the development of feminist theory into the 1990s. // *Women's History Review*. 1995. No. 4(3). P. 259–281.

⁴²⁷ Chodorow N. *Feminism and Psychoanalytic Theory*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1989.

воспроизведения потомства в обществе, что изначально формирует социальное неравенство⁴²⁸. Такая психологическая детерминанта определяет дальнейшие модели человеческого поведения и формирует соответствующее отношение к человеку, выполняющему возложенную на него половую общественную функцию.

Так понимаемая гендерная идентификация персоны базируется на асимметрии организации родительской заботы с доминированием женской роли в воспитательном процессе и является едва ли не определяющей, главной причиной различий в персональной гендерной идентификации⁴²⁹. Ее достижение реализуется через имитацию, подражание ролевому поведению отца/матери, вплоть до выработки основной идентичности, обусловленной половой принадлежностью человека. Результатом такого процесса оказывается разделение на частное, принадлежащее женскому гендеру, и публичное, относящееся к мужскому социальному полу⁴³⁰. Утверждается, что гендерные роли определяются как доминирующие психологические модели поведения, усвоенные в процессе воспитания и имитации.

Следует говорить о том, что усвоение психологических образов формирует в персоне внутренние интенции к возможности реализации соответствующих моделей поведения, что, с одной стороны, выражает внутреннее, эндогенное состояние человека как участника коллективного процесса, а с другой – формирует основания для сохранения социального порядка.

Обозначенный процесс предполагает различия в достижении гендерной идентичности мальчиков и девочек, что может быть связано с дифференциацией половой роли объекта имитации. Девочки усваивают более понятные для них роли женщины и состояние женственности, в отличие от мальчиков, которые должны ощутить себя в полной мере мужественными и научиться выделять себя

⁴²⁸ Калачикова, О.Н., Груздева, М.А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. №1. С. 64–76.

⁴²⁹ Блинова Т.В., Вяльшина, А.А. Социальное самочувствие работающих матерей // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 103–114.

⁴³⁰ Архиреева Т.В. Образ идеального отца у мужчин, имеющих детей // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 70–84.

из других, чего не требуется для девочки⁴³¹. Кроме того, трудностью оказывается более близкая связь матери и дочери, нежели связь у отца и сына, поскольку в большинстве случаев женский гендер связывается с воспитательной деятельностью, то есть с частной жизнью, в то время как роль мужчины является внешней, то есть ориентированной на обеспечение семьи.

Идентификация девочек с ролью матери реализуется в полном объеме, что определяется наличием эмоциональной близости матери и ребенка, способствующей освоению девочками женского гендера как роли. Контрастная ситуация свойственна для мальчиков, у которых «развивается позиционная идентификация с аспектами мужской роли. У них связь между эмоциональными процессами и обучением ролям нарушена»⁴³². При этом в гендере разделяется персональная и ролевая идентификация, преимущество отдается первой, вторая же реализуется вторично, по остаточному принципу, когда нет возможности реализовать личную идентификацию через принятие эмоционального образа человека, с которым ребенок себя соотносит.

Как следствие, необходимо говорить о том, что восприятие и дальнейшая трансляция психологического образа феминного и маскулинного гендеров имеет именно эндогенную нормативность, поскольку сформированный психологический образ первичен по отношению к ролевой идентификации персоны. Как итог, феминный гендер предполагает достижение личностной (внутренней) идентификации, маскулинный же гендер – прохождение процесса внешней идентификации, то есть отождествления себя с отцом как образцом в отсутствие длительного и постоянного общения с ним на психологических и по большей части социологических основаниях⁴³³. Такие социальные основания персональной идентификации в рамках маскулинного гендера определяют самостоятельность субъекта идентификации, а феминный гендер связывают с

⁴³¹ Калабихина И.Е., Ребрей, С.М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. №3. С. 65–77.

⁴³² Чодорю Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 33.

⁴³³ Силласте Г.Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. №2. С. 38 – 51.

высокой степенью приверженности своим социальным ролям, обусловленной привязанностью к матери. Исходя из этого утверждается преимущество маскулинного гендера перед феминным, суть которого состоит в его способности к внешним, социально ориентированным формам деятельности⁴³⁴.

В результате, можно говорить о том, что формирование и достижение гендерной идентичности предполагает классическую схему единства экзогенного и эндогенного, при которой женщина традиционно воспринималась как второй пол, что стало следствием коллективного воздействия на образ женственности как гендера, зависимого от мужчины. Таким образом, гендерная градация общества представляет собой навязывание персоне стереотипных моделей поведения⁴³⁵, ориентированных на использование психологического образа для формирования гендерно определенных стереотипов поведения: идея воспитания путем личностных и социальных примеров позволяет сформировать такие формы гендерной идентификации, которые могут способствовать достижению приемлемых форм социального бытия. Для этого может быть использована совокупность психологических приемов и методик, позволяющих достигнуть идентификационных практик как мужчине, так и женщине. Все это способствует формированию определенных стереотипных моделей поведения человека в семье и обществе, а значит, возникновению и поддержанию возможности распределения социальных статусов, основанных на психологическом устремлении мужчин и женщин к исполнению конкретных образцов поведения⁴³⁶.

На современном этапе развития гендерных форм персональной идентичности и идентификации следует говорить о нивелировании традиционных форм гендерных отношений, что концептуально обосновывается постмодернистским дискурсом, в котором реализуется критика логоцентризма –

⁴³⁴ Клецина И.С., Великова, С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в российском обществе. 2020. №3. С. 78–91.

⁴³⁵ Муртазина Д.Ф. Влияние философии Симоны де Бовуарна творчество Айрис Мердок (на материале романа «Колокол» // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 2. С. 239.

⁴³⁶ Dryaeva E.D., Kanaev I.A. Individual and social determinants for the formation of identity: A comparative analysis of research strategies // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Том 36. №4. С. 621–633.

представления о чем-то, что имеет центр, иерархию, приоритет, который определяет функционирование всей системы мировоззрения⁴³⁷. Признается негативная сторона логоцентризма и указывается на необходимость его смены на принцип полицентризма в любом тексте, в том числе в форме взаимодействия между субъектами социальной интеракции⁴³⁸. Как следствие, утверждается принцип полицентризма в процессе реализации персональной идентификации и его результата – достижения самоидентификации личности. Этот принцип представляется крайне важным, поскольку дает право любой персоне как субъекту социальных интеракций формировать необходимую форму гендерного самопроявления, не навязанную извне, то есть по своей природе фундированную исключительно на эндогенных основаниях.

В постмодернистской гендерной концепции реализуется проект деконструкции, предложенный как методологический принцип Ж. Деррида. Данный проект по содержанию напоминает принцип сомнения Декарта, однако он направлен на переосмысление оснований всех возможных текстов, в том числе культурного в виде интерсубъективных отношений. Главным постулатом деконструкции в оригинальной концепции французского мыслителя, как отмечает С.М. Малкина⁴³⁹, является восприятие центра как чего-то негативного, от чего следует отказаться.

В рамках постмодернистского понимания гендерной идентификации реализуется критика культуры логоцентризма в форме рацио- и фаллоцентризма. Критикуется доминирующая роль мужского гендера и подчиненный статус феминного социального пола исходя из того, что женщина, не обладая маскулинными свойствами, не получает общественного признания и исключается из общественных связей и отношений как полноценный и полноправный член социума. На таком основании признается необходимость

⁴³⁷ Панкратова М.Н. Проблема взаимодействия онтологической мотиформы и постмодернистского логоцентризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №8. С. 56–58.

⁴³⁸ Семенова В.Э. Гендерная философия в поисках субъекта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. №3 (13). С. 139–144.

⁴³⁹ Малкина С.М. Критика метафизики и логоцентризма как основа интерпретативных стратегий деконструкции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, вып. 1/2. С. 18–21.

критики иерархии мужского и женского. Более того, мужское начало рассматривалось в качестве субъекта социальных отношений, в то время как женское начало категорировалось как объект влияния, подчиненное, определяемое со стороны мужского. Именно экспансия мужского как рационального и женского как отсутствие рационального воспринималась в логоцентристском обществе в качестве определяющего принципа организации отношения к женщине как полу и как к гендеру.

В постмодернистской теории понимания гендера через критику логоцентризма утверждается принцип разнообразных способов гендерной идентификации, среди которых выделяется маскулинный рациональный и феминный нерациональный вариант выражения сущности личности. Рядом постмодернистских исследователей закрепляется понимание гендерной идентификации как альтернатив друг другу. Феминный гендер трактуется как Другой по отношению к маскулинному гендеру.

Смысл обозначенной позиции состоит в признании за мужским началом принципа целостности, неделимости, покоя и самодостаточности, напрямую связываемого с разумом и логоцентричностью. Феминный гендер содержит в себе принципиально иные принципы самопрезентации: «женский» принцип есть принцип динамический, становящийся⁴⁴⁰. Л. Иригарей полагает, что женское представляет собой множественное, однако не только в смысле становления различных процессов, но и в значении множественности эрогенных зон женского тела⁴⁴¹. Мыслитель применяет данную ассоциацию для описания Друговости женского гендера в сравнении с мужским. Признается множественность, нелогичность женского гендера, формирование которого не подчиняется логике становления чуждого, «мужского» принципа.

Такая множественность должна быть создана самой женщиной, которая в процессе своего существования жизненно обязана отстоять себя перед

⁴⁴⁰ Мелихов Г.В. Женское как «свое» и «другое»: вариации на тему философствования Л. Иригарей и Э. Левинаса // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2008. №1. С. 145.

⁴⁴¹ Аристархова И.Л. «Этика полового различия» в концепции Люси Иригари // Социологический журнал. 1998. №3/4. С. 111–120.

доминированием мужского начала. Примат мужского, агрессивного и доминирующего по отношению к женскому не позволяет сформироваться в культуре женской субъективности, по крайней мере, на равных с мужским гендером. Никакое юридическое (говоря шире, экзогенное) закрепление не дает возможности выразить себя альтернативным гендерам, поэтому феминный социальный пол может формировать себя, активно выражать собственную уникальность, творить и отстаивать себя даже там, где существует доминирование маскулинного гендера.

Э. Сиксу выделяет ряд признаков, отличающих женскую гендерную идентичность: децентрализация в отношении к патриархальному складу, игнорирование традиционных бинарных оппозиций (активность/пассивность, мужское/женское и т.д.), стирание границ между хаосом и порядком (Я-Другой) и некоторые другие. При этом принципиально невозможным признается формирование феминного гендера по аналогии с маскулинным, поскольку он основан на децентрализации и превосходит дискурсы, основанные на мужском влиянии. Однако феминный гендер предполагает способность женщины занимать пространства, которые не подчинены теоретической, автоматизированной, рационализированной субординации⁴⁴². Таким образом, ученый приводит мысль о формировании женского гендера как альтернативы мужскому, равной ему, но никак не подчиненной ему на основании рационального маскулинного начала.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что в рамках постмодернистского феминизма признается в качестве основного тезис о децентрализации социальных отношений мужчины и женщины, формирование двух гендеров на основании их различий и право феминного социального пола на существование и отстаивания себя в качестве гендера, равного маскулинному. Все представители постмодернистского феминизма по-разному трактуют

⁴⁴² Воробьева С.Ю. Проблема «женского письма» в контексте теории дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2013. №1 (17). С. 180–187.

высказанную идею, однако по основным положениям исследователи сходятся во мнении.

Переведение представленной логики анализа гендеров на практический уровень позволяет говорить о существовании тенденции, в рамках которой становление гендерной идентичности определяется скорее необходимостью решения ряда социально значимых проблем, которые так или иначе стоят перед личностью – участником семейных и общественных отношений⁴⁴³. Так, необходимость обеспечения конкурентоспособности работающих супругов, повышения материального благополучия семьи, обеспечение детям условий для получения качественного образования и так далее обуславливает становление определенных форм гендерных статусов и ролей⁴⁴⁴. Как следствие, процесс реализации гендерной идентификации персоны и ее результата соответствующей формы самоидентичности становится динамическим. Критерием эффективности выступает полноценная реализация человеком его положения в обществе, что трактуется рядом мыслителей в качестве базового принципа становления любой социальной ткани. На примерах традиционного, советского и современного социального опыта Ю.С. Задворнова⁴⁴⁵ высказывает положение о нормативном закреплении необходимости так или иначе распределять маскулинные и феминные роли в семье и обществе.

Принципиальным является акцент на изменчивость, динамичность положения мужского и женского в системе общественных и семейных связей и отношений, что в значительной степени формирует представление о возможности выхода за пределы экзогенной нормативности гендерной идентичности⁴⁴⁶. Как следствие, необходимо говорить о наличии в природе гендерной идентификации элементов, дающих человеку, личности возможность

⁴⁴³ Попов А.В. Женщины в неблагоприятных условиях труда: субъективное восприятие и объективная реальность // Женщина в российском обществе. 2020. №3. С. 115–127.

⁴⁴⁴ Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16.

⁴⁴⁵ Задворнова Ю.С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. №2 (67). С. 32–40.

⁴⁴⁶ Nebel J.M. Normative Reasons as Reasons Why We Ought // Mind. 2019. Vol. 128, no. 510. P. 459–484.

выбрать наиболее эффективную модель общественно и семейно значимого существования.

Происходящие изменения в нормативном закреплении гендерных статусов и ролей, выраженные в увеличении роли эндогенных оснований, определяют и их примат над экзогенными нормами, позволяют говорить о тенденции к трансформации семейно-брачных отношений. Так, исследователями установлено⁴⁴⁷, что в современном социуме тенденцией является формирование так называемой эгалитарной семьи, в которой гендерные роли детерминируются необходимостью равной заботы о ее членах и нормативно закрепляется равенство выбора функционала гендерных ролей мужчин и женщин. Более того, на интеллектуальном уровне и в форме социальных практик закрепляется в качестве приемлемых форм поведения возможность изменения властных отношений между мужским и женским в пользу доминирования женского гендера и выполнения мужским аналогом тех функций, которые ранее трактовались в качестве феминно окрашенных. Представленное положение дел сохраняет иерархию семейных и гендерных отношений, однако дает возможность всем участникам идентификативного процесса реализовать собственный потенциал.

Как итог, формируемая персональная гендерная идентичность связывается с возможностью практического исполнения эндогенно детерминированных гендерных свойств в семейной и повседневной жизни и, как следствие, достижения статусов мужского и женского социального пола. Это позволяет оптимизировать внутрисемейные и социальные отношения⁴⁴⁸ и повысить эффективность совместного существования людей и достижения их гендерной идентичности.

Одновременно с этим следует говорить о формировании и практической реализации деструктивных тенденций становления гендерной идентичности в

⁴⁴⁷ Дадаева Т.М., Мишанина И.С. Гендерная роль мужчины в современных семейных практиках // Огарев-онлайн. 2020. №9 (146). С. 9.

⁴⁴⁸ Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72 – 90.

условиях современности – о феминизации маскулинности и маскулинизации феминности. В научной литературе утверждается, что существуют основания, которые способствовали таким тенденциям. Так, И.С. Поркшеян показывает, что процесс феминизации маскулинности основан на ряде социальных процессов, среди которых значимым оказывается повышенный спрос на «героев-воинов», образ которых представляет собой внешнюю оболочку, не имеющую соответствующего содержания⁴⁴⁹. Доминирование экзогенных образцов поведения без их наполнения эндогенным содержанием приводит к формированию идеологии, включающей в себя положение о возможности становления феминных качеств на место маскулинных.

Существенным основанием феминизации маскулинного гендера, как полагает И.С. Поркшеян, является система дошкольного и школьного образования, которая в российских условиях в большей степени укомплектована женским педагогическим составом. Человек в процессе своего обучения и реализации иных форм взаимодействия с различными институтами накапливает знания и опыт социально одобряемых моделей поведения через усвоение бесконфликтного выполнения социальных норм. Все это влечет за собой адаптацию маскулинного гендера к актуальным условиям и прохождение значительно феминизированного процесса социализации.

Вместе с тем феминный гендер разрывается между естественным инстинктом материнства и необходимостью построения карьеры как показателя материального благосостояния современного общества⁴⁵⁰. Внешне привлекательный процесс эмансипации сформировал в женщине основание для достаточно болезненной реакции даже на малейшее нарушение ее прав, проявление доминирования мужчины⁴⁵¹. Это в конечном счете влечет за собой трудности в процессе достижения гендерной феминной самоидентификации,

⁴⁴⁹ Поркшеян И.С. «Маскулинизация» и «феминизация» как социо-культурный феномен // Система ценностей современного общества. 2010. №10-2. С. 80–84.

⁴⁵⁰ Силласте, Г.Г. Социальная субъективность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 14–26.

⁴⁵¹ Богатова Л.М. «Мужчина» и «Женщина» на подиуме постмодерна // Известия Сарат. ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 251–257.

кризис семейно-брачных отношений и многие другие негативные социальные последствия.

Представленные тенденции определяют возможность, а порой и необходимость нарушения устоявшихся стереотипов гендерных моделей поведения, выраженных в столкновении экзогенных и эндогенных нормативных оснований, что приводит к возможным конфликтам в системе гендерных практик персональной и коллективной идентификации⁴⁵².

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что формирование гендера основано на социальных, экономических и психологических основаниях, предполагающих использование образа важности, значимости определенных моделей поведения, что дает возможность сформировать представления субъекта о желательности реализации индивидуальных и коллективных практик действия. На закреплении психологических, социальных, экономических ценностей формируется гендерная идентичность личности, в соответствии с которыми персона получает возможность вступить в систему семейных, брачных и иных связей и отношений.

Следует говорить о нормативной природе гендерной идентичности личности, выражающейся в единстве экзогенной и эндогенной нормативности. Первая выражается в совокупности внешне (социально и экономически) детерминированных требований к социально значимому поведению персоны, что определяется стремлением к стабильности общественной системы. Формирование гендерной идентификации позволяет персоне усвоить необходимые стереотипы поведения и мышления, и, в свою очередь, сократить затраты на познание современных социальных процессов и оптимизировать процесс принятия нужных решений. Кроме того, данные стереотипы служат основанием для оптимизации взаимодействий участников социальной интеракции. Усвоение гендерных стереотипов поведения и практик

⁴⁵² Янак А.Л. Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. №1. С. 118–126.

персональной идентификации делает возможной выработку сходных ценностных ориентаций, позволяющих транслировать культурно-исторический опыт.

Эндогенная нормативность персональной гендерной идентичности фундирует способности личности к самовыражению в системе гендерных статусов и ролей. Благодаря усвоению психологических оснований соответствующих форм идентичности становится возможным выбор личностью приемлемых моделей поведения, которые в полной мере помогают ей выразить персональные интенции.

Практическая реализация выведенного эволюционного принципа трансформации нормативного основания практик персональной идентификации дает возможность сделать вывод о смещении в условиях современности в сторону приоритета, доминирования эндогенных норм персональной идентичности над экзогенными, что приводит к изменениям в статусно-ролевой гендерной самоидентификации персоны.

§3. Коммуникативная и нормативная природа политической идентичности и идентификации личности⁴⁵³

В философской, социальной и гуманитарной мысли сложилось утверждение о том, что политическая идентичность представляет собой вид социальной идентичности, позволяющий демонстрировать в повседневной жизни свою принадлежность к той или иной политической общности⁴⁵⁴. Значимой особенностью данной формы идентичности представляется «соотнесенность граждан с политическими институтами и их вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие»⁴⁵⁵. Это позволяет говорить о

⁴⁵³ В данном параграфе использованы материалы статьи: Ерохин, В.С. Коммуникационная природа политической идентичности как основание участия личности в публичной политике / В.С. Ерохин // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 2. – С. 127–133.

⁴⁵⁴ Экзекова М.Н. Политическая идентичность как онтологическая категория: отраслевое определение идентичности в контексте политического бытия // Общество: философия, история, культура. 2022. №9 (101). С. 107–110.

⁴⁵⁵ Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7.

политической идентичности как о совокупности свойств персоны, относящих ее ко всему спектру институтов, движений, способов поведения, способностей личности отразить позицию в политической сфере.

Так понимаемая политическая идентичность есть не что иное, как модус коллективной самоидентичности, в рамках которой актуальной является позитивная реакция на угрозу кризиса идентичности, формируется образ коллективного «мы» и устойчивое понимание различий «свои – чужие», создается и реализуется властное единство общности, которое нацелено на реализацию политики идентичности⁴⁵⁶.

Видовым по отношению к данной форме идентичности может стать, например, понятие «партийная идентичность», поскольку наряду с родовыми признаками оно выражает чувство самоидентичности с определенным видом политических институтов, или понятие «государственная идентичность», поскольку именно государство справедливо понимается учеными как главный субъект политического процесса.

Проблемным, с точки зрения некоторых исследователей, является отсутствие позитивного привлекательного образа коллективного «мы», что снижает возможность контроля за образом политической идентичности в массовом сознании⁴⁵⁷. Исходя из этого, следует говорить о ценности изучения нормативных оснований политической идентичности для возможности разрешения представленной проблемы.

Одним из нормативных оснований политической идентичности следует считать действующие в государстве нормативно-правовые акты. Для России таковым, в частности, является Указ Президента от 25 января 2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г.

№ 2. С. 7.

⁴⁵⁶ Алибегилев Ш.А. Концептуализация понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России // Власть. 2016. №11. С. 100–105.

⁴⁵⁷ Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. №2. С. 173–194.

№ 808»⁴⁵⁸, в котором демонстрируется, что фундаментом общероссийской гражданской идентичности является сложившаяся система духовно-нравственных ценностей, которая дает возможность объединять самобытные культуры многонационального народа России.

В научной литературе ведутся споры о сущности и значении политической идентичности. Данное понятие восходит к термину *polis*, который имеет аналоги в других языках: в немецком *polizei* и латинском *polis*, а также греческом *polis* – город-государство, что может говорить о нормативном (в частности, юридическом, государственном) его содержании⁴⁵⁹. По этой причине политическая идентичность имеет двойственную природу, содержащую в себе экзогенную нормативность, выраженную в совокупности формальных оснований и принципов в форме гражданства, а также эндогенную нормативность, имеющую содержание неформализованного характера в виде выражения персоной отношения к своей гражданственности и формально закрепленным политическим институтам.

Уместно говорить о существовании группы научных разработок, в которых отмечается, что политическая идентичность предполагает наличие коллективного образа, выраженного в самоотождествлении субъекта политических отношений с образом государства. Процесс такой политической идентификации отражается в ключевых нормативных и доктринальных документах страны (экзогенная нормативность) и укорененности такой нормативности в общественном сознании граждан государства (эндогенная нормативность).

Первый аспект нормативной природы политической идентичности реализуется в идее И.Н. Тимофеева⁴⁶⁰, который полагает, что политическая идентичность выражает групповое соотнесение государства с совокупностью

⁴⁵⁸ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (дата обращения: 01.08.2025)

⁴⁵⁹ Стукалов П.Б. Политическая идентичность как предмет исторического исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2021. №1. С. 81–85.

⁴⁶⁰ Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 151.

официально задокументированных норм, позволяющих ему определить свое место в структуре внутригосударственных и международных отношений. В рамках такого понимания речь идет о групповой, коллективной форме политической идентичности. Более того, представленное видение процесса самосоотнесения предполагает существование формализованного в нормативных актах образца, с которым реализуется процесс идентификации. Как следствие, имеет смысл говорить о персональной политической идентификации как процессе соотнесения себя с формальными статусами и ролями в политическом измерении личностного бытия.

Для российского государства основаниями такого соотнесения служат действующие нормативно-правовые документы, описывающие принципы организации политического существования гражданина как участника всех возможных значимых политических процессов. К таковым среди прочих можно отнести Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666⁴⁶¹, различные государственные программы (в частности, государственную программу РФ «Реализация государственной национальной политики», утвержденную постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. №1532⁴⁶²) и планы их реализации, а также ряд законов и подзаконных актов, регулирующих становление и практическую реализацию политической идентичности России.

В этом отношении справедлива идея И.М. Мусаева и А.А. Гаджиевой⁴⁶³ о конструктивной природе политической идентичности. Причиной такого положения дел следует считать влияние государственных структур, нормативно

⁴⁶¹ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 01.08.2025)

⁴⁶² Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 № 1532 (ред. от 13 декабря 2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (дата обращения: 04.09.2025)

⁴⁶³ Мусаев И.М., Гаджиева А.А. Государственно-гражданская идентичность: теория и опыт формирования // Социально-политические науки. 2018. №1. С. 15–19; Их же. Основы формирования политической идентичности // Социально-политические науки. 2017. №1. С. 7–10.

(юридически) детерминирующих поведение персоны и ее взаимодействие с социальными группами.

Второй аспект может быть рассмотрен через призму понимания нормативной природы политической идентичности как совокупности «наиболее значимых политических ориентаций, которые во многом определяют политическое поведение и политические установки человека»⁴⁶⁴. В таком ракурсе выражаются внутренние персональные предпочтения человека, отражаются его устремления и стремление определить свое место в социальной и политической структуре общества и государства. Речь в данном случае идет о неформальных образцах процесса самосоотнесения с политическими идеалами и образцами личностного бытия, которые позволяют достигать человеку не только юридически закрепленных статусов и ролей, но и такого положения в обществе и политическом бытии, которое отражается совокупностью его персональных интересов⁴⁶⁵.

С нашей точки зрения имеет смысл соединить два представленных понимания политической идентичности и идентификации, поскольку эндогенные формы нормативной детерминации политической идентичности невозможно помыслить без наличия коллективных экзогенных нормативных оснований форм личностной самоидентичности. Кроме того, экзогенная и эндогенная стороны процесса идентификации в целом и политической ее формы в частности в значительной степени дополняют друг друга.

Стремясь дополнить понимание политической идентичности, И.С. Семененко утверждает, что она представляет собой «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Она утверждается во взаимодействии с

⁴⁶⁴ Корниенко Т.А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности // Вестник Волгоградского университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. №2 (16). С. 62.

⁴⁶⁵ Ребров А.И. Локальная политическая идентичность // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. №1 (101). С. 20–40.

политическими институтами и реализуется в публичной сфере»⁴⁶⁶. Мы видим, что политическая идентичность личности предполагает наличие комплекса идей, чувств и представлений, посредством которых отдельный субъект, личность соотносит себя с институтами и политической системой общества и государства, выражая, с помощью совокупности соответствующих признаков принадлежность к ним. Можно выделить такие значимые свойства политической идентичности персоны, как возможность коммуникации и публичность, подразумевающие возможность и необходимость взаимодействия персоны с другими участниками политического процесса, а также взаимной передачи информации между ними⁴⁶⁷.

На современном этапе становления персональной политической идентичности следует говорить о необходимости использования ресурсов так называемых воображаемых сообществ – социальных групп, в которых мы идентифицируем себя с целым сообществом, но не знакомы со всеми его представителями. Применяются различные технологии, позволяющие сформировать представления отдельного субъекта о коллективном «мы»⁴⁶⁸.

В научной литературе отмечается символическая природа воображаемых сообществ. Ученые полагают, что «символизируя в социальной реальности воображаемые конструкты коллективного бытия, общность становится носителем и активным преобразователем коллективного образа в собственную субъективную реальность – которая существует идеально, как символ вполне конкретных и социально обусловленных связей и контактов между людьми, тем самым оформляя границы коллективной идентичности»⁴⁶⁹. Субъект общественных отношений, основываясь на экзогенных нормах воображаемых сообществ, присваивает себе совокупность признаков, присущих конкретному

⁴⁶⁶ Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева; РАН. ИМЭМО, М., 2011. С. 8.

⁴⁶⁷ Расторгуев С.В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. №4. С. 89–96.

⁴⁶⁸ Крисковец Т.Н., Сайтбаева Э.Р., Кириллова Е.С. Общая характеристика феномена «политическая идентичность обучающегося» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2024. №4 (244). С. 60–65.

⁴⁶⁹ Немчина В.И. Доминирующие стратегии идентификации и производство коллективностей // Гуманитарий Юга России. 2014. №3. С. 122.

сообществу, на разных основаниях, что делает его членом такой группы. Как результат, внешняя, основанная на системе предписанных требований политическая идентичность предполагает формирование в мировоззрении субъекта эндогенной нормативности, закрепляющей внешние требования в субъективной реальности человека. Преимуществом такого способа персональной политической идентификации является сочетание интерактивности и неограниченный диапазон контента.

Соответственно, следует говорить о возможности использования ресурсов воображаемых сообществ для формирования единых нормативно детерминированных представлений о самоидентичности персоны в политической сфере с определенными сообществами. Нормативные основания политического бытия персоны детерминируют и позволяют транслировать описанные формы идентификации, что облегчает регламентацию поведения каждого из его участников.

В узком смысле политическая идентичность выражает соотнесенность граждан с политическими институтами и их вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие в условиях политического бытия персоны. В данном понимании сочетаются экзогенные формально-государственные нормативные основания персональной политической идентичности и концептуальные (эндогенные) формы достижения персональной политической идентичности. Отметим, что узкий смысл процесса политической идентификации позволяет апеллировать к использованию нормативных ресурсов государственного принуждения и формирования соответствующего коллективного образа. В широком смысле политическая идентичность включает в себя проекции различных социальных составляющих – национальных, религиозных, территориальных и проч.⁴⁷⁰

Структура политической идентичности, как полагает О.В. Попова, содержит три важных элемента: когнитивный, ценностный (аффективный) и

⁴⁷⁰ Махмутова Е.В., Волхонская З.И. Политическая самоидентификация молодежи. Понятие, компоненты, оценка // Власть. 2022. Т. 30. №4. С. 111–116.

инструментальный⁴⁷¹. Когнитивный элемент содержит в себя знания о политической группе, политическом институте, с которым персона себя соотносит. Ценностный элемент включает в себя совокупность чувств и эмоций, переживаемых субъектом политической идентификации. Инструментальный же аспект выражает коллективные действия, позволяющие связать людей в единое целое. Такие действия представляют собой инструмент для формирования политической идентичности субъекта интеракции.

В некоторых исследованиях утверждается близость значения понятий «политическая идентичность» и «общенациональная идентичность». С нашей точки зрения такая позиция несправедлива, поскольку свойства, закрепленные в представленных понятиях, выражают различные состояния и признаки человека как представителя политической общности и как члена национальной, этнической или общественной группы.

Под национальной идентичностью следует понимать «устойчивую взаимосвязь человека с национальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), репрезентацией которой выступает образ «мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемый посредством института государства и политико-культурной традиции государственности»⁴⁷². Так понимаемая национальная идентичность определяет сферу именно государственной самоидентичности персоны.

Для российской действительности вопрос о национальном самоопределении личности предполагает решение проблемы культурного и религиозного межгруппового размежевания населения РФ. Согласно переписи населения РФ, проведенной в 2010 г., доля граждан, идентифицировавших себя как русские, составила 77,71 %⁴⁷³. Эту часть граждан России имеет смысл

⁴⁷¹ Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та, 2002.

⁴⁷² Титов В.В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тул. Гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2017. №1. С. 43.

⁴⁷³ Национальный состав России 2022 (перепись 2010) // statdata.ru: сайт. URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii> (дата обращения: 24.08.2025).

трактовать как носителей неформальных внутригрупповых солидарных представлений о нации.

На формальном и юридически формализованном уровне в Указе Президента РФ № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» определяется положение, согласно которому весь народ РФ обозначается как «российская нация», объединенная на основании единого культурного (цивилизационного) кода.

По вопросу о национальном самоопределении личности в российской действительности в научной литературе развернулась дискуссия⁴⁷⁴, участники которой пришли к выводу о том, что между нацией и империей включено понятие «цивилизация». Страна-цивилизация представляет собой единственное понятие, позволяющее учесть как национальную идентичность в значении преобладания русского культурного элемента, так и толерантность по отношению к представителям других культур. Такую точку зрения поддержал Президент РФ В.В. Путин в интервью программе «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия1» от 17 мая 2020 г., где он определил Россию как «многонациональную цивилизацию»⁴⁷⁵.

Современными учеными национальная идентичность трактуется в качестве доминирующей, поскольку динамическая природа национальной идентичности предполагает использование всех ее форм для конструирования образа «своего» и «чужого», а также для того, чтобы сформировать концептуальное основание для эффективного психологического восприятия отдельным человеком собственной принадлежности к большой социально-политической группе. Кроме того, создание образа, заключенного в воображаемых сообществах, и формирование на его основе национальной идентичности дает возможность интегрировать ее в систему макросоциальных идентичностей, что приводит к способности и возможности ориентаций в

⁴⁷⁴ Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. С. 195–205.

⁴⁷⁵ Апулеев И. Путин назвал Россию отдельной цивилизацией. // Газета.RU. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/05/17_a_13086487.shtml (дата обращения: 24.08.2025).

макрополитике. Именно политическая характеристика национальной идентичности позволяет объективировать принципиальные свойства коллективного мы, выраженного в нации.

Предполагается наличие образа коллективного «мы», который конструируется и поддерживается институтом государства через выделение и нормативное закрепление совокупности объективных свойств социальной группы. К последним имеет смысл отнести подчиненность субъектов, обладающих национальной идентичностью, конкретной политической системе, их способность влиять на нее, а также свободу и разумность в процессе формирования государственных институтов⁴⁷⁶. В таком понимании национальная идентичность имеет амбивалентную природу, поскольку предполагает связь с государственными институтами, а также активное участие личности как гражданина, стремящегося достигнуть национальной самоидентичности.

Политическая же идентичность связана с более широким комплексом субъектов – участников политической сферы совместного бытия, поэтому данное понятие может трактоваться как более широкое, нежели понятие «национальная идентичность». Кроме того, использование ресурсов данного понятия и социального феномена на уровне российской государственности позволяет достигнуть устойчивой российской самоидентичности и сформировать практики ее репрезентации в мировом сообществе⁴⁷⁷.

С одной стороны, проблемным представляется несоответствие множества отдельных национальных (в значении национальности) идентичностей единой целостной национальной (как сформированной государством) идентичности государства. С другой стороны, речь идет об устойчивости политического развития и функционирования общественно-политических институтов за счет

⁴⁷⁶ Ерохин В.С. К вопросу о понятии национальной идентичности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 274–278.

⁴⁷⁷ Алаудинов А.А. Роль политических институтов и практик в формировании общенациональной политической идентичности в России // Теория и практика общественного развития. 2014. №20. С. 114–116.

использования ресурсов принадлежности человека и личности к национальным образованиям.

Формирование так понимаемой политической идентичности детерминируется нормативными основаниями, имеющими различную природу. Следует говорить об экзогенной и эндогенной нормативности, детерминирующей формирование образа коллективно политического «мы».

Экзогенная нормативность политической идентичности формируется в процессе проводимой государством политики идентичности, что выражается в юридически закреплённом способе отождествления социального субъекта с образом воображаемого сообщества, закрепляющего в себе признаки национального коллективного «мы». Такая экзогенная нормативность политической идентичности закрепляется в конституционных нормах, ряде других нормативно-правовых актов, стратегиях государственной национальной политики и политике идентичности, а также иных государственных программах, принимаемых на определённый срок. В отличие от западной демократии, ориентированной на трансляцию либеральных ценностей, в отечественной политической традиции при формировании политической персональной идентичности продвигаются традиционные ценности, главной из которых является патриотизм.

Этот вид идентичности представляет собой результат процесса идентификации с так называемым воображаемым социально-политическим сообществом. Данный термин следует понимать через понятие «социальное воображаемое», содержание которого включает в себя «способы, благодаря которым они [социальные субъекты] представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями»⁴⁷⁸. Воображаемые сообщества предполагают реализацию повседневных практик, то есть действий, а также

⁴⁷⁸ Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 1 (69). С. 19.

способов самоощущения и самопрезентирования. Человек мыслит себя частью большой социально-политической общности, приписывает себе единые свойства, отражающие содержание данной социальной группы.

Процесс создания воображаемых сообществ содержит в себе необходимость использования смысловой и символической социальной реальности. «Символизируя в социальной реальности воображаемые конструкты коллективного бытия, общность становится носителем и активным преобразователем коллективного образа в собственную субъективную реальность – которая существует идеально, как символ вполне конкретных и социально обусловленных связей и контактов между людьми, тем самым оформляя границы коллективной идентичности»⁴⁷⁹. На основании использования ресурсов воображаемых сообществ, закрепленных в экзогенных нормативных основаниях, становится возможным достигнуть положения, при котором человек как гражданин воспринимает себя в качестве члена конкретного политического воображаемого сообщества, что дает ему право говорить о себе как о субъекте, который принадлежит коллективу.

Технологией формирования такого образа следует считать политику памяти, представляющую собой деятельность по воспроизводству образов прошлого, формированию их интерпретаций, значимых для современного политического контекста. Политика памяти в таком случае есть не что иное, как «набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие»⁴⁸⁰. В рамках данного процесса субъекты политики памяти используют имеющийся символический потенциал для сохранения ощущения целостности нации и единства его членов. Как следствие, ресурсы политики памяти позволяют закрепить в образе политической (равно как и национальной)

⁴⁷⁹ Немчина В.И. Доминирующие стратегии идентификации и производство коллективностей // Гуманитарий юга России. 2014. №3. С. 122.

⁴⁸⁰ Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. №. 5. С. 62–75.

идентичности ценности, образы, смыслы и их интерпретации, приоритетные для конкретного государства.

Частным случаем практического воплощения экзогенной нормативности политической идентичности с помощью политики памяти является конструируемый образ исторического прошлого в рамках реализации политики идентичности государствами Вышеградской группы. Так, Н.А. Медушевский, анализируя проведение политики памяти в ряде государств данной группы, указывает на преднамеренное, экзогенное конструирование образа жертвы при формировании национальной идентичности в Словакии, Венгрии и Чехии, а также закрепление данного образа как базового в официальных нормативно-правовых документах и мемориальных практиках⁴⁸¹. Проведение такой политики памяти имеет ряд исторически значимых причин, создающих основание для закрепления ценностных и нормативных ориентиров государственной политики национальной идентичности этих стран.

Вместе с тем следует полагать, что достижение политической идентичности только на основании экзогенной нормативности невозможно, поскольку формируемые на их основании соответствующие ценности не всегда могут быть усвоены субъектами коллективной интеракции. При формировании образа политического «мы» целесообразно говорить об использовании эндогенной нормативности, которая может быть связана с двумя взаимодополняющими концептами. Один из них определил И. Кант, для которого нация как совокупность граждан государства способна оказывать влияние на организацию политической системы и заинтересована в таком процессе.

Эндогенность данного процесса определяется свойством разумности гражданина, «автономность которого обуславливает свободу выбора

⁴⁸¹ Медушевский Н.А. Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 4А. С. 5–18; Его же. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 4А. С. 19–33; Его же. Политика памяти в Словакии на современном историческом этапе. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 3. С. 36–51.

"национального" и относящихся к нему особенностей почти в любой комбинации»⁴⁸². Полагается, что разум определяет возможность и способность формирования проявлений политического самосознания в целом и национального его аналога в частности. Человек оказывается свободным в процессе формирования политической идентичности, выбирая соответствующую группу, членом которой он хочет быть. Гражданственность становится выражением сущности человека, его интенций и желания формировать социальный мир вокруг себя. Гражданственность, соответственно, оказывается результатом активности самого человека, системы его ценностей, реализуемой социально значимой активности. Таким образом, политическая идентичность становится выражением эндогенной нормативности человека.

Актуализация представленных идей в современности проявляется в утверждении о том, что гражданское общество суть единство свободных людей, объединяющихся для решения задач, которые затрагивают их интересы. Следует полагать, что «люди создают коллективы сознательно, что дает возможность говорить о подлинной общинности, в отличие от коллективов, созданных или находящихся под контролем государства, которые в первую очередь отражают государственные интересы, а не личные. В гражданском обществе человек может свободно покинуть коллектив, не опасаясь применения против него каких-либо санкций со стороны общества или государства»⁴⁸³. Следовательно, политическая идентичность, определяемая через свободное формирование соответствующих институтов, становится проявлением разумности и свободы человека как выражения его эндогенной нормативности.

Необходимо оговориться, что проведение государством политики памяти имеет экзогенный характер, поскольку по отношению к отдельной личности его деятельность по формированию представлений о коллективном «мы» и навязыванию определенной системы ценностей является внешней. Однако

⁴⁸² Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Понятие «политической нации» и «этнически фреймированные» конфликты в экономической парадигме политического // Общество: философия, история, культура. 2021. №5. С. 15.

⁴⁸³ Евтушенко М.В. Становление гражданского общества в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2008. №2. С. 24.

результат такого влияния оказывается эндогенным, так как предполагается усвоение отдельной персоной аксиологического содержания политики памяти, выраженного в том числе в образах, содержащихся в коллективной памяти поколений. Поэтому иным основанием эндогенных норм политической идентичности следует считать усвоенный в результате реализации политики памяти образ исторического прошлого, который в самом общем виде может быть понят как единое основание коллективной памяти, феномен памяти поколений. В самом общем виде данное понятие можно отождествить с термином «историческая память», концепт которой может быть проинтерпретирован по-разному. Приводя ряд толкований данного термина, К.С. Романова высказывает принципиальную идею о необходимости коллективной памяти поколений (исторической памяти), поскольку в ней заключается сохранение и понимание общественного (политического) исторического опыта. Принципиальным для нас является тезис о необходимости наличия общих для множества людей, принадлежащих к одной нации, исторических событий, их сохранения в памяти и наличия единого понимания и сходного эмоционального переживания. Именно на этих основаниях становятся возможными непрерывность исторической памяти, а также преемственность социального бытия⁴⁸⁴.

В рамках так понимаемой памяти поколений становится возможным закрепление ценностных ориентиров социальной группы, выраженных в жизненном опыте, знании событий, которые пережиты и прочувствованы целой группой людей. Такие ценности формируют коллективные воспоминания как «набор действий и чувств, которые выходят за рамки интересов узкого круга историков-профессионалов. Эти действия могут опираться на профессионально написанную историю, но они от нее не зависят»⁴⁸⁵ и по этой причине позволяют закрепить эндогенные нормативные основания политической идентичности.

В рамках современной российской действительности реализация экзогенной нормативности политической идентичности с помощью политики

⁴⁸⁴ Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс Пи. 2016. №3-4 (25-26). С. 32.

⁴⁸⁵ Там же.

памяти позволяет сохранить эндогенную нормативность памяти поколений, что выражается в использовании ряда механизмов трансляции ценностей, закрепленных в историческом опыте в различных сферах отечественного общественно-политического бытия. Так, используются ресурсы СМИ для трансляции художественных и научно-популярных кинолент, повествующих об историческом прошлом России, достижениях известных отечественных государственных и политических деятелей, изобретателей, ученых, конструкторов, поэтов, покорителей космоса и других известных личностей.

В рамках российского музейного дела проводится ряд мероприятий, нацеленных на сохранение и поддержание отечественных исторически значимых ценностей, демонстрирующих высокую роль российского государства в мировой истории.

Реализуется множество волонтерских мероприятий, направленных на консолидацию российского общества. Так, на регулярной основе проводятся акции по сбору гуманитарной помощи участникам специальной военной операции. Для них же организуются культурно-массовые и спортивные мероприятия.

Кроме того, в настоящее время в рамках проводимой политики памяти в учебные планы российских вузов введен курс «Основы российской государственности». Необходимость его разработки и внедрения в учебный процесс, с точки зрения некоторых исследователей, обусловлена мировоззренческим кризисом, включающим в себя отсутствие национальной идеи и идеологии и основанным на мировоззренческой гетерогенности российского общества как дестабилизирующего аксиологического фактора построения российской государственности. Возникшие внешние угрозы «детерминировали поиск объединяющей национальной идеи, которая могла бы сплотить вне зависимости от социальной или политической принадлежности россиян разных возрастов, национальностей, конфессий и вероисповеданий»⁴⁸⁶.

⁴⁸⁶ Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Батов А.Т. Мировоззренческие компоненты модели «пентабазиса» в современной политике России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С.

В результате были разработаны концептуальные основания и ряд педагогических технологий для формирования мировоззренческих установок глобального российского политического «мы».

Таким фундаментом в рамках представленного курса становится так называемый пентабазис, для каждой компоненты которого определяется своя ценность. Как следствие, предполагается формирование и закрепление ряда аксиологических принципов российской государственности, включающих в себя созидание, традиции, согласие, доверие к институтам и патриотизм⁴⁸⁷.

Представленная схема на уровне поведения отдельного человека мыслится как фундамент достижения базовых коллективных экзогенных ценностей (безопасность и стабильность социального бытия) и их интериоризации, выраженной в переводе в форму эндогенных норм персональной идентичности. Закрепление в мировоззрении социального субъекта данных ценностей становится способом формирования преемственности традиций, согласования всех возможных коллективных связей и отношений, что, в свою очередь, определяет доверие к государственным институтам, формируя тем самым чувство патриотизма⁴⁸⁸.

Кроме того, в рамках образовательной деятельности проводится ряд воспитательных, патриотических и иных мероприятий, направленных на формирование, закрепление и развитие в подрастающем поколении обозначенных выше аксиологических принципов.

Как итог, имеет смысл полагать наличие определенных технологий трансляции и закрепления ценностных ориентиров, выраженных в экзогенных нормах, которые в процессе культурной, образовательной и просветительской деятельности закрепляются в мировоззрении отдельного человека, становясь элементом его эндогенных норм. В результате появляется возможность

191.

⁴⁸⁷ Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробаций) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19.

⁴⁸⁸ Гришанин Н.В., Миневиц Я.В., Меркушева А.С. Формирование патриотизма в России: пентабазис и корпоративная культура // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 2 (38). С. 117–126.

трансформации экзогенных нормативных оснований персонального бытия в их эндогенный аналог с закреплением в поведении отдельной личности желательных для государства моделей поведения и форм персональной политической идентичности.

Следует заметить, что закрепление и трансляция ценностных ориентиров социальной группы в условиях цифровой среды реализуется за счет ресурсов интернет-технологий, в том числе на площадках социальных медиа. Используя авторский коммуникационный подход, С.В. Тихонова и Д.С. Артамонов демонстрируют, что социальные медиа трактуются в качестве арен, дающих возможность структурировать процессы производства исторического знания⁴⁸⁹. Такие арены трактуются в качестве среды, в которой циркулируют различные аксиологические нарративы, позволяющие конструировать различные (в том числе политические) коллективные идентичности.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что политическая идентичность представляет собой результат конструирования, основанием которого является единство экзогенной и эндогенной нормативности. Формирование в сообществе необходимых свойств и их достижение субъектами – членами национально-политической группы определяется фактором внешнего конструирования со стороны государства и политических структур, что реализуется на основании ресурсов политики памяти, закрепляющей в образе коллективного политического «мы» приоритетные для государства ценности.

Таким образом, принципиальной становится экзогенная нормативность политической идентичности. Однако для закрепления необходимых признаков в мировоззрении отдельного человека, равно как и всего сообщества, необходимым является использование ресурсов памяти поколений (иначе говоря, исторической памяти). Последние дают возможность интериоризировать коллективно значимые ценности через их эмоциональное переживание в

⁴⁸⁹ Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Цифровая мифология медиапамяти // Наука, технологии, ценности в неустойчивом мире. М., 2024. С. 754–757.

интеллектуальный коллективный опыт, формируя тем самым эндогенные нормативные основания политической идентичности.

Политическая идентичность личности, как полагает И.Н. Тимофеев, содержит в себе три важных составляющих:

- совокупность политических принципов, лежащих в содержании нормативного основания самоидентичности персоны, осознания себя гражданином государства. Совокупность нормативных представлений позволяет гражданам оценить государство как политическое сообщество, а также осознать себя его гражданами. Такая система экзогенных норм политической идентичности человека становится основанием для формирования коллективных представлений о приемлемости допустимого поведения в государственности и совокупности действий самого государства как субъекта политических отношений;

- совокупность представлений об уникальной сущности конкретного государства, дающей основание для оппозиции «Я – Они». Это основание позволяет говорить о существовании групповой политической идентичности, предполагающей необходимость постановки границы и разделения условно «своих» и «чужих». Такие представления дают возможность маркировать в первую очередь символические представления о границах своего и чужого сообщества, в том числе государства, определить на символическом уровне границы собственной политической идентичности. Политическая идентичность, таким образом, позволяет личности установить как свою принадлежность к совокупности субъектов как социально-политической группе, так и отношение к группе «Другие», что в результате приводит к дистанцированию личностей как субъектов различных отношений в системе «Я – Другой». Становится нормативно обоснованным положение, при котором «свои» воспринимаются позитивно, как ценные, а «Другие» трактуются как не-ценные, как минимум иные, не характерные для «своего» сообщества;

- совокупность представлений об историческом прошлом политического сообщества. Определяются значимые исторические события, помогающие

гражданам в осознании собственной идентичности⁴⁹⁰. В некоторых научных разработках утверждается, что «политическая идентичность призвана интегрировать сообщество на основе самоидентичности у народа, поскольку представляет собой совокупность фундаментальных базисных принципов, служащих основой единства политического сообщества»⁴⁹¹. Временная (историческая, биографическая) характеристика персональной идентичности реализуется на уровне политической и исторической идентификации, что дает возможность в явной форме достигнуть самоидентичности с определенной политической группой. Именно для формирования данных представлений государством используется политика памяти.

Современная политическая идентичность персоны формируется под влиянием множества факторов, среди которых традиционно выделяются глобализационные процессы, трансформирующие принципы взаимодействия между членами государств. С размыванием культурных границ, ростом миграционных потоков «механизмы формирования и поддержания идентичности приобретают большую пластичность и вариативность»⁴⁹². Однако значимой для нас является возможность сохранения нормативных и концептуальных оснований политической идентичности, что формирует экзогенные и эндогенные нормативные детерминации достижения самоидентичности личности в измерении ее политического бытия.

В научной литературе выделяется множество субъектов, оказывающих существенное влияние на формирование политической идентичности личности. Среди таковых ключевым представляется государство, способное проводить политику идентичности через использование различных ресурсов: символической политики, политики языка и т.д. Среди других субъектов политической идентификации значимыми выступают:

⁴⁹⁰ Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: МГИМО-Университет, 2008.

⁴⁹¹ Корниенко Т.А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. №2 (16). С. 67.

⁴⁹² Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Политические исследования. 2008. № 3. С. 30.

- политические партии и политическая конъюнктура, поскольку они могут выражать в символической форме политически ценные концепты больших масс людей. Такие формы определяют нормативное и содержательное основание политической идентичности персоны, так как способны формировать базовые принципы ее достижения;

- общественные организации и институты, которые оказывают влияние на политику памяти⁴⁹³;

- интеллектуалы и интеллектуальные сообщества, имеющие потенциал формирования повестки дня, содержащей важные вопросы о политической, гражданской и прочей идентичности, а также о сущности и способах практической реализации политических институтов.

Значимыми субъектами политической идентификации представляются интеллектуалы как совокупность лиц, способных к производству интеллектуальных идей в различных сферах общества, а также творению принципиально новых форм культуры. Главными признаками интеллектуала можно считать высокую образованность и компетентность в конкретных областях науки и практической деятельности. Интеллектуальность, таким образом, может представлять собой информационно-функциональную характеристику человека, которая позволяет ему искать решения социально ценных задач, предлагать такие решения, которые могли бы повысить эффективность общественного бытия, а также социальных институтов как его структурных элементов. Интеллектуальность, соответственно, имеет функциональное значение, призванное искать эффективные решения социальных проблем⁴⁹⁴.

На этом основании можно стоит о том, что интеллектуалы могут пониматься в качестве субъектов гражданской ответственности и выразителей

⁴⁹³ Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. 2016. №2. С. 164–180.

⁴⁹⁴ Усманов С.М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссионные проблемы и варианты научной интерпретации // Вестник Костромского государственного университета. 2016. №6. С. 40–44.

интересов определенных социальных групп⁴⁹⁵. Как следствие, именно они представляют собой социальную группу, имеющую ресурсы для реализации эволюционных форм социальных и политических трансформаций. С точки зрения А.В. Бутиной⁴⁹⁶, в ряде государств именно интеллектуалы способны формировать отдельные общественно-политические движения, позволяющие трансформировать политические и правовые институты, а также соответствующую им политическую идентичность.

Ярким примером успешной трансформации системы политических институтов служит деятельность Сапатистской армии национального освобождения (САНО) в Мексике в 1990-е г., основные цели которой состояли в привлечении внимания к растущему разрыву между богатыми и бедными в стране, призыве к демократическим преобразованиям в государстве и проведении земельной реформы, предусмотренной Конституцией Мексики 1917 г., но не проводимой по причине противодействия со стороны действующего правительства. Интеллектуалы в своих требованиях апеллировали к идее социальной справедливости, основанной на действующем законодательстве. В результате произошло мирное разрешение конфликта, повлекшее за собой социально-политические и правовые трансформации государства. Отметим, что роль интеллектуалов в данном случае заключалась в формировании условий возможности социальных преобразований, а также в их способности концептуализировать подготовку таких преобразований в форме идеологической работы с населением государства. Роль интеллектуалов определяется в первую очередь конструированием единых экзогенных нормативных оснований, лежащих в основании согласования коллективной интеракции.

Кроме того, роль интеллектуалов в формировании и определении политической идентичности состоит, как показывает Н.Н. Равочкин, в

⁴⁹⁵ Бакшутова Е.В. Интеллектуал vs интеллигент: проблема самоопределения современной интеллигенции // Поволжский педагогический вестник. 2015. №3 (8). С. 15–17.

⁴⁹⁶ Бутина А.В. К проблеме оценки роли интеллектуалов в современном обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №47. С. 94–102.

формировании стереотипов мышления, определяющих принципы взаимодействия между участниками политической интеракции и сохранении культурной памяти, позволяющей сбросить в глобализирующемся мире историческую составляющую политической идентификации⁴⁹⁷. Интеллектуалы выполняют роль архивариуса, т.е. сохраняют традиционные ценности, дающие возможность закрепить целостную картину социальной действительности. Так понимаемая активность интеллектуалов становится фундаментом творения эндогенной нормативности политической идентичности.

Таким образом, интеллектуалы имеют возможность формировать как необходимые актуальные социальные и политические институты и соответствующие им нормативные основания форм политической идентичности, так и негативные, протестные формы политической идентичности, выраженные в реализации различных протестных движений как в России⁴⁹⁸, так и за рубежом⁴⁹⁹. Интеллектуалы как субъекты политической интеракции содействуют формированию политических и правовых институтов, что позволяет регламентировать образцы политического взаимодействия и моделей политической идентичности, которую персона может использовать для персонального существования в политической области собственного бытия.

Политическая идентичность и идентификация личности как феномен позволяет обозначить вовлеченность персоны как субъекта общественных связей и отношений в политическое и институциональное взаимодействие. Это становится возможным на основании получаемых личностью гражданских статусов и ролей, которые лежат в основании гражданской самоидентичности персоны.

Данное понятие выражает свойство субъекта права обладать совокупностью юридически значимых свойств, закрепленных в нормативных

⁴⁹⁷ Равочкин Н.Н. Роль интеллектуалов в обеспечении эволюционного варианта развития современного социума // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №4. С. 4252–4261.

⁴⁹⁸ Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. №2 (112). С. 73–86.

⁴⁹⁹ Нестеров А.Г. Джаяни М.С. Движение пяти звезд как феномен «протестной партии» в Италии XXI века // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 290–303.

документах, законах и подзаконных актах. Такое понимание правовой идентичности позволяет указать на усвоение личностью правовых норм и ценностей, которые определяют свойства персоны.

Термин «гражданская идентичность» может трактоваться «во-первых, как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющей для индивида значимый смысл; и во-вторых, как феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующий эту общность как коллективный субъект»⁵⁰⁰. Это понятие выражает осознание личностью своей соотнесенности с определенным сообществом и предполагает единство двух компонентов: индивидуального переживания самотождественности со значимым образом государственных и иных политических структур, а также коллективного образа гражданского сообщества.

Первый компонент гражданской идентичности предполагает осознание личностью своей принадлежности к некоторой социальной группе вместе с «эмоциональным и ценностным персональным смыслом группового членства»⁵⁰¹. Утверждается, что через данный вид идентичности персона удовлетворяет потребности в принадлежности к группе, что дает ей возможность чувствовать себя более комфортно и уверенно в сложной и не всегда понятной социальной реальности. Таким образом, используются ресурсы персонального бытия личности и различных ее возможностей и способностей.

Вместе с тем персона приписывает себе второй, надындивидуальный, компонент гражданской идентичности, что делает возможным осознание ее единства с коллективным субъектом. Именно второй компонент гражданской идентичности становится основанием для возможности прохождения персоной процесса политической социализации⁵⁰² через усвоение социальным субъектом

⁵⁰⁰ Монастырский Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23, №1. С. 183.

⁵⁰¹ Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. №5-6 (43-44). С. 140.

⁵⁰² Дюбина Т.Г., Городова Д.Д., Пачир Г.Р. Взаимовлияние политической социализации и идентичности // Человек. Общество. Наука. 2023. Т. 4, №4. С. 68–75.

совокупности социально значимых форм поведения. Такое усвоение позволяет личности через усвоение норм граждански значимого поведения⁵⁰³ сформировать множество свойств собственной политической идентичности.

В ряде научных публикаций утверждается, что структура гражданской идентичности содержит несколько взаимодополняющих элементов⁵⁰⁴. К таковым ученые относят когнитивный, ценностный и эмоциональный компоненты. Некоторые другие исследователи дополняют представленный перечень поведенческим компонентом. Под первым, когнитивным, компонентом понимается совокупность знаний о принадлежности к конкретной социальной группе, включающей в себя наличие представлений о совокупности идентификационных признаков, принципах и основах данного объединения, гражданстве, а также принципах и основах взаимодействия гражданина и государства⁵⁰⁵. В познавательный компонент гражданской идентичности включается множество знаний о государстве, его территориальном расположении, типе и характере протекания социальных отношений, населяющих конкретную территорию, их культуре и ценностях. В рамках данного элемента внешние признаки познаются как приписываемы конкретному гражданину и нормативно закреплены за ним.

Значимым элементом познавательного компонента гражданской идентичности представляется сущность гражданства, экзогенная (юридическая) природа которого может быть раскрыта «посредством определения места и роли института гражданства в системе права, его отражения в правовых нормах, правового закрепления статуса субъектов правовых связей и отношения гражданства»⁵⁰⁶. Данный юридический термин позволяет выразить устойчивую правовую связь человека с конкретным государством, которая выражается в

⁵⁰³ Shamionov R.M. The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in russian youth // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, №3. С. 459–472.

⁵⁰⁴ Волосов М.Е. Краткий юридический словарь / М.Е. Волосов, В.Н. Додонов, В.П. Панов; под общ. Ред. С.П. Щербы. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2012.

⁵⁰⁵ Монастырский Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23, №1. С. 181–188.

⁵⁰⁶ Прудников А.С. Юридическая природа гражданства: конституционно-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2018. №1. С. 181.

совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности друг перед другом. Знание и понимание гражданских связей с государством как основным политическим институтом дает возможность реализовать весь спектр социальных статусов и ролей, которые получает персона, обладающая гражданством⁵⁰⁷. Таким образом, в процессе реализации познавательного компонента гражданской идентичности реализуется экзогенная нормативность политической идентичности, позволяющая на основании достижения внешних, то есть юридически значимых, статусов и ролей регламентировать социально-политическое бытие личности.

Эмоциональный компонент гражданской идентичности включает в себя чувства гордости и стыда, вызванные гражданской общностью и единством с ней. Гордость за страну, по мысли некоторых ученых, может быть трактована в качестве важнейшего индикатора гражданской идентичности и содержащейся в ней ценности. Гражданская идентичность содержит в себе факт не только осознания гражданской принадлежности, но и его восприятия и переживания в качестве важного элемента социального и политического бытия человека. Эмоциональный компонент гражданской идентичности позволяет сформировать чувство приверженности персоны к гражданской общности, увидеть в ней персональную ценность.

Этот компонент гражданской идентичности на практике реализуется в форме патриотизма и практик патриотического воспитания⁵⁰⁸, что дает возможность регламентировать поведение и деятельность личности как субъекта общественно-политических отношений не на формальном (юридическом) уровне, а на ментальном и эмоциональном основании. Представленная характеристика позволяет говорить о формировании эндогенной нормативности, закрепляющей в личности устремление к поддержанию гражданственности.

⁵⁰⁷ Ryabchenko O.N., Prokopyev A.I., Romanchenko L.N., Korzhuev A.V., Krokhtina J.A. Social and philosophical understanding of national and civic identity in the context of interethnic and interreligious conflict risks // *XLinguae*, 2008, Vol. 11, issue 2. P. 359–369.

⁵⁰⁸ Рачипа А.В., Алексеева А.В., Бурьков В.В. Патриотизм как эмоциональный компонент гражданской идентичности: история и современность // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014. №3-2. С. 373–377.

Ценностный компонент гражданской идентичности выражает совокупность значимых представлений об объекте тождественности. В данном случае подразумевается наличие или отсутствие личного смысла различных форм взаимодействия гражданина и государства. В рамках этого компонента исследователями⁵⁰⁹ выделяются такие значимости, как уважение прав и свобод гражданина, признание за каждым гражданином свободы выбора, толерантность, самоуважение и проч. Такие ценности определяют мотивы поведения человека, его устремления в повседневной практике существования как гражданина государства.

Ценностный компонент гражданской идентичности выражает совокупность представлений о праве, законности и правопорядке, а также об отношении к ним со стороны персоны⁵¹⁰. Личность оценивает такие политические ценности, как справедливость, власть, правовой и государственный порядок, правовая норма поведения.

Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что «функционально гражданская идентичность является важнейшим конституирующим элементом гражданской общности. Она представляет собой основу группового самосознания, создающего из совокупности индивидов коллективного субъекта. Гражданская идентичность интегрирует население страны и является залогом стабильности государства»⁵¹¹. Гражданская самоидентичность персоны предполагает нормативное измерение в форме единства экзогенных и эндогенных нормативных оснований. Первые закрепляют правовой, гражданский и политический статусы человека, вторые создают основание для осознания персоной обладания консолидирующими и дифференцирующими признаками и соответствующими им эмоциональными формами переживания⁵¹².

⁵⁰⁹ Ефименко В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 250–254.

⁵¹⁰ Безгина Н.В. Правовая и гражданская идентичность в структуре современной социализации // Известия Тул. Гос. ун-та. Гуманит. науки. 2012. №2. С. 302–311.

⁵¹¹ Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. №5-6 (43–44). С. 141.

⁵¹² Bespalova T. Problems of formation of civic identity of students' personalities in modern conditions of development of Russian education and society // Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society. 2019. Vol. 70. P. 1–6.

Далее следует говорить о том, что нормативная детерминация содержания политической идентичности предполагает самосоотнесенность персоны с субъектами политического процесса, что дает возможность определить взаимосвязи собственных представлений личности о «приоритетах общественного развития с идейными ориентирами и целями политических акторов»⁵¹³. Такой выбор закрепляется методами символической политики в форме знаков, имиджа, ритуалов, любых иных знаковых систем, что позволяет сформировать символические опоры самоидентичности персоны в политической сфере.

Политическая идентичность личности, таким образом, предполагает использование символических ресурсов соответствующих процессов, что приводит к формированию коммуникационных оснований политического взаимодействия: становится возможным символический обмен между участниками процесса. Можно утверждать, что политическая идентичность личности имеет коммуникационное содержание, поскольку ее формирование в определенных условиях предполагает возможность получения и трансляции политически значимой информации со стороны персоны как важного участника политической интеракции. Более того, можно утверждать, что достижение личностью конкретных форм самоидентичности в области политики становится возможным благодаря усвоению транслируемой информации: персон становится реципиентом политически значимой информации, которая реализуется в стремлении личности достигнуть тех или иных способов персонального существования.

В современной философии есть ряд концепций, в рамках которых утверждается, что коммуникация в целом и политическая коммуникация в частности представляют собой одно из важнейших оснований формирования принципов и методов политического влияния на общество. Утверждается, что средства коммуникации в значительной степени определяют существование

⁵¹³ Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2. С. 8.

политических институтов (П. Бурдьё, Б. Латур, Р. Коллинз, М. Кастельс и некоторые другие ученые), а также способов организации политического процесса. Логичным представляется мнение о том, что в зависимости от существующего политического порядка формируются различные формы политической идентичности и идентификации личности, способы ее достижения и реализации. Политическая идентичность становится в таком случае результатом политической коммуникации: персона использует полученные образцы и модели политического существования и адаптирует их к собственному существованию.

Один из исследователей политической коммуникации Х. Иннис полагал, что средства коммуникации определяют тип социального и политического устройства и способны создавать определенные социально-политические эффекты⁵¹⁴. Ученым утверждается очевидная истина о том, что субъекты, находящиеся у власти, способны контролировать средства массовой коммуникации⁵¹⁵. Соответственно, в зависимости от понимания используемых средств и путей коммуникации можно говорить о реализации политического процесса в государстве.

Традиционное понимание политической коммуникации рядом исследователей связываются с идеями Т. Гоббса, для которого такая форма взаимодействия и передачи информации представляла собой «нервы государственного управления», поскольку позволяла соединить верховную власть суверена со всеми видами исполнительной, судебной власти и иными органами государства⁵¹⁶. Отметим, что в рамках такого понимания государственности речь идет о доминирующем субъекте властных отношений и односторонней политической коммуникации, выраженной в трансляции информации от доминирующих властных структур подчиненным участникам политических отношений.

⁵¹⁴ Innis H.A. *Empire and Communications*. Oxford: Clarendon Press, 1950.

⁵¹⁵ Innis H. *The Bias of Communication*. Toronto, 1951.

⁵¹⁶ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2.

Развитие технических и технологических средств, в том числе средств массовой коммуникации, привело некоторых ученых к идее о том, что «правительство как субъект государственного управления мобилизует политическую систему путем регулирования информационных потоков и коммуникативного взаимодействия системы и среды, а также отдельных блоков внутри самой системы»⁵¹⁷, применяя при этом значительно возросшие ресурсы средств массовой коммуникации в виде СМИ, глобальной сети Интернет и других ресурсов.

Трансформация средств массовой коммуникации может пониматься в качестве одного из оснований изменения структуры политического устройства государства. Политическая коммуникация основана на обладании властными структурами информацией, полезной для принятия и проведения управленческих решений. К. Дойч показывает, что функционирование политической системы зависит от качества и постоянства информационного потока, сами же социальные институты контролируются информационной элитой⁵¹⁸. Средства массовой и политической коммуникации позволяют формировать желаемый порядок, что определяет обладание субъектами властных полномочий значительными ресурсами. Политическая коммуникация, таким образом, использует экзогенную нормативность для регламентации общественно-политического процесса и формирования персональной идентичности.

Такие средства выражены в так называемой правовой коммуникации, под которой некоторые ученые понимают «вид общения, систему средств передачи и обмена информацией между субъектами правоотношений, реализуемую при помощи языка и других знаковых систем, урегулированных нормами права и направленных на обеспечение эффективности взаимодействия»⁵¹⁹.

⁵¹⁷ Володенков С.В. Коммуникационные основы современного политического управления // Известия Сарат. ун-та. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 74.

⁵¹⁸ Deuttsch K. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. N.Y., 1966.

⁵¹⁹ Корабчикова А.Б., Корабчиков Д.Б., Неболюбова И.В. Правовая коммуникация: исторический аспект становления и развития // Ямальский вестник. 2016. № 2 (7). С. 36.

Используемые нормы, среди которых имеет смысл выделить правовые, логические и риторические правила влияния на коммуниканта, включают в себя описание приемлемых форм существования и деятельности персоны, форм ее идентичности и идентификации. Заметим, что применяются в первую очередь экзогенные нормы, которые определяются внешними формами воздействия на получателя информации. Кроме того, в рамках правовой коммуникации осуществляется трансляция приемлемых форм самотождественности через использование ресурсов воображаемых сообществ.

Политическая идентичность, будучи формой вовлеченности персоны в институциональное взаимодействие с обществом и государством, предполагает возможность использования личностью ресурсов правового взаимодействия. Политическая идентичность заимствуется персоной из области правовых (по сути своей экзогенных) оснований регламентации собственного общественно-политического существования и формируется в процессе практической реализации личностью правовых норм. В такой форме реализуются коммуникативные элементы политической идентичности личности, выраженные в урегулированном нормами права акте общения, интерактивном диалоге между субъектами права. Правовыми нормами регламентируются формы и способы достижения персональной, в том числе политической, идентичности.

Правовая коммуникация может быть определена «как специфическое средство правового общения и взаимодействия, в процессе которого происходит систематическое распространение (передача) информации о правилах поведения (нормах), обеспеченных принудительной силой органов государственной власти, с целью упорядочивания (регулирования) поведения субъектов права»⁵²⁰. Политическая идентичность персоны трактуется в данном случае как результат так понимаемой правовой коммуникации, поскольку включает в себя стремление достигнуть высшего общего блага через исполнение нормативно закрепленных

⁵²⁰ Корабчикова А.Б., Корабчиков Д.Б., Неболюбова И.В. Правовая коммуникация: исторический аспект становления и развития // Ямальский вестник. 2016. № 2 (7). С. 37.

оснований социального бытия человека⁵²¹. Это позволяет на практическом уровне транслировать допустимые модели социальных, в том числе политических, практик.

Коммуникационные основания политической идентичности и идентификации персоны состоят в том, что личность соотносит себя с социально допустимыми и желательными образцами и моделями поведения и транслирует информацию о них в форме реализации своих социальных практик в политической сфере. При этом нормативно закрепляются основания таких практик, что приводит к возможности формирования личности как субъекта – участника политического процесса. Кроме того, следует оговориться: политическая идентичность персоны может быть понята как результат пассивного восприятия персоной внешнего коммуникационного и регламентирующего влияния экзогенных политических и правовых норм.

Развитие средств политической коммуникации приводит к расширению класса участников данного процесса: в него могут входить не только ставшие привычными традиционные институты (государство, партии и иные), но и другие индивидуальные и коллективные субъекты, которые за счет использования ресурсов средств массовой коммуникации способны оказывать значительное влияние на принимаемое политическое решение.

Включение неполитических субъектов в процесс принятия политических решений определяет возможность реализации так называемой публичной политики, суть которой состоит в единстве двух начал. Одним из них является совокупность инновационных технологий политического менеджмента, «которые используются для анализа и оценки результатов реализуемых государственных решений в различных сферах жизни общества»⁵²². Публичная политика, таким образом, суть совокупность эффективных приемов политического менеджмента, применяемых для достижения поставленных целей

⁵²¹ Там же.

⁵²² Бабосова Е.С. Концептуализация понятия «публичная политика» // Социологический альманах. 2013. №4. С. 120.

и задач. В таком ее понимании выражается функциональная значимость политического процесса, предполагающего трансляцию приемлемых моделей поведения человека.

Другая часть публичной политики выражается в единстве понятий *politics* и *policy*. В первом термине отражается процессуальная сторона публичной политики, которая связана с деятельностью участников политического процесса по достижению властных полномочий и удержанию их в своих руках. Понятие *policy* позволяет выразить множество принятых, легитимных процедур, которые юридически оформлены в нормативных документах и решениях правительственных органов. Таким образом, в рамках публичной политики выражается три компонента: субъектный как эндогенный, включающий в себя множество участников политики, формально-нормативный как экзогенный, выраженный в требованиях к каждому участнику публичной политики, а также способам их взаимодействия, и процессуальный, отражающий принципы их взаимодействия. В связи с чем, следует говорить о единстве экзогенной и эндогенной нормативности, детерминирующей коммуникационную природу практик политической идентификации.

В соответствии с представленными пониманиями публичной политики личность оказывается вовлеченной в политический процесс в различных статусах. Так, на современном этапе публичность политики выражается в том, что именно публика, в частности личность, может оказаться важным ресурсом для формирования повестки дня и поиска политически значимых решений. На этом основании следует утверждать, что формирование политической идентичности персоны может быть воспринято в качестве активного процесса реализации эндогенной нормативности как выражения сущности конкретной персоны. Личность осознает важность собственного участия в процессе принятия государственных решений и тем самым самостоятельно формирует в себе свойства, присущие политической форме своего существования.

Активная позиция персоны позволяет ей формировать собственную политическую идентичность. Персона расширяет собственный мир до уровня

сообщества, публичности, трансформируя себя, чтобы иметь возможность влиять на содержание и способы реализации коллективно принимаемых решений. Таким образом, персона формирует свою идентичность в качестве участника публичной политики за счет реализации эндогенной нормативности, детерминирующей самореализацию персоны в общественно и политически приемлемых формах.

Более того, можно говорить о том, что в рамках публичной политики персона получает возможность реализовать коммуникативные свойства своей политической идентичности, поскольку в ней отражается способность не только применять к собственному бытию различным образом нормативно закрепленные модели политического поведения, но и сообщать, транслировать значимую информацию целому сообществу, влиять на формирование политически значимых решений. Как итог, персона отстаивает значимые для нее формы политической идентичности в публичной сфере.

На процесс формирования персональной идентичности и идентификации в рамках публичной политики существенное влияние оказывает «политико-ориентированное обучение», под которым понимаются «относительно устойчивые изменения в мышлении и целеполагании, возникающие из опыта и приводящие к изменению в существовавших ранее их установках и представлениях»⁵²³. Такое обучение дает возможность нормировать свойства персоны, отвечающие актуальным условиям общественно-политического бытия личности и состоящие в совокупности компетенций, позволяющих реализовывать ее политическую сущность.

Реализация компетенций может быть понята как основание использования коммуникационной природы политической идентификации в процедурах реализации политической повестки дня. Сформированные компетенции позволяют персоне достигать таких социальных практик, которые могут

⁵²³ Сунгуров А.Ю. Публичная политика: основные направления исследования (мировой и российский опыт) // Публичная политика. 2017. №1. С. 10.

способствовать реализации коммуникативной природы ее политической самоидентичности.

Изменения в формах и способах распространения информации влекут за собой трансформации властных структур и, как следствие, форм и способов политической идентичности и идентификации. Представленную идею Р. Дейберт выражает в форме утверждения о том, что «поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей»⁵²⁴. Такое утверждение позволяет утверждать высокую значимость публичной политики и участия личности как отдельного субъекта политических отношений для формирования персональной политической самоидентичности.

Отсюда можно сделать вывод о том, что значимость анализа политической идентичности и идентификации определяется широко распространенным политическим абсентеизмом. Сознательный отказ от участия в политической и правовой жизни общества и государства может привести к политическому самоубийству, поскольку не позволяет считать человека и гражданина активным участником процесса разрешения общегосударственных вопросов. Политический абсентеизм становится лакмусовой бумажкой существующих в обществе и государстве проблем, поскольку отражает непонимание гражданами властных структур, а значит, нежелание идентифицировать себя с имеющимися субъектами властных отношений. Коммуникативная природа политической и правовой идентичности выражает возможность трансляции политически значимой информации как от властных структур отдельным субъектам политической интеракции, так и со стороны отдельных персон, которые определяют политически значимые практики персональной идентификации. Следует говорить о высокой значимости именно эндогенной нормативности

⁵²⁴ Deibert R.J. *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. N.Y, 1997.

политической идентичности личности, которая оказывается одним из оснований реализации публичной политики.

Более того, на таком основании можно говорить о наличии анормативных элементов в природе политической идентичности, выражающихся в нежелании личности участвовать в негативных формах ее политического бытия. Это реализуется в ряде таких феноменов, как политический абсентеизм и правовой нигилизм, что в конечном счете приводит к неэффективности функционирования конкретных институтов политической сферы общества и к утрате человеком социально и политически значимого общественного поведения, его собственной идентичности. Вместе с тем элементы анормативной природы политической идентичности имеют позитивную функцию, поскольку позволяют формировать политическую и правовую культуру граждан государства, отличную от существующей, насаждаемой со стороны государственных структур.

Сущность и реализация политической идентичности имеет значительные перспективы, поскольку напрямую связана с национальной, этнической, межкультурной, гендерной и рядом других видов социальной идентичности. Столкновение и конкуренция ценностей и мировоззрений, актуальная современная геополитическая ситуация приводят к осознанию необходимости проведения государственной политики идентичности, которая направлена на интеграцию национального сообщества, формирование определенного представления о нации с опорой на исторические и культурные основания.

Политика идентичности государства как совокупность приемов формирования различных индивидуальных и коллективных форм идентичности представляется крайне важным предметом общефилософского и прикладного социально-гуманитарного анализа. Изучение политики идентичности имеет высокую теоретическую, научную и прикладную значимость, перспективу исследования, что требует отдельного содержательного и обстоятельного анализа.

Подводя итоги, необходимо отметить, что под политической идентичностью персоны следует понимать соотнесенность граждан с политическими институтами и ее вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие. Представленные свойства личности дают возможность относить ее к воображаемым сообществам, принципиальные свойства которых закрепляются в ключевых нормативных и доктринальных документах государства и становятся элементом общественного сознания его граждан. Персональная политическая идентичность выражает личностные предпочтения человека, отражает его устремления и стремление определить свое место в социальной и политической структуре общества и государства. Таким образом, политическая идентичность личности представляет собой единство коллективного образа политического бытия и субъективного самосоотнесения личности с ним.

Политическая идентичность личности имеет нормативную природу, выраженную в единстве экзогенных и эндогенных норм. Первые формируются в процессе проводимой в государстве политики идентичности и детерминируют достижение персоной формально закрепленных статусов и ролей в политическом сообществе. Вторые реализуются в форме эмоционального переживания своей принадлежности к социально-политической группе, основанном на создании ценностного смысла группового членства. Нормативная природа политической идентичности персоны транслируется на основании ресурсов воображаемых сообществ, частью которых личность себя считает. Наиболее важным результатом данного процесса представляется гражданская идентичность, предполагающая нормативную детерминацию персональных свойств. Последняя выражена в единстве экзогенной (правовой) и эндогенной нормативности, состоящей в эмоциональном переживании ценности причастности к гражданскому сообществу.

Персональная политическая идентичность имеет коммуникативную природу. Одна сторона ее коммуникативной природы суть результат пассивного восприятия персоной регламентирующего влияния политико-правовых норм.

Личность получает сообщение о совокупности допустимых, желательных образцов и моделей поведения и транслирует информацию о них в форме реализации своих социальных практик в политической сфере. При этом экзогенно закрепляются нормативные основания таких практик, что приводит к возможности формирования личности как субъекта – участника политического процесса.

Другая сторона коммуникативной природы политической идентичности персоны состоит в вовлеченности личности как активного актора в сферу публичной политики и ее способности сообщать, транслировать значимую информацию целому сообществу, влиять на формирование политически значимых решений. Кроме того, коммуникативная природа политической идентичности персоны как активного субъекта политических отношений предполагает возможность выработки множества моделей и форм персональной идентичности, которые могут быть использованы на практике отдельной личностью для реализации политической социализации. Таким образом, используются эндогенные нормативные основания политической идентичности персоны.

Заключение

В философии существует ряд подходов к решению проблемы личностной идентификации (субстанциальный, реляционный, конструктивистский, социальный интеракционизм), анализ которых позволяет сделать вывод о необходимости признания совокупности свойств, с которыми реализуется процесс персональной идентификации. Отмечается единство как сугубо самостийных свойств, присущих самому человеку, так и тех, что навязаны персоне со стороны социальной системы, а значит, вынужденно присвоены на основании требований коллективной интеракции.

Проводимое разделение идентификационных признаков на данные группы приводит нас к признанию факта конструктивной природы персонального «Я» как предмета идентичности. Это связано с наличием в природе личностной идентичности заранее непредзаданных признаков, а также с формированием их соотношения в процессе коллективного бытия персоны. При наличии общих черт и различий между проанализированными подходами следует признать их неэффективность в вопросе реализации процесса достижения самоидентичности в условиях современного цифрового общества. Заранее заданные свойства самости личности в быстро меняющихся условиях часто утрачивают потенциал социализации и адаптации к актуальным реалиям. Вместе с тем во всех обозначенных концепциях понимания персоны и ее идентичности имплицитно содержится положение о нормативных основаниях персональной идентификации, выраженное в идее о необходимости согласования, совмещения в личностном существовании индивидуальных и коллективных свойств человека.

Исходя из изложенного, эффективной представляется возможность говорить о детерминации нормативными основаниями бытия личности ее персональной идентичности. Именно благодаря усвоению нормативных оснований в процессе социализации личность формирует собственную

самотождественность путем принятия конкретных регламентирующих ее социальное бытие статусов и ролей.

Под термином «норма» следует понимать выражение способности человека к реализации собственной преобразующей природы через закрепление идеалов и ценностей, к которым стремятся субъекты общественных отношений. Нормы суть образцы, необходимые для оценки поведения людей.

Целесообразно говорить о двух значениях термина «норма», одно из которых носит естественно-научный характер: она суть средняя величина чего-либо, выражающая массовую совокупность случайных событий, явлений и т.д. Так понимаемая норма содержит знание о сущем, имеет экзогенный характер и представляет собой внешнюю, налагаемую извне систему оценок, критериев поведения. Иным представляется значение понятия «норма», выражающее общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях. Нормы суть суждения, несущие в себе знания о должном, требования, регулирующие и определяющие должное с точки зрения коллектива. Будучи эндогенным свойством человека, нормы содержат в себе утверждение образца желательного поведения в форме императивов различного уровня.

Анализ содержания понятия «норма» позволяет сделать вывод о том, что, будучи социальным феноменом и выражением конструктивной сущности человека, норма представляет собой средство формирования представления о социально и индивидуально допустимых, приемлемых и положительно оцениваемых моделях поведения человека в социальной действительности, а также их реализации в повседневной жизни в обществе. Норма есть возможность снятия столкновения социальных ожиданий и индивидуальных устремлений и возможностей путем конвенции по поводу единых стандартов поведения человека. Норма, таким образом, суть возможность конструирования компромисса между коллективным и индивидуальным социальным субъектом, позволяющая обеим сторонам социального процесса реализовать свои требования и возможности.

С авторской точки зрения, социальная нормативность может быть понята как минимальное условие бытия человека в обществе, поскольку она определяет содержание социального начала в человеке. Последнее суть свойство человеческой природы, задающее самые общие принципы бытия человека как существа социального. Анализ натуралистической, социологической и нормативистской концепций нормы позволил вывести эволюционный принцип развития нормы, который состоит в переходе социальных норм от аскриптивности (нормы как выражения сущего) к дескриптивности (нормы как выражения должного), результатом чего можно считать уменьшение объема аскриптивных и увеличение массы дескриптивных норм.

Вместе с тем следует говорить о невозможности полного исключения аскриптивных норм, обеспечивающих корректное существование общества, и о существующей тенденции, результатом которой может стать сохранение минимального количества аскриптивных норм при увеличении объема дескриптивных принципов.

Проблема соотношения нормативности и персональной идентификации может быть решена через выделение экзогенной и эндогенной идентичности в социальном бытии персоны. Эндогенная идентичность – это отождествление персоны с системой норм и набором свойств, формируемых на ее фундаменте. На основании реализации представленного процесса личность достигает полноценной самореализации. Экзогенная идентичность понимается как репрезентация установок и способов поведения в группе, которые оцениваются как допустимые и приемлемые. Первый термин позволяет выразить индивидуальное, персональное соотношение персональной идентичности и нормативности, в то время как второй термин дает возможность описать социальную их составляющую как сферу критериев приемлемости социального бытия человека.

Поскольку норма предполагает возможность достижения компромисса между индивидуальным и коллективным, два данных понятия позволяют указать

возможность согласования персональных интересов и общественных требований в процессе формирования персональной идентичности человека.

Выявленный эволюционный принцип развития нормативности дает возможность говорить об увеличении объема эндогенной идентичности при сохранении небольшого объема экзогенной ее формы. Эта закономерность позволяет в максимально полной мере отразить персональную способность человека к самоопределению, оставив основания для коллективного взаимодействия. В современных концепциях (например, в нарративистской) показываются негативные последствия полного исключения экзогенной идентичности, приводящие к несоблюдению персоной социально необходимых моделей поведения, что приводит к невозможности корректного совместного существования множества персон как социальных субъектов.

Одним из способов минимизации обозначенных негативных последствий может стать использование практики согласования интересов, предложенной в концепции неoinституционализма. Возможность достижения согласования интересов между обществом и персоной может быть реализована на основании коммуникации, под которой следует понимать внешнюю, выраженную в социально приемлемых формах, приемах и способах совокупность методов и средств передачи информации между социальными субъектами. Коммуникацию необходимо отличать от сигнальных форм трансляции информации, которые позволяют согласовывать взаимодействия элементов биологической системы на уровне как отдельного индивида, так и межсубъектной интеракции. Отличие коммуникации как социального феномена состоит в ее рациональности и целенаправленности. Авторское понимание коммуникации состоит в признании ее в качестве вида общения как процесса взаимоотношения социальных субъектов, в котором они обмениваются опытом (знаниями, навыками). Различие между общением и коммуникацией заключается в том, что первым понятием выражается совокупность эндогенных форм взаимодействия участников социальной интеракции, а вторым – информационно-

инструментальное взаимодействие, отражающее экзогенные формы такой интеракции.

В рамках коммуникативных практик и общения формируется двуединый процесс, связанный с реализацией нормогенеза, с одной стороны, и обменом, передачей и усвоением существующих норм – с другой. Первый элемент связан с процессом происхождения и формирования экзогенных норм, что позволяет отдельным личностям как участникам социальной интеракции транслировать социально значимые свойства. Другой элемент выражает интериоризацию личностью имеющихся норм, создание персоной эндогенной нормативности для формирования персонально значимых свойств.

Экзогенная нормативность определяет возможность коммуникативной деятельности благодаря регламентации внешних форм трансляции информации. Отсутствие или неполноценная реализация совокупности таких норм затрудняет или делает невозможной коммуникативную деятельность персоны. Эндогенная нормативность определяет возможность самовыражения персоны и основанную на ней способность к обмену информацией между участниками коммуникативного процесса. Единство двух выделенных нормативных оснований позволяет достигнуть социального соглашения, имеющего своей целью достижение эффективного взаимовыгодного взаимодействия между социальными субъектами – участниками коммуникации, а также взаимного понимания между ними.

Полученное понимание нормативных оснований коммуникационного процесса может быть использовано при анализе проблемы персональной идентификации в системе «Я – Другой». Последняя может быть решена через признание двух взаимодополняющих оснований: пассивного и активного синтеза нормативных оснований бытия отдельных субъектов. Пассивный синтез выражается в эндогенной нормативности, активный – в ее экзогенном аналоге. Активный синтез может трактоваться двуединым образом. Направленный идентифицирующим субъектом на себя, он позволяет определить основные принципы экзогенной нормативности идентификации личности, формируя в ней

саму себя. Направленный вовне, то есть на признание Другого, активный синтез оказывается истоком признания внешнего существования субъекта, тела человека. Экзогенная природа нормативности, заложенная в активном синтезе, может сделать невозможным сохранение за конституируемым субъектом личности по причине навязывания модели идентификации конституирующим воспринимающим субъектом.

Пассивный синтез позволяет увидеть в Другом равного субъекта, личность, поскольку содержит в себе эндогенные нормативные основания совместного бытия, которые дают возможность определить общекультурные, цивилизационные, а также иные нормы персональной идентификации. Представленный процесс позволяет каждой личности определить свое место в структуре социальных, культурных, исторических и прочих интеракций, а также достигнуть персональной идентичности.

Можно говорить о том, что пассивный синтез в системе «Я – Другой» позволяет использовать ресурсы эндогенной нормативности для возможности сохранения общесоциальных оснований intersубъективных отношений. Это дает возможность реализовать персональную идентификацию благодаря сохранению общих принципов совместного существования личностей как субъектов таких отношений. Именно такие нормативные основания приводят к сохранению различных способов и форм коммуникации между «Я» и «Другим» в системе intersубъективных отношений. Сохраняются единые значения, принципы и нормы, определяющие возможность взаимодействия и коммуникации между «Я» и «Другим» и позволяющие каждому из взаимодействующих субъектов достигнуть персональной идентификации.

Единство эндогенной и экзогенной нормативности дает возможность достигнуть устойчивости процесса идентификации личности, а также избежать множества издержек столкновения интересов социальных субъектов. Такая идея позволяет адаптировать экзогенную идентичность к эндогенному бытию отдельной личности. Таким образом, появляется основание для формирования и реализации коммуникативного процесса между Я и Другим, что способствует

полноценной реализации нормативно детерминированного процесса идентификации каждой личности.

Данный процесс реализуется в практической форме. Под термином «практика» следует понимать деятельность человека, направленную на преобразование окружающей действительности. Так понимаемая практика имеет социальную и рациональную природу и выражает способность человека к целеполаганию, а также стремлению достигнуть желаемого результата. Она детерминирована экзогенной и эндогенной нормативностью, причем первая выражает социально-этическую сторону практического действия и реализуется в наличии внешних требований к человеческой деятельности, вторая же дает возможность выразить индивидуальную способность человека к совершению практических действий.

Через понятие «социальная практика» категоризируется адаптация преобразовательных действий человека к повседневности, социальному контексту. Содержание данного понятия включает в себя необходимость соединения экзогенной и эндогенной нормативности, детерминирующей формы и методы достижения персональной идентичности. Первый вид нормативности дает возможность выразить совокупность требований к социально значимым регулярно повторяющимся действиям субъектов интеракции в качестве основания формирования общества, а также средства его трансформации. Второй вид нормативности как компонент социальных практик дает возможность выразить индивидуальные интенции личности к самореализации и достижению персональной идентичности.

Как следствие, социальные практики персональной идентификации позволяют персоне использовать социально приемлемые модели поведения для адаптации к актуальным условиям социального бытия. Реализуется возможность согласования поведения персоны, основанного на эндогенной нормативности, с экзогенными требованиями социальной системы.

Анализ сущности практик персональной идентификации дает основание говорить о возможности реализации конкретных ее форм. Так, практики

гендерной идентификации позволяют достигнуть соответствующих форм персональной самоидентичности, нормативная природа которой выражается в единстве экзогенной и эндогенной нормативности. Экзогенная нормативность содержит в себе совокупность внешне (социально и экономически) детерминированных требований к социально значимому поведению персоны, что определяется стремлением к стабильности общественной системы. Это дает персоне возможность усвоить необходимые стереотипы поведения и мышления и, в свою очередь, сократить затраты на познание современных социальных процессов и оптимизировать процесс принятия необходимых решений. Кроме того, данные стереотипы становятся основанием оптимизации взаимодействий участников социальной интеракции. Усвоение гендерных стереотипов поведения и соответствующих практик персональной идентификации способствует выработке сходных ценностных ориентаций, позволяющих транслировать культурно-исторический опыт.

Эндогенная нормативность персональной гендерной идентичности становится основанием способности личности к самовыражению в системе гендерных статусов и ролей. Благодаря усвоению психологических оснований соответствующих форм идентичности становится возможным выбор личностью приемлемых моделей поведения, которые в полной мере позволяют ей выразить персональные интенции.

Практическая реализация выведенного эволюционного принципа трансформации нормативного основания практик персональной идентификации дает возможность сделать вывод о смещении в условиях современности приоритета в сторону доминирования эндогенных норм персональной идентичности над экзогенными, что приводит к изменениям в статусно-ролевой гендерной самоидентичности персоны.

Анализ практик политической идентификации личности позволяет говорить о достижении персоной соответствующей самоидентичности, выражающей ее соотнесенность с воображаемыми политическими сообществами (институтами) и вовлеченность в политико-институциональное

взаимодействие. Коллективная составляющая практик политической идентификации проявляется в закреплении необходимых свойств личности в ключевых нормативных и доктринальных документах государства, что делает их элементом общественного сознания его граждан. Персональная политическая идентичность выражает личностные предпочтения человека, его устремления и стремление определить свое место в социальной и политической структуре общества и государства.

Политическая идентичность личности имеет нормативную природу, выраженную в единстве экзогенных и эндогенных норм. Первые формируются в процессе проводимой в государстве политики идентичности и детерминируют достижение персоной формально закрепленных статусов и ролей в политическом сообществе. Вторые реализуются в форме эмоционального переживания своей принадлежности к социально-политической группе, основанного на создании ценностного смысла группового членства. Нормативная природа политической идентичности персоны транслируется на основании ресурсов воображаемых сообществ, частью которых личность себя считает. Наиболее важным результатом данного процесса представляется гражданская идентичность.

Персональная политическая идентичность имеет коммуникативную природу. Одна сторона ее коммуникативной природы суть результат пассивного восприятия персоной регламентирующего влияния политико-правовых норм. Личность получает сообщение о совокупности допустимых, желательных образцов и моделей поведения и транслирует информацию о них в форме реализации своих социальных практик в политической сфере. При этом экзогенно закрепляются нормативные основания таких практик, что приводит к возможности формирования личности как субъекта – участника политического процесса.

Другая сторона коммуникативной природы политической идентичности персоны состоит в вовлеченности личности как активного актора в сферу публичной политики и ее способности сообщать, транслировать значимую

информацию целому сообществу, влиять на формирование политически значимых решений. Кроме того, коммуникативная природа политической идентичности персоны как активного субъекта политических отношений предполагает возможность выработки множества моделей и форм персональной идентичности, которые могут быть использованы на практике отдельной личностью для реализации политической социализации. Таким образом используются эндогенные нормативные основания политической идентичности персоны.

Список литературы

1. Аббасова, Н.Т. Опыт инаковости Другого в философии Э. Левинаса / Н.Т. Аббасова // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 5/1 (55). – С. 94–99.
2. Агальцев, А.М. Общение и коммуникация / А.М. Агальцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – 2008. – Вып. 4. – С. 319–325.
3. Агафонова, Т.П. Право и рациональность / Т.П. Агафонова // Философия права. – 2010. – № 5 (42). – С. 28–31.
4. Адильбаев, Т.Ш. Биосемиотика как наука: коды, знаки, логические конфликты и порождение смысла (сводный реферат) / Т.Ш. Адильбаев // Метод. – 2017. – № 7. – С. 190–203.
5. Алавердян, А.Л. Понятие «политической нации» и «этнически фреймированные» конфликты в экономической парадигме политического / А.Л. Алавердян, К.Г. Мальцев // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 5. – С. 13–18.
6. Алаудинов, А.А. Роль политических институтов и практик в формировании общенациональной политической идентичности в России / А.А. Алаудинов // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 20. – С. 114–116.
7. Алибегиллов, Ш.А. Концептуализация понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России / Ш.А. Алибегиллов // Власть. – 2016. – № 11. – С. 100–105.
8. Алексеев, Н.А. Ортега-и-Гассет о человеке в массовом обществе / Н.А. Алексеев // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2010. – № 2. – С. 5–8.
9. Алексеев, С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность / С.С. Алексеев. – М., 2001. – 176 с.
10. Алимпиева, А.В. Социальная идентичность в условиях культурного

многообразия: поиск или навязывание? (на примере Калининградской области) / А.В. Алимпиева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 11. – С. 60–66.

11. Андреев, А.Л. Категория самосознания и Я / А.Л. Андреев // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 5 (64). – С. 267–271.

12. Аникин, Д.А. Ментальная топология города: пролегомены постструктуралистского подхода / Д.А. Аникин // Жизнь: бытийственный, ценностный и аксиологический аспекты: сборник статей молодых ученых. – Саратов, 2008. – С. 3–8.

13. Антоновский, А.Ю. Коммуникация как эпистемологическая проблема / А.Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 47, № 1. – С. 5–24.

14. Антоновский, А.Ю. Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации / А.Ю. Антоновский // Вопросы философии. – 2015. – № 2. – С. 45–57.

15. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель – М., 2001. – 344 с.

16. Апулеев, И. Путин назвал Россию отдельной цивилизацией / И. Апулеев // Газета.RU. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/05/17_a_13086487.shtml (дата обращения: 24.08.2025).

17. Аргументация в праве и морали: монография / под ред. Е.Н. Лисанюк. – СПб., 2018. – 521 с.

18. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – Т. 4. – М., 1983. – 830 с.

19. Аристотель. Риторика / Аристотель. – М., 2000. – 224 с.

20. Аристархова, И.Л. «Этика полового различия» в концепции Люси Иригари / И.Л. Аристархова // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 111–120.

21. Артамонов, Д.С. Цифровая мифология медиапамяти / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Наука, технологии, ценности в неустойчивом мире. – М., 2024. – С. 754–757.
22. Артюхин, О.А. Мироззренческие компоненты модели «пентабазиса» в современной политике России / О.А. Артюхин, Л.Л. Иванова, А.Т. Батов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 190–196.
23. Архангельская, И.Б. Теория коммуникации в трудах Х.-А. Инниса и Г.-М. Маклюэна / И.Б. Архангельская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2007. – № 3 (8). – С. 148–152.
24. Архиреева, Т.В. Образ идеального отца у мужчин, имеющих детей / Т.В. Архиреева // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 1. – С. 70–84.
25. Бабосова, Е.С. Концептуализация понятия «публичная политика» / Е.С. Бабосова // Социологический альманах. – 2013. – № 4. – С. 120–127.
26. Баженова, Е.В. Тело человека как территория столкновения природы и культуры / Е.В. Баженова // Человек в мире культуры. – 2012. – № 3. – С. 3–8.
27. Бакшутова, Е.В. Интеллектуал vs интеллигент: проблема самоопределения современной интеллигенции / Е.В. Бакшутова // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – № 3 (8). – С. 15–17.
28. Барков, Ф.А. Трансформация социальных практик самоорганизации населения в институты контроля качества публичных услуг / Ф.А. Барков, А.В. Сериков // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 3 (5). – С. 41–47.
29. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – 616 с.
30. Батищев, Г.С. Найти и обрести себя / Г.С. Батищев // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 103–129.
31. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб., 2008. – 240 с.
32. Бачиашвили, И.М. О понятии социальной нормы /

И.М. Бачиашвили // Право и правотворчество: вопросы теории. – М., 1982. – С. 64–69.

33. Бедаш, Ю. Второй пол как опыт переоценки ценностей / Ю. Бедаш // Топос. – 2010. – № 3. – С. 34–43.

34. Безгина, Н.В. Правовая и гражданская идентичность в структуре современной социализации / Н.В. Безгина // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 302–311.

35. Бекарев, А.М., Пак, Г.С. Угрозы телесной идентичности в префигуративной культуре / А.М. Бекарев, Г.С. Пак // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – №1. – С. 64–73.

36. Белинова, О.А. Ценность права и ценности в праве / О.А. Белинова, В.Е. Фомин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 1 (44). – С. 29–33.

37. Белоусова, В.М. Дискурсивное толкование понятия «консенсус» в политико-правовом учении Ю. Хабермаса / В.М. Белоусова // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2015. – Т. 25, вып. 2. – С. 91–96.

38. Беляева, О.М. Полития как наилучшая форма правления, по Аристотелю / О.М. Беляева // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 1 (19). – С. 15–20.

39. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995. – 323 с.

40. Бергсон, А. Два источника морали и религии / А. Бергсон. – М., 1994. – 384 с.

41. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – 224 с.

42. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М., 1990. – 413 с.

43. Бирюков, М. Социальная инженерия, или как не стать обманутым / М. Бирюков // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2018. – № 2. – С. 22–24.
44. Блинова, Т.В. Социальное самочувствие работающих матерей / Т.В. Блинова, А.А. Вяльшина // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 3. – С. 103–114.
45. Бовуар, С. де. Второй пол: Т. 1. Факты и мифы. Т. 2. Жизнь женщины / С. де. Бовуар. – М.; СПб., 1997. – 832 с.
46. Богатова, Л.М. «Мужчина» и «Женщина» на подиуме постмодерна / Л.М. Богатова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, вып. 3. – С. 251–257.
47. Бодрийяр, Ж. Америка / Ж. Бодрийяр. – СПб., 2000. – 203 с.
48. Бодрийяр, Ж. Город и ненависть / Ж. Бодрийяр – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm (дата обращения: 17.02.2018).
49. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М., 2000. – 387 с.
50. Бодрилин, А.П. Ценности основных типов человеческого самосознания / А.П. Бодрилин // Актуальная проблема гуманитарных наук. – М., 1995. – С. 13–15.
51. Борцова, Е.С. История понятия «коммуникация» в науке, философии, методологии и социальном управлении / Е.С. Борцова // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. – 2015. – № 2. – С. 447–458.
52. Брокмейер, И. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / И. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
53. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Два образа веры. – М., 1995. – С. 15–92.

54. Бутина, А.В. К проблеме оценки роли интеллектуалов в современном обществе / А.В. Бутина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 47. – С. 94–102.
55. Буянов, В.С. Идентичность современной России: проблемы формирования / В.С. Буянов // Вопросы политологии. – 2012. – № 2 (6). – С. 80–92.
56. Валеология: учеб. пособие / Т.С. Борисова, М.М. Солтан, Ж.П. Лабодаева и др. – 2-е изд., доп. – Минск, 2021. – 381 с.
57. Валитов, С.Р. Этика Эммануила Левинаса / С.Р. Валитов // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. – 2008. – № 1. – С. 102–119.
58. Вальденфельс, Б. Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск, 1999. – 176 с.
59. Василенко (Колесова), Е.П. Критическое мышление как современная проблема личности / Е.П. Василенко (Колесова) // Концепт. – 2013. – № 12. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13259.htm> (дата обращения: 22.08.2021).
60. Васильева, А.С. Понятие власти в философии Аристотеля / А.С. Васильева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 3. – С. 123–125.
61. Веракса, Н.Е. Личность и культура: структурно-диалектический подход / Н.Е. Веракса // Перемены. – 2000. – № 1. – С. 81–107.
62. Витгенштейн, Л. Tractatus logico-philosophicus / Л. Витгенштейн // Избранные работы. – М., 2005. – 440 с.
63. Витгенштейн, Л. Коричневая книга / Л. Витгенштейн // Избранные работы. – М., 2005. – 440 с.
64. Волков, В.В. Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. – СПб., 2008. – 298 с.
65. Волков, Д.Б. Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности / Д.Б. Волков // Философский журнал. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 166–175.

66. Водолажская, Т. Идентичность гражданская / Т. Водолажская // Образовательная политика. – 2010. – № 5–6 (43–44). – С. 140–142.
67. Волков, Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов / Д. Волков // Вестник общественного мнения. – 2012. – № 2 (112). – С. 73–86.
68. Володенков, С.В. Коммуникационные основы современного политического управления / С.В. Володенков // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2011. – Т. 11, вып. 3. – С. 74–78.
69. Волосов, М.Е. Краткий юридический словарь / М.Е. Волосов, В.Н. Додонов, В.П. Панов. – М., 2012. – 379 с.
70. Воробьева, С.Ю. Проблема «женского письма» в контексте теории дискурса / С.Ю. Воробьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2013. – № 1 (17). – С. 180–187.
71. Востриков, И.В. Проблема структуры мировоззрения / И.В. Востриков, С.И. Сулимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 147–150.
72. Гайденко, П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П. Гайденко. – М., 2003. – 521 с.
73. Гапонова, Н.А. Понятие коммуникации в философии / Н.А. Гапонова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (23). – С. 12–16.
74. Гаспаров, И.Г. Тождество личности и нарратив / И.Г. Гаспаров // Философский журнал. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 180–183.
75. Гаузер, И.В. Коммуникация в рамках социологической и культурологической парадигм / И.В. Гаузер // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2017. – Т. 6, № 1. – С. 146–151.
76. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М., 2003. – 525 с.

77. Гладкова, З.В. Дифференциация концептуальных интерпретаций понятия «коммуникация» в современной философии / З.В. Гладкова // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2011. – № 166. – С. 71–76.
78. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М., 1991. – С. 45–678.
79. Гоббс, Т. О человеке / Т. Гоббс // Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1. – М., 1965. – С. 219–276.
80. Голенков, С.И. Понятие субъективации Мишеля Фуко / С.И. Голенков // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2007. – № 1. – С. 54–66.
81. Головин, Е.Г. Электронная идентификация личности гражданина: за и против / Е.Г. Головин, В.М. Большакова // Власть. – 2014. – № 8. – С. 33–36.
82. Головин, Н.А. Теория социальной коммуникации Н. Лумана в эволюционно-коммуникативной перспективе / Н.А. Головин, П.А. Петренко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12, Социология. – 2012. – Вып. 1. – С. 159–168.
83. Городяненко, В.Г. Соціологія: підручник / В.Г. Городяненко. – Київ, 2008. – 251 с.
84. Грива, О.В. Аттрактивные характеристики Другого в структуралистической концепции Р. Барта / О.В. Грива // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 3 (45). – С. 13–15.
85. Гришанин, Н.В. Формирование патриотизма в России: пентабазис и корпоративная культура / Н.В. Гришанин, Я.В. Миневич, А.С. Меркушева // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2023. – Т. 10, № 2 (38). – С. 117–126.
86. Гуссерль, Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль. – М., 2010. – 229 с.
87. Губогло, М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические

очерки / М.Н. Губогло. – М., 2003. – 764 с.

88. Гульбина, Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта / Н.И. Гульбина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Экономика и бизнес. – 2004. – № 283. – С. 123–128.

89. Давыдов, А.И. Человек в культуре: психоаналитическое видение / А.И. Давыдов // Омский научный вестник. – 2015. – № 4 (141). – С. 112–114.

90. Давыдов, Р.М. Эффективное управление дистрибуцией / Р.М. Давыдов // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – Вып. 12 (56). – С. 404–408.

91. Давыдов, Ю.Н. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия: от М. Вебера к Ю. Хабермасу / Ю.Н. Давыдов. – М., 1994. – 380 с.

92. Дадаева, Т.М. Гендерная роль мужчины в современных семейных практиках / Т.М. Дадаева, И.С. Мишанина // Огарев-онлайн. – 2020. – № 9 (146). – С. 9.

93. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – Т. 2. – М., 1979. – 725 с.

94. Данилова, М.И. Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии / М.И. Данилова, А.В. Суховерхов // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 77–87.

95. Декарт, Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – М., 1950. – 714 с.

96. Демин, И.В. Ортега-и-Гассет об экзистенциальных предпосылках современной техники / И.В. Демин // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2016. – № 9 (111). – С. 28–31.

97. Демченко, В.И. Симулякризация социокультурного пространства / В.И. Демченко // Вестник Ставропольского университета. – 2009. – № 61. – С. 111–119.

98. Денисова, И.А. Понятие субъекта и Другого в современной философии культуры / И.А. Денисова // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 1 (51). – С. 213–219.

99. Джемс, У. Психология / У. Джемс. – М., 1991. – 368 с.

100. Добрин, К.Ю. Социальная норма в традиционном и современном обществе / К.Ю. Добрин // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 1 (26). – С. 116–121.
101. Доржиев, Ж.Б. О нормогенезе и социальных нормах в монгольском обществе XII–XIII вв. / Ж.Б. Доржиев // Известия Байкальского государственного университета. – 2004. – № 4. – С. 71–74.
102. Досина, Н.В. Гендерные исследования в социологии / Н.В. Досина. – Ярославль, 2010. – 148 с.
103. Дубровский, Д.И. Проблема «другого сознания» / Д.И. Дубровский // Вопросы философии. – 2008. – № 1. – С. 19–28.
104. Дусказиева, Ж.Г. Гендерная психология / Ж.Г. Дусказиева. – Красноярск, 2010. – 108 с.
105. Дьяков, А.А. Практики как предмет социально-философского дискурса / А.А. Дьяков // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 3 (28). – С. 208–213.
106. Дьяков, А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А.А. Дьяков // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, вып. 1. – С. 8–12.
107. Дьякова, Е. Сеть шарм-отелей «Конец света» / Е. Дьякова // Новая газета. – 2011. – № 138. – С. 22.
108. Евстигнеева, Н.В. Модели анализа нарратива / Н.В. Евстигнеева, О.А. Оберемко // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 4. – С. 95–107.
109. Евтушенко, М.В. Становление гражданского общества в современной России / М.В. Евтушенко // Общество: политика, экономика, право. – 2008. – № 2. – С. 21–28.
110. Еремеева, Н.В. Свобода, необходимость и долг в феноменальном и ноуменальном мирах в учении М. Лютера и этике И. Канта / Н.В. Еремеева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 5. – С. 122–131.

111. Ермаков, И.К. Социальная инженерия как технология нарушения информационной и экономической безопасности субъекта экономики / И.К. Ермаков, Д.А. Ермолатий, К.В. Пителинский // Вестник Московской международной академии. – 2019. – № 1. – С. 74–83.

112. Ерохин, В.С. Жизненное пространство личности в феноменологии Э. Гуссерля / В.С. Ерохин // Цивилизация и человек. – 2010. – № 2. – С. 57–58.

113. Ерохин, В.С. Идентификация нормативности в нарративном подходе: преимущества и недостатки / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 4. – С. 188–194.

114. Ерохин, В.С. К вопросу о понятии национальной идентичности / В.С. Ерохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, вып. 3. – С. 274–278.

115. Ерохин, В.С. Коммуникация как социальный феномен / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 500–504.

116. Ерохин, В.С. Коммуникационная природа политической идентичности как основание участия личности в публичной политике / В.С. Ерохин // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 2. – С. 127–133.

117. Ерохин, В.С. Персональная идентификация, нормативность и коммуникация в системе «Я – Другой» / В.С. Ерохин, Н.В. Ерохина // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 9. – С. 1867–1871.

118. Ерохин, В.С. Подходы к трактовке личностной идентификации: субстанциализм, конструктивизм и социальный интеракционизм / В.С. Ерохин // Вестник развития науки и образования. – 2019. – № 1. – С. 92–99.

119. Ерохин, В.С. Проблема личностной идентификации: релятивизм / В.С. Ерохин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, вып. 1. – С. 27–32.

120. Ерохин, В.С. Соотношение нормативности и коммуникации в бытии личности / В.С. Ерохин // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 5. – С. 18–24.

121. Ерохин, В.С. Социальные практики и персональная идентификация / В.С. Ерохин // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2021. – № 4. – С. 145–157.
122. Ерохина, Н.В. Коммуникационные барьеры и пути их преодоления / Н.В. Ерохина // Информационное обеспечение научно-технического прогресса: анализ проблем и поиск решений: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 166–169.
123. Ерохина, Н.В. Я и Другой: общение, коммуникация, понимание / Н.В. Ерохина // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 мая 2018 г., г. Оренбург): в 3 ч. – Ч. 3. – Уфа, 2018. – С. 74–78.
124. Ефанова, Л.Г. Норма как философская и семантическая категория / Л.Г. Ефанова // Вестник науки Сибири. – 2015. – № 1 (16). – С. 70–78.
125. Ефименко, В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» / В.Н. Ефименко // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 250–254.
126. Жаде, З.А. проблема идентичности в современных социальных теориях / З.А. Жаде // Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 173–185.
127. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М., 1999. – 234 с.
128. Журавлева, И.А. Институционализация социальных практик и трансформация социальных институтов в обществе знаний / И.А. Журавлева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 7, ч. 2. – С. 77–82.
129. Завьялова, Н.Ю. К вопросу о понятии социальной нормы / Н.Ю. Завьялова, А.Н. Руденко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 10–1. – С. 213–216.
130. Задворнова, Ю.С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье / Ю.С. Задворнова // Женщина в российском

обществе. – 2013. – № 2 (67). – С. 32–40.

131. Заморская, Л.И. Нормология права: понятие и предмет исследования / Л.И. Заморская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 2 (91). – С. 21–26.

132. Зарубина, Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме / Н.Н. Зарубина // Историческая психология и социологи истории. – 2013. – № 2. – С. 29–45.

133. Звягинцева, Е.И. Понятие «Другого» в творчестве Э. Левинаса / Е.И. Звягинцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5 (43), ч. 1. – С. 92–94.

134. Зинченко, Г.А. Джон Локк / Г.А. Зинченко. – М., 1988. – 207 с.

135. Зотов, В.В. Становление информационно-коммуникативной среды как основание общественных трансформаций / В.В. Зотов. – URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/4-2008-2/zotov.pdf (дата обращения: 22.08.2021).

136. Иванова, О.Э. Коммуникация как условие понимание смысла (в языковых играх Л. Витгенштейна и К.-О. Апелья) / О.Э. Иванова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7 (13), ч. 2. – С. 87–91.

137. Иваницкий, В.В. Коммуникация у животных: теория и факты / В.В. Иваницкий // Русский орнитологический журнал. – 2009. – Т. 18, вып. 470. – С. 407–425.

138. Калабихина, И.Е. Домашний труд во время пандемии: опыт России / И.Е. Калабихина, С.М. Ребрей // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 3. – С. 65–77.

139. Калачикова, О.Н. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) /

О.Н. Калачикова, М.А. Груздева // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 1. – С. 64–76.

140. Калинина, Л.В. Формирование нравственных ценностных ориентаций младших школьников через нравственно-этическое оценивание / Л.В. Калинина // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 1. – С. 61–64.

141. Калиниченко, В. Заметки об интенциональности / В. Калиниченко // Логос. – 2007. – № 6. – С. 108–109.

142. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Собрание сочинений: в 8 т. – М., 1994. – Т. 8. – 718 с.

143. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант // Собрание сочинений: в 8 т. – М., 1994. – Т. 3. – 742 с.

144. Карагордин, А.А. К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике / А.А. Карагордин // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 469–480.

145. Касаткин, С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация / С.Н. Касаткин // Труды института государства и права российской академии наук. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 43–71.

146. Качан, Л.Г. Научно-методические подходы к формированию современных знаний о здоровье и здоровом образе жизни: научно-методическое пособие: в 3 ч. / Л.Г. Качан. – Ч. 1. – СПб., 2005. – 183 с.

147. Келасьев, В.Н. Модели социогенеза / В.Н. Келасьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12, Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – Вып. 3. – С. 347–355.

148. Киреева, З.А. Аттракция и инграция в контексте межличностных отношений / З.А. Киреева // Вестник Курганского государственного университета. – 2006. – Вып. 2. – С. 91.

149. Клецина, И.С. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций / И.С. Клецина, С.А. Великова // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 3. – С. 78–91.

150. Клецина, И.С. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели / И.С. Клецина, Е.В. Иоффе // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 3. – С. 72–90.
151. Кесслер-Хэррис, Э. Женский труд и социальный порядок / Э. Кесслер-Хэррис // Антология гендерной теории. – Минск, 2000. – С. 171–189.
152. Козин, Н.Г. Идентификация. История. Человек / Н.Г. Козин // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 37–48.
153. Козырева, А.С. Субъективность и единство самости в феноменологической перспективе / А.С. Козырева // Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 156–168.
154. Кондрашов, П.Н. Философия праксиса Карла Маркса / П.Н. Кондрашов // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С. 69–80.
155. Корабчикова, А.Б. Правовая коммуникация: исторический аспект становления и развития / А.Б. Корабчикова, Д.Б. Корабчиков, И.В. Неболюбова // Ямальский вестник. – 2016. – № 2 (7). – С. 35–37.
156. Корниенко, Т.А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности / Т.А. Корниенко // Вестник Волгоградского университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2 (16). – С. 61–69.
157. Котлова, С.И. Юриспруденция интересов Р. Паунда / С.И. Котлова // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2013. – № 4. – С. 98–106.
158. Крисковец, Т.Н. Общая характеристика феномена «политическая идентичность обучающегося» / Т.Н. Крисковец, Э.Р. Сайтбаева, Е.С. Кириллова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2024. – № 4 (244). – С. 60–65.
159. Крысин, Л.П. Современный словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – М., 2012. – 410 с.
160. Крючкова, С.Е. Проблема Другого в современных социально-культурных практиках / С.Е. Крючкова // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2018. – № 2. – С. 63–72.

161. Куайн, У. Философия логики / У. Куайн. – М., 2008. – 192 с.
162. Кубрякова, Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М., 2004. – 560 с.
163. Кудина, О.М. Оппозиция человека священного (homo sacer) и человека политического в концепции Дж. Агамбена / О.М. Кудина // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – № 4 (22). – С. 73–82.
164. Кудряшова, Т.Б. Активные и/или пассивные компоненты познавательного процесса / Т.Б. Кудряшова // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 6, № 1. – С. 4–9.
165. Кутковая, Е.С. Нарратив в исследовании идентичности Е.С. Кутковая // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – С. 23–33.
166. Кутивина Е.Е., Пак Г.С., Шинкаренко Е.А. Старение и гендер // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – №2 (74). – С. 92–100.
167. Ламинина, О.Г. Возможность социальной инженерии в информационных технологиях / О.Г. Ламинина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 2. – С. 21–23.
168. Латино-русский словарь / сост. А.М. Малинин. – М., 1952. – 763 с.
169. Левин, С.М. Нарративный подход, фикция и реальность / С.М. Левин // Философский журнал. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 184–187.
170. Левинас, Э. Время и Другой / Э. Левинас. – СПб., 1998. – 272 с.
171. Леонтьев, Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека / Д.А. Леонтьев // Философские науки. – 2009. – № 10. – С. 5–10.
172. Леопа, В.П. Проблема идентификации современного российского общества / В.П. Леопа, А.В. Леопа // Актуальные проблемы экономики и управления: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – СПб, 2017. – С. 173–178.
173. Липидин, Р.Г. Проблемы осмысления категории субъекта

в современном гуманитарном знании / Р.Г. Липидин // Мир человека: нормативное измерение – 4: Гуманитарное знание: сборник трудов международной научной конференции. – Саратов, 2015. – С. 140–145.

174. Листвина, Е.В. Временные модусы социальной идентичности / Е.В. Листвина, Н.А. Тельнова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Вып. 4. – С. 17–20.

175. Лобковиц, Н. Что такое «личность»? / Н. Лобковиц // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 54–64.

176. Лубский, А.В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований / А.В. Лубский // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 1. – С. 21–30.

177. Луман, Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–124.

178. Костина, О.В. Онтология коммуникации / О.В. Костина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 152 с.

179. Маклюэн, Г.М. Понимание медиа. Внешнее расширение человека / Г.М. Маклюэн. – М., 2007. – 464 с.

180. Малкина, С.М. Критика метафизики и логоцентризма как основа интерпретативных стратегий деконструкции / С.М. Малкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2006. – Т. 6, вып. 1/2. – С. 18–21.

181. Малов, Ю.С. Норма и здоровье человека / Ю.С. Малов, И.М. Борисов // Вестник российской военно-медицинской академии. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 229–236.

182. Мальченков, С.А. Факторы, усложняющие цивилизационный выбор России / С.А. Мальченков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4 (66), ч. 1. – С. 106–108.

183. Мамедов, А.К. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы / А.К. Мамедов, Э.Д. Коркия // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 2. – С. 9–12.

184. Маралова, Т.П. Проблема формирования нормативности поведения в современной психолого-педагогической науке (обзор исследований) / Т.П. Маралова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 163–182.

185. Маркелов, К.С. Идентификация и верификация личности – комплексная биометрическая информационная технология / К.С. Маркелов // International Journal of Open Information Technologies. – 2015. – Vol. 3, № 5. – P. 12–19.

186. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – Т. 3. – М., 1955. – 689 с.

187. Мартин-Иогансон, Э. Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства / Э. Мартин-Иогансон // Свободная мысль. – 2019. – № 6 (1678). – С. 35–48.

188. Масловская, Е.В. Социологические теории права / Е.В. Масловская, М.В. Масловский // Социологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 5–20.

189. Махмутова, Е.В. Политическая самоидентификация молодежи. Понятие, компоненты, оценка / Е.В. Махмутова, З.И. Волхонская // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 4. – С. 111–116.

190. Медушевский, Н.А. Политика памяти в современной Венгрии / Н.А. Медушевский // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Т. 9, № 4А. – С. 5–18.

191. Медушевский, Н.А. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе / Н.А. Медушевский // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Т. 9, № 4А. – С. 19–33.

192. Медушевский, Н.А. Политика памяти в Словакии на современном историческом этапе / Н.А. Медушевский // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История.

Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 36–51.

193. Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 1. – С. 195–205.

194. Мелихов, Г.В. Женское как «свое» и «другое»: вариации на тему философствования Л. Иригарей и Э. Левинаса / Г.В. Мелихов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2008. – № 1. – С. 138–149.

195. Мелков, С.В. Эволюция представлений о гендере и гендерной идентичности в психоанализе от истоков до 1990-х годов / С.В. Мелков, А.В. Кудрина // Развитие личности. – 2015. – № 2. – С. 96–119.

196. Мендрул, М.Ю. Рациональность в контексте познания, науки и культуры / М.Ю. Мендрул. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnost-v-kontekste-poznaniya-nauki-i-kultury/viewer> (дата обращения: 30.06.2021).

197. Мид, Дж. От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль: тексты. – М., 1994. – 496 с.

198. Мид, Дж.Г. Избранное / Дж.Г. Мид. – М., 2009. – 287 с.

199. Мирошников, Ю.И. Аксиологическая структура социокультурной коммуникации / Ю.И. Мирошников. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 6. – 114 с.

200. Митина, Н.Г. Марксистский гендерный проект / Н.Г. Митина // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2007. – № 1. – С. 114–126.

201. Мовсесян, А.Г. Понятие идеального коммуникативного сообщества в трансцендентально-герменевтической философии К.-О. Апеля / А.Г. Мовсесян // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2007. – № 1. – С. 64–69.

202. Можейко, М.А. Нарратив / М.А. Можейко // История философии. Энциклопедия. – 2002. С. 650–652.

203. Можейко, М.А. От постмодерна к пост-постмодерну: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции философия языка /

М.А. Можейко. – URL: <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf>
(дата обращения: 05.09.2016).

204. Молчанов, А.В. Коммуитаризм как альтернатива классическим идеологиям / А.В. Молчанов // Pro Nunk. Современные политические процессы. – 2017. – № 1 (17). – С. 51–57.

205. Мочалова, И.Н. К вопросу о становлении философской терминологии: эйдос и идея в философии Платона / И.Н. Мочалова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2007. – Т. 8, вып. 2. – С. 73–81.

206. Монастырский, Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы / Д.В. Монастырский // Гуманитарий юга России. – 2017. – Т. 23, № 1. – С. 181–188.

207. Морозова, О.Н. Определение понятия коммуникации в современной лингвистике / О.Н. Морозова, О.А. Базылева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 7, № 1. – С. 204–211.

208. Моторина, Л.Е. Феномен коммуникации в жизни современного человека / Л.Е. Моторина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 3–1. – С. 6–10.

209. Мудрагей, Н.С. Коммуникация как мера человечности / Н.С. Мудрагей // Философия науки и техники. – 2012. – Т. 17, № 1. – С. 143–155.

210. Мудрик, А.В. Социальная педагогика / А.В. Мудрик. – М., 2000. – 200 с.

211. Муртазина, Д.Ф. Влияние философии Симоны де Бовуар на творчество Айрис Мердок (на материале романа «Колокол») / Д.Ф. Муртазина // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, кн. 2. – С. 238–244.

212. Мусаев, И.М. Государственно-гражданская идентичность: теория и опыт формирования / И.М. Мусаев, А.А. Гаджиева // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 15–19.

213. Мусаев, И.М. Основы формирования политической идентичности / И.М. Мусаев, А.А. Гаджиева // Социально-политические науки. – 2017. – № 1. – С. 7–10.
214. Муханалиева, А.А. Нормативное коммуникативное поведение / А.А. Муханалиева // *Lingua mobilis*. – 2012. – № 4 (37). С. 68–72.
215. Назарчук, А.В. Эволюция понятия коммуникации в социальной мысли XX века / А.В. Назарчук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2012. – № 1. – С. 48–49.
216. Наумов, С.А. Игра как способ представлений реальности публичных коммуникаций / С.А. Наумов // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 29–42.
217. Национальный состав России 2022 (перепись 2010). – URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii> (дата обращения: 24.08.2025).
218. Невважай, И.Д. Как возможна общая теория норм? / И.Д. Невважай // Мир человека: нормативное измерение – 5. Постигание нормативности и нормативность познания: сб. трудов междунар. науч. конф. (Саратов, 12–14 июня 2017 г.). – Саратов, 2017. – С. 6–21.
219. Невважай, И.Д. Коммуникативный правогенез / И.Д. Невважай // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 4 (123). – С. 216–223.
220. Невважай, И.Д. Нормогенез в процессе коммуникации / И.Д. Невважай // Проблемы методологии и философии права. – Самара, 2015. – С. 38–51.
221. Невважай, И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической теории права / И.Д. Невважай // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 6 (335). – С. 68–86.
222. Невважай, И.Д. О специфике теории в нормативных науках / И.Д. Невважай // Мир человека: нормативное измерение – 4: Гуманитарное измерение: сб. трудов междунар. науч. конф. (Саратов, 4–6 июня 2015 г.). – Саратов, 2015. – С. 6–18.
223. Немчина, В.И. Доминирующие стратегии идентификации

и производство коллективностей / В.И. Немчина // Гуманитарий юга России. – 2014. – № 3. – С. 121–128.

224. Нестеров, А.Г. Движение пяти звезд как феномен «протестной партии» в Италии XXI века / А.Г. Нестеров, М.С. Джаяни // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 290–303.

225. Нестерова, В.Л. К вопросу о динамике гендерных стереотипов в современном постиндустриальном обществе / В.Л. Нестерова, С.Т. Баранов // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 46. – С. 61–69.

226. Николенко, Н.А. Общественное мнение и социальные практики: причины трансформации в современном обществе / Н.А. Николенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. – 2012. – № 3 (18). – С. 188–195.

227. Николин, В.В. Нарратив как средство субъективного воздействия на читателя / В.В. Николин, Е.В. Пастухова // Вестник Омского университета. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 65–68.

228. Никонов, В.А. Российская матрица / В.А. Никонов // Современная Европа. – 2015. – № 2 (62). – С. 9–19.

229. Никофорова, П.Г. Проблема национальной идентичности в условиях глобализации / П.Г. Никофорова // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13, № 2. – С. 382–386.

230. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т. 2. – М., 2010. – 634 с.

231. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т. 3. – М., 2010. – 692 с.

232. Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение / Д. Норт // THESIS. – 1993. – Т. 1, вып. 2. – С. 69–91.

233. Нурмухаметов, Э.А. Постановка и анализ проблемы нормативности в онтогенезе / Э.А. Нурмухаметов // Психологическая наука и образование. – 2013. – Т. 5, № 2. – С. 96–102.

234. Оглезнев, В.В. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий / В.В. Оглезнев, И.П. Тарасов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология.

Политология. – 2010. – № 4 (12). – С. 101–110.

235. Оглезнев, В.В. Определение в аналитической философии права: П. Хакер vs Г. Харт / В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 421. – С. 36–40.

236. Оглезнев, В.В. Питер Хакер об определении в юриспруденции / В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Политология. Социология. – 2017. – № 39. – С. 238–247.

237. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов. – 24-е изд., испр. – М., 2005. – 1200 с.

238. Окунев, О.Б. Модели динамики демографических показателей населения России / О.Б. Окунев // Инновации и инвестиции. – 2010. – № 4. – С. 20–23.

239. Омельченко, Е.А. Самовыражение в системе ценностных ориентаций будущих педагогов дошкольного образования / Е.А. Омельченко, Г.С. Чеснокова, Р.О. Агавелян // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 7–22.

240. Орлова, Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании / Э.А. Орлова // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 87–111.

241. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2002. – 506 с.

242. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2022).

243. Павкин, Л.М. Либертарианство: принципы, теория, оценка / Л.М. Павкин // Северо-кавказский юридический вестник. – 2014. – № 1. – С. 27–33.

244. Панкратова, М.Н. Проблема взаимодействия онтологической мотивации и постмодернистского логоцентризма / М.Н. Панкратова //

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 8. – С. 56–58.

245. Пантин, В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации / В.И. Пантин // Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 29–39.

246. Пастушкова, О.В. Три лика гуманизма: Хайдеггер, Сартр, Левина / О.В. Пастушкова // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2011. – Т. 7, № 11–3. – С. 121–124.

247. Пащак, И.В. Представление Х. Ортеги-и-Гассета о современной европейской культуре и проблема социальных отношений / И.В. Пащак // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 4–4. – С. 27–30.

248. Пашенко, А.К. Структурно-диалектический подход к пониманию проблемы нормативного поведения личности / А.К. Пашенко // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 299–304.

249. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. / Л.И. Петражицкий. – Т. 1. – СПб., 1907. – 308 с.

250. Петренко, В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке / В.Ф. Петренко // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 75–82.

251. Петросян, В.К. Статика и динамика в социологической концепции А. Бергсона / В.К. Петросян // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 5 (93). – С. 250–271.

252. Питерова, А.Ю. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения / А.Ю. Питерова, Е.А. Тетерена // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4, № –1 (13). – С. 103–110.

253. Плахов, В.Д. Норма и отклонение в обществе. Вопросы теории / В.Д. Плахов // Юридическая мысль. – 2008. – № 1 (45). – С. 20–30.

254. Плахов, В.Д. Социальные нормы: философский анализ общей теории / В.Д. Плахов. – М., 1985. – 253 с.

255. Плотникова, Н.М. Социальные практики как средство профессионального воспитания / Н.М. Плотникова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – Т. 23, № 4. – С. 17–21.

256. Повернинов, И.Е. Пропаганда, манипуляция сознанием, коммуникационные технологии / И.Е. Повернинов // Инженерные технологии и системы. – 2004. – Т. 14, № 1–2. – С. 55–60.

257. Погорелов, Д.Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей / Д.Н. Погорелов // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 4. – С. 262–267.

258. Подберезная, Л.И. Проблема тождества в философии и языке и закон Г.В. Лейбница / Л.И. Подберезная, В.Г. Семенова // Философия права. – 2009. – № 2 (33). – С. 107–112.

259. Полещук, И. Понятие интерсубъективной темпоральности в философии Левинаса / И. Полещук // Путь к Другому: сб. статей и переводов, посв. 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. – СПб., 2006. – С. 2–36.

260. Половникова, В.М. Я и Другой: концепции М. Бубера и Э. Левинаса / В.М. Половникова // Эпистемы-2: матер. межвуз. семинара. – Екатеринбург, 2001. – С. 92–96.

261. Поляков, А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дисс. ... д-ра юрид. наук / А.В. Поляков. – СПб, 2002. – 94 с.

262. Попов, А.В. Женщины в неблагоприятных условиях труда: субъективное восприятие и объективная реальность / А.В. Попов // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 3. – С. 115–127.

263. Попова Е.В. Онтологическая и гносеологическая специфика нормы / Е.В. Попова. – Екатеринбург, 2008. – 122 с.

264. Попова, Е.В. Содержание понятия «норма»: основные смыслы / Е.В. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия:

Философия. Социология. Культурология. – 2013. – № 38 (329), вып. 31. – С. 108–112.

265. Попова, О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России / О.В. Попова // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 173–194.

266. Попова, О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества / О.В. Попова. – СПб, 2002. – 258 с.

267. Попова, Т.П. Характеристики институционального дискурса / Т.П. Попова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 6, ч. 2. – С. 295–300.

268. Поркшеян, И.С. «Маскулинизация» и «феминизация» как социокультурный феномен / И.С. Поркшеян // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10–2. – С. 80–84.

269. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (в ред. от 13 декабря 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (дата обращения: 04.09.2025).

270. Поцелуев, С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С.П. Поцелуев // Политические исследования. – 1999. – №. 5. – С. 62–75.

271. Прудников, А.С. Юридическая природа гражданства: конституционно-правовой аспект / А.С. Прудников // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 1. – С. 181–183.

272. Пузько, В.И. Принцип самопонимания в конституировании личностного бытия в условиях мультикультурности и транскulturности / В.И. Пузько // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 3. – С. 16–21.

273. Пушкарева, Н.Л. «Женский» вопрос в теории марксизма (Почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастливый?) / Н.Л. Пушкарева // Женщина в российском обществе. – 2002. – № 1. – С. 2–13.
274. Пэнто, Р. Методы социальных наук / Р. Пэнто. – М., 1972. – 607 с.
275. Равочкин, Н.Н. Проблематика идей и политико-правовых институтов в освещении нарративного подхода / Н.Н. Равочкин, О.Ф. Нескрябина, Р.П. Мусат, Н.А. Князев // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8, № 6А. – С. 204–216.
276. Равочкин, Н.Н. Роль интеллектуалов в обеспечении эволюционного варианта развития современного социума / Н.Н. Равочкин // Профессиональное образование в современном мире. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 4252–4261.
277. Раджабов, О.Р. История эволюции форм брака и семьи / О.Р. Раджабов, А.А. Миримова // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 6. – С. 147–152.
278. Райнах, А. Собрание сочинений / А. Райнах. – М., 2001. – 482 с.
279. Расторгуев, С.В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи / С.В. Расторгуев // Вестник Финансового университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 12. – № 4. – С. 89–96.
280. Рачипа, А.В. Патриотизм как эмоциональный компонент гражданской идентичности: история и современность / А.В. Рачипа, А.В. Алексеева, В.В. Бурьков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 3–2. – С. 373–377.
281. Ребров, А.И. Локальная политическая идентичность / А.И. Ребров // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14, № 1 (101). – С. 20–40.
282. Резник, Ю.М. Человек и его социальные практики / Ю.М. Резник // Интелрос. – 2008. – № 4/6. – С. 84–102.
283. Родина, В.А. Концепция коммуникаций Г.М. Маклюэна и современность / В.А. Родина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1 (39). – С. 83–86.

284. Родионова, В.И. Деятельностный подход и понятие «социальные практики в современной философии / В.И. Родионова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (44), ч. 1. – С. 170–173.

285. Розентол, С.Б. Этическое измерение человеческого существования: прагматический путь Мида за пределами абсолютизма и релятивизма / С.Б. Розентол // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 137–142.

286. Романова, К.С. Дискурсы исторической памяти / К.С. Романова // Дискурс Пи. – 2016. – № 3–4 (25–26). – С. 31–36.

287. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 2000. – Кн. 2. – 2015 с.

288. Рубин, Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола / Г. Рубин // Антология гендерной теории. – Минск, 2000. – С. 99–113.

289. Ручкина, Г.Ф. Человек в мире техники: история и современность / Г.Ф. Ручкина // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. Серия: История, философия, социология. – 2006. – № 101. – С. 70–74.

290. Салихов, Г.Г. Проблема идентичности в эпоху глобализации / Г.Г. Салихов // Век глобализации. – 2011. – № 1. – С. 122–129.

291. Самовольнова, О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри / О.В. Самовольнова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2017. – № 4–2 (10). – С. 261–271.

292. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М., 1990 – С. 319–344.

293. Семененко, И.С. Идентичность в предметном поле политической науки / И.С. Семененко // Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам Всерос. науч.-тех. конф. – М., 2011. – С. 8–13.

294. Семенов, И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности / И.С. Семенов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 5–24.
295. Семенова, В.Э. Гендерная философия в поисках субъекта / В.Э. Семенова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2009. – № 3 (13). – С. 139–144.
296. Сидоров, А.М. Воображение и реальность (Ш. Фурье и современная философия) / А.М. Сидоров // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 6 (23). – С. 98–104.
297. Силласте, Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы / Г.Г. Силласте // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 77–84.
298. Силласте, Г.Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка / Г.Г. Силласте // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 2. – С. 38–51.
299. Силласте, Г.Г. Социальная субъективность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка / Г.Г. Силласте // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 4. – С. 14–26.
300. Силласте, Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка / Г.Г. Силласте // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 2. – С. 3–16.
301. Соловьева, С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти / С.В. Соловьева. – Самара, 2009. – 247 с.
302. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза // Избранные произведения в 2-х т. – Т. 1. – М., 1957. – С. 359–618.
303. Степанов, М.А. Поэтика изобретения. Рецензия на книгу Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» / М.А. Степанов // Международный журнал исследования культуры. – 2013. – № 3 (12). – С. 157–160.
304. Стоян, А.А. Идеология массы в философии Жана Бодрийера / А.А. Стоян // Juvenis Scientia. – 2016. – № 2. – С. 80–82.

305. Стрекольщикова, И.В. Вопрос о сущности языка в трудах лингвистов натуралистического направления / И.В. Стрекольщикова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2015. – № 20 (375), вып. 97. – С. 110–116.

306. Стукалов, П.Б. Политическая идентичность как предмет исторического исследования / П.Б. Стукалов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. – № 1. – С. 81–85.

307. Сунгуров, А.Ю. Публичная политика: основные направления исследования (мировой и российский опыт) / А.Ю. Сунгуров // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 5–31.

308. Тейлор, Ч. Что такое социальное воображаемое? / Ч. Тейлор // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 1 (69). – С. 19–26.

309. Тимербулатова, А.А. Философский взгляд на проблему стереотипного мышления / А.А. Тимербулатова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – С. 206–208.

310. Тимофеев, И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции / И.Н. Тимофеев. – М., 2008. – 176 с.

311. Титов, В.В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов / В.В. Титов // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 42–54.

312. Титов, В.Ф. Футурологические идеи Хосе Ортеги-и-Гассета / В.Ф. Титов // Философия и общество. – 1998. – № 5. – С. 201–219.

313. Тихонова, С.В. Идеиные истоки развития российской коммуникативной теории права / С.В. Тихонова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 2. – С. 25–47.

314. Тихонова, С.В. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху: дисс. ... д-ра юрид. наук / С.В. Тихонова. – Саратов., 2024. – 433 с.

315. Тихонова, С.В. Концептуальные основания западной коммуникативной теории права: Николас Луман / С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 60–64.

316. Тогузаева, Е.Н. Нормы морали, права, религии как регуляторы поведения / Е.Н. Тогузаева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7, вып. 2. – С. 46–49.

317. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М., 1996. – 335 с.

318. Третьякович, Е.В. К вопросу о понятии и функциях коммуникации в современной лингвистике / Е.В. Третьякович // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 4–2. – С. 118–121.

319. Труфанова, Е.О. Идентичность и Я / Е.О. Труфанова // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 95–105.

320. Труфанова, Е.О. Субъект в мире социальных конструкций / Е.О. Труфанова // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2018. – Т. 1, № 2. – С. 24–36.

321. Труфанова, Е.О. Человек в лабиринте идентичностей / Е.О. Труфанова // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 13–22.

322. Труфанова, Е.О. Эскапизм: между природой и культурой / Е.О. Труфанова // Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 1. – С. 125–134.

323. Тульчинский, Г.Л. Субъектность как ответственное сознание самости: распределенная идентификация и прокреативность автопроекции / Г.Л. Тульчинский // Человек как открытая целостность. – Новосибирск, 2022. – С. 63–75.

324. Тульчинский, Г.Л. Роль и значение осмысленной коммуникации / Г.Л. Тульчинский // Инженеры смыслов: от концепта к профессионализации. Коллективная монография. – СПб., 2024. – С. 59–91.

325. Тульчинский, Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре / Г.Л. Тульчинский // Человек. Культура. Образование. – 2011. – № 2. – С. 5–14.

326. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2025).

327. Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.08.2025).

328. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.08.2025).

329. Усманов, С.М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссионные проблемы и варианты научной интерпретации / С.М. Усманов // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 40–44.

330. Ушкарев, О.А. Учение Л.И. Петражицкого о праве и его оценка в российской юридической науке / О.А. Ушкарев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 5 (109). С. 329–332.

331. Фадеева, Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал / Л.А. Фадеева // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 164–180.

332. Фуко, М. Забота о себе: История сексуальности –III / М. Фуко. – М., 1998. – 282 с.

333. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М., 1999. – 454 с.

334. Фурье, Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия / Ш. Фурье // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1938. – 313 с.
335. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб., 2001. – 380 с.
336. Хабермас, Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Ю. Хабермас // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 1. – С. 3–25.
337. Хабибуллина, З.Н. Роль коммуникации в социализации личности / З.Н. Хабибуллина // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4, № 11. – С. 537–541.
338. Хайбуллина, И.В. Техногенная цивилизация, общество и человек / И.В. Хайбуллина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 7 (89). – С. 141–147.
339. Харичев, А.Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробаций) / А.Д. Харичев, А.Ю. Шутов, А.В. Полосин, Е.Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19.
340. Хубер, Дж. Теория гендерной стратификации / Дж. Хубер // Антология гендерной теории. – Минск, 2000. – С. 77–98.
341. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / И.В. Кондаков, К.Б. Соколов, Н.А. Хренов. – М., 2011. – 1024 с.
342. Чекушкина, Е.Н. Коммуникативная теория Ю. Хабермаса и культура информационного общества / Е.Н. Чекушкина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. – С. 25–27.
343. Черепанов, В.С. Основные направления развития образовательной нормологии / В.С. Черепанов, О.В. Любимова // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 10. – С. 12–15.
344. Чернов, А.Ю. Психологическая структура групповых норм /

А.Ю. Чернов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2014. – № 3 (29). – С. 144–148.

345. Черняк, Л.С. Внезаходимость в диалогике: самодетерминация мысли и детерминации немисленные / Л.С. Черняк // Владимир Соломонович Библер. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 10–128.

346. Чодороу, Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (ч. III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) / Н. Чодороу // Антология гендерной теории. – Минск, 2000. – С. 29–76.

347. Шелудько, А.Н. Феральные люди / А.Н. Шелудько, Ю.К. Жданова, Л.А. Павлова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2016. – Т. 6, № 5. – С. 591.

348. Шерман, Дж. Величайший потенциальный вклад биосемиотики в биологию / Дж. Шерман // МЕТОД – 2022. – Т. 2, № 4. – С. 123–152.

349. Шишлова, Е.Э. Трансформация гендерной идентичности: социально-психологический аспект / Е.Э. Шишлова // Вестник МГИМО-университета. – 2012. – №1 (22). – С. 204–210.

350. Шматко, Н.А. На пути к практической теории практики. Послесловие / Н.А. Шматко // Бурдые, П. Практический смысл. – СПб, 2001. – С. 548–562.

351. Шугальский, С.С. Социальные практики: интерпретация понятия / С.С. Шугальский // Знание Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 276–280.

352. Щекотихина, И.Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования / И.Н. Щекотихина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008. – Т. 1, № 5 (19). – С. 69–80.

353. Щенников, В.П. Проблема самосознания в истории философии / В.П. Щенников, О.Н. Белоглазова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1 (45). – С. 195–199.

354. Щюц, А. Структура повседневного мышления / А. Щюц //

Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.

355. Экзекова, М.Н. Политическая идентичность как онтологическая категория: отраслевое определение идентичности в контексте политического бытия / М.Н. Экзекова // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 9 (101). – С. 107–110.

356. Этнические стереотипы поведения / под ред. А.К. Байбурина. – Л., 1985. – 325 с.

357. Янак, А.Л. Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна / А.Л. Янак // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 118–126.

358. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – М., 1994. – С. 28–287.

359. Atkins, K. Narrative identity, practical identity and ethical subjectivity / K. Atkins // Continental Philosophy Review. – 2004. – № 37. – P. 341–366.

360. Atkins, K. Narrative identity and moral identity: a practical perspective / K. Atkins. 2008. – NY. – 169 p.

361. Belshaw, C. My Beginnings / C. Belshaw // The Monist. – 2006. – Vol. 89, № 3. – P. 371–389.

362. Bespalova, T. Problems of formation of civic identity of students' personalities in modern conditions of development of Russian education and society / T. Bespalova // Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society. – 2019. – Vol. 70. – P. 1–6.

363. Black, M. The Identity of Indiscernibles / M. Black // Mind. – 1952. – № 61 (242). – P. 153–164.

364. Bland, A.M. Humanistic perspective / A.M. Bland, E.M. DeRobertis // V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford eds. Encyclopedia of Personality and Individual Differences. Springer International Publishing. – 2020 – P. 2061–2079.

365. Borowski, E.J. Identity and personal identity / E.J. Borowski // Mind. New Series. – 1976. – Vol. 85, №. 340. – P. 481–502.

366. Chodorow, N. *Feminism and Psychoanalytic Theory* / N. Chodorow. – New Haven, Conn, 1989. – 286 p.
367. Christman, J. Narrative unity as a condition of personhood / J. Christman // *Metaphilosophy*. – 2004. – Vol. 35, № 5. – P. 695–713.
368. Deibert, R.J. *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation* / R.J. Deibert. – N.Y., 1997. – 329 p.
369. Deuttsch, K. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control* / K. Deuttsch. – N.Y., 1966. – 316 p.
370. Dishion, T.J. *The Development and Ecology of Antisocial Behavior: Linking Etiology, Prevention, and Treatment* / T.J. Dishion, G.R. Patterson // *Developmental Psychopathology*. – Vol. 3: Risk, Disorder, and Adaptation. – Hoboken, NJ, 2016. – P. 503–541.
371. Drabinski, J.E. *Sensability and Singularity. The problem of Phenomenology in Levinas* / J.E. Drabinski. New York, 2001. – 249 p.
372. Dryaeva, E.D. Individual and social determinants for the formation of identity: A comparative analysis of research strategies / E.D. Dryaeva, I.A. Канаев // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Философия и конфликтология*. – 2020. – Т. 36, № 4. – С. 621–633.
373. Fitch, W.T. Social cognition and the evolution of language: constructing cognitive phylogenies / W.T. Fitch, L. Huber, T. Bugnyar // *Neuron*. – 2010. – Vol. 65. – P. 795–814.
374. Fritsche, I. Account Strategies for the Violation of Social Norms: Integration and Extension of Sociological and Social Psychological Typologies / I. Fritsche // *Journal for the Theory of Social Behavior*. – 2002. – Vol. 32, № 4. – P. 371–394.
375. Geach, P. *Ontological relativity and relative identity* / P. Geach // *Logic and Ontology*. – New York, 1973. – P. 298–302.
376. Greenfield, P.M. The changing psychology of culture form 1800 through 2000 / P.M. Greenfield // *Psychological Science*. – 2013. – № 24. – P. 1722–1731.
377. Hacker, P. *Definition in Jurisprudence* / P. Hacker // *The Philosophical*

Quarterly. – 1969. – Vol. 19, № 77. – P. 343–347.

378. Haslanger, S. Endurance and Temporary intrinsics / S. Haslanger // *Analysis*. – 1989. – № 49 (3). – P. 119–125.

379. Hovelaque, A. La linguistique / A. Hovelaque. – Paris, 1881. – 436 p.

380. Hurford, J.R. The evolution of critical period for language acquisition / J.R. Hurford // *Cognition*. – 1991. – Vol. 40. – P. 159–201.

381. Innis, H. The Bias of Communication / H. Innis. – Toronto, 1951. – 226 p.

382. Innis, H.A. Empire and Communications / H.A. Innis. – Oxford, 1950. – 230 p.

383. Hartman, H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex / H. Hartman // *Signs*. – 1976. – № 1. – P. 137–169.

384. Husserl Edmund. De la synthèse passive / Husserl Edmund. – Paris, 1993. 432 p.

385. Kashima, Y. Meaning, grounding, and the construction of social reality / Y. Kashima // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2014. – № 17. – P. 81–95.

386. Kim, T. Identities for degenerate Bernoulli polynomials and Korobov polynomials of the first kind / T. Kim, D.S. Kim // *Science China Mathematics*. – 2019. – № 62 (5). – P. 999–1028.

387. Levinas, E. Diachronie et representation / E. Levinas // *Entre nous: essays sur le penser-a-l'Autre*. – Paris, 1991. – 252 p.

388. Lewis, D. Extrinsic properties / D. Lewis // *Philosophical Studies*. – 1983. – № 44. – P. 197–200.

389. Maran, T. Ecosemiotics: main principles and current developments / T. Maran, K. Kull // *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*. – 2014. – Vol. 96 (1). – P. 41–50.

390. Maynard, M. Beyond the «big three»: the development of feminist theory into the 1990s / M. Maynard // *Women's History Review*. – 1995. – № 4 (3). – P. 259–281.

391. Morris, M.W. Normology: Integrating insights about social norms to understand cultural dynamics / M.W. Morris, Ying-yi Hong, Chi-yue Chiu, Zhi Liu // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 2015. – № 129. – P. 1–13.
392. Nebel, J.M. Normative Reasons as Reasons Why We Ought / J.M. Nebel // *Mind*. – 2019. – № 128 (510). – P. 459–484.
393. Offen, K. Sur l'origine des mots «féminisme» et «féministe» / K. Offen // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. – 1987. – № 34 (3). – P. 492–496.
394. Parfit, D. Personal identity / D. Parfit // *The Philosophical Review*. – 1971. – Vol. 80, № 1. – P. 3–27.
395. Patterson, G.R. *A Social Learning Approach. Vol. 3. Coercive Family Process* / G.R. Patterson. – Eugene, 1982. – 368 p.
396. Pinker, S. Natural language and natural selection / S. Pinker, P. Bloom // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1990. – Vol. 13. – P. 707–784.
397. Rodogno, R. Personal identity online / R. Rodogno // *Philosophy and Technology*. – 2012. – № 25 (3). – P. 309–328.
398. Ryabchenko, O.N. Social and philosophical understanding of national and civic identity in the context of interethnic and interreligious conflict risks / O.N. Ryabchenko, A.I. Prokopyev, L.N. Romanchenko et al. // *XLinguae*. – 2008. – Vol. 11, № 2. – P. 359–369.
399. Schechtman, M. Stories, lives, and basic survival: A refinement and defense of the narrative view / M. Schechtman // *Narrative and Understanding Persons: Royal Institute of Philosophy Supplement*. – 2007. – № 60. – P. 155–178.
400. Shamionov, R.M. The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in russian youth / R.M. Shamionov // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 459–472.
401. Shannon, C.E. *The Mathematical Theory of Communication* / C.E. Shannon, W. Weaver. – Urbana, 1964. – 132 p.

402. Sin, E.S. Digital identity management system using blockchain technology / E.S. Sin, T.T. Naing // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. – 2021. – № 1166. – P. 895–906.

403. Soliemanifar, O. Relationship between personality and biological reactivity to stress: a review / O. Soliemanifar, A. Soleymanifar, R. Afrisham // *Psychiatry Investig.* – 2018. – № 15 (12). – P. 1100–1114.

404. Terry, T.J. Group norms and the attitude-behavior relationship: a role for group identification / T.J. Terry, M.A. Hogg // *Personality and social psychology bulletin*. – 1996. – № 2. – P. 776–793.

405. Tomnyuk, N.D. Terminology concept of norm and pathology in medical practice / N.D. Tomnyuk, E.P. Danilina // *International Journal of Applied and fundamental research*. – 2017. – № 7 (part 2). – P. 214–216.

406. Vukasović, T. Heritability of personality: A meta-analysis of behavior genetic studies / T. Vukasović, D. Bratko // *Psychol Bull.* – 2015. – № 141 (4). – P. 769–785.

407. Zahavi, D. Group-identification, collectivism and perspectival autonomy / D. Zahavi // *Southern Journal of Philosophy*. – 2023. – № 61(S1). – P. 66–77.

408. Zhao, Z. Black-Box Accountable Authority Identity-Based Revocation System / Z. Zhao, G. Wu, F. Guo et al // *Computer Journal*. – 2020. – № 63 (4). – P. 525–535.